

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В.И.Савельев

**ПО ОБЕ
СТОРОНЫ
КИЛИМАНДЖАРО**

В.И.Савельев

•

**ПО ОБЕ
СТОРОНЫ
КИЛИМАНДЖАРО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

Ответственный редактор

В. Е. ОВЧИННИКОВ

Савельев В.

С12 По обе стороны Килиманджаро. Предисловие
В. Е. Овчинникова, М., Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1976.

200 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Книга советского журналиста посвящена двум государствам современной Африки, расположенным по обе стороны горы Килиманджаро, — Кении и Танзании. Автор дает подробную характеристику политического и экономического положения этих стран, рассказывает о быте и правах их народов, а также о животном и растительном мире.

91(И6)

С $\frac{20901-123}{013(02)-76}$ 124-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«По обе стороны Килиманджаро» — путевые очерки советского журналиста Владимира Савельева, который несколько лет проработал в Кении и Танзании — двух странах Восточной Африки, много путешествовал, часто встречался и беседовал с жителями, наблюдал их быт, знакомился с нравами и обычаями.

Восточная Африка известна русскому читателю уже давно. Еще в 1870 г. в Москве вышел перевод с немецкого языка книги «Путешествия по Восточной Африке в 1859—1861 годах барона Карла фон Дикен», написанной бывшим спутником Дикена по путешествиям Отто Керстеном. Читателям были известны также и книги таких путешественников, как Д. Ливингстона, Г. Стэнли и других. Среди тех, кто посетил Восточную Африку в конце прошлого — начале нынешнего века, были и наши соотечественники: С. В. Аверин, В. А. Догель, В. Н. Никитин, И. И. Соколов, В. Н. Троицкий, В. В. Юнкер и другие. Об исследованиях и самих путешественниках с большой теплотой писали Ю. Д. Дмитриевский и И. Н. Олейников в книге «Великие Африканские озера».

Вероятно, читатели запомнили и произведения выдающегося американского писателя Эрнеста Хемингуэя «Зеленые холмы Африки», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Снега Килиманджаро». В них — великолепные зарисовки богатой природы Восточной Африки, много интересных наблюдений. Хемингуэй подчеркивал, что Африка гибнет от колонизации, природные ресурсы расхищаются, население нищает, голодает.

После второй мировой войны одна за другой бывшие колонии и зависимые территории Восточной Африки добиваются независимости. В декабре 1961 г. получила независимость Танганьика. (С апреля 1964 г. после объединения с Занзибаром она приняла название Объединенная Республика Танзания.) Два года спустя — в декабре 1963 г. — была объявлена независимым государством и Кения. Эти страны добились свободы после длительной упорной борьбы. Наибо-

лес известны в их истории — война «Маджи-Маджи» в Танзании (1905—1907), в результате которой не только в сражениях, но и от голода и болезней погибло 120 тыс. человек, и вооруженное восстание «Мау-Мау» (1952—1956) в Кении, когда (по статистическим данным советского африканиста А. Пегушева) погибло около 50 тыс. человек.

История Кении и Танзании, социально-экономическое развитие этих стран после достижения независимости, политические партии и государственный строй тщательно исследованы в работах советских африканистов, таких, как монографии А. М. Пегушева «Кения. Очерк политической истории (1956—1969)», С. Ф. Кулика «Современная Кения. Справочник», В. Я. Кацмана «Танганьика. 1945—1960», И. Е. Сеницыной «Танзания: Партия и государство» и многих других.

Опубликованы в нашей стране и многочисленные путевые очерки об Африке советских журналистов и писателей.

Предлагаемая читателю работа Владимира Савельева позволяет по-новому взглянуть на события, затронуть актуальные вопросы истории, культуры, нравы и обычаи народов Кении и Танзании. Автор подробно рассказывает о тех изменениях, которые происходят в жизни этих двух восточноафриканских стран.

Читатели познакомятся с богатым животным и растительным миром Танзании и Кении, повторят путь европейских первооткрывателей Восточной Африки, разрешат загадку анонимного аскари, узнают об истории рождения города Дар-эс-Салама — Гавани мира, о безымянных скульпторах маконде.

Вместе с автором они совершат увлекательное путешествие в географически далекую, но уже менее загадочную Восточную Африку. В какой-то мере автора, вероятно, можно сравнить с капитаном воздушного лайнера, который показал пассажирам с воздуха высочайшую вершину Африки — Килиманджаро так близко, как не видел ее еще никто. Ему удалось рассказать о Восточной Африке живо, интересно, оригинально.

В. Овчинников

ВСТУПЛЕНИЕ

— Леди и джентльмены, говорит ваш капитан. Рад приветствовать вас на борту нашего самолета «Ди-Си-9» компании «Ист-Африкэн эйрвейз». Предупреждаю — взлет будет довольно резким. Прошу всех пристегнуть ремни и не придавать особого значения некоторым неудобствам. Как вы знаете, аэропорт расположен у самого подножия Килиманджаро, и для того чтобы хорошо увидеть вершину, нам придется в считанные минуты набрать высоту до шести тысяч метров. Я хочу показать вам Килиманджаро с воздуха так близко, как не видел ее еще никто из вас... Итак, внимание. Килиманджаро будет по правому борту...

Мне пришлось немало летать на самолетах различных авиакомпаний, но такого словоохотливого и, пожалуй, излишне самоуверенного командира корабля я до сих пор не встречал. В самом деле, откуда он знает, что мы, пассажиры, не видели Килиманджаро «так близко»? И говорить в самолете, между прочим, обычно привилегия стюардесс. На сей раз стюардессы, одарив всех улыбками и конфетами, почему-то сами, как пассажиры, уселись в салоне и даже пристегнулись ремнями.

Впрочем, наш пилот очень быстро доказал, что он умеет не только говорить. Продолжая занимать пассажиров разными историями и не дожидаясь «возражений», он устремил самолет ввысь с такой лихой удалью, что слегка затрещала обшивка и даже из пассажирского салона было видно, как высоко кверху задирался его нос (самолета, конечно).

За какие-то мгновения реактивная машина прорвалась сквозь толщу облаков, и мы оказались в спокойной, ослепительно солнечной бесконечности. И вдруг

эта бесконечность как бы уперлась в отвесную стену. Вверх — в небо и вниз — в пропасть уходила снежная стена, и казалось, что крыло самолета вот-вот коснется ее искрящейся совсем рядом поверхности.

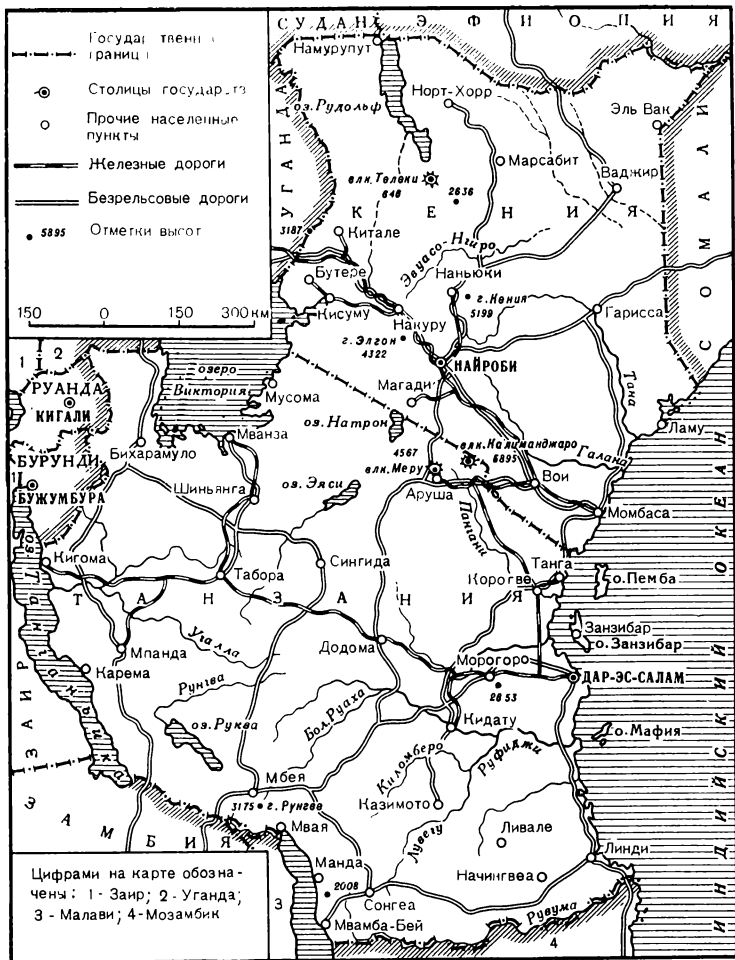
Вглядываясь в стремительно убегающие вниз заснеженные склоны, в алмазную чашу кратера, совершенно теряешь чувство реального, будто сам шагаешь по его кромке, а крыло самолета просто одно из твоих собственных. Недаром предки африканцев в своем воображении населяли Килиманджаро богами.

А сейчас, как видите, взглянуть Килиманджаро «в лицо» может в общем-то каждый, если «ваш капитан» достаточно отчаянный сорви-голова и, пренебрегая коварными воздушными потоками в непосредственной близости от вершины, а заодно инструкцией и установленным маршрутом полета, осмелится доставить вам несколько минут острых ощущений.

Вот снова включился микрофон и снова в самолете звучит возбужденно-веселый голос, в проходе салона появилась улыбающаяся стюардесса в длинном, до каблуков, ярко-узурчатом платье-униформе — нечто вроде африканского варианта Царевны-Лебедь. А в иллюминаторе величественная вершина уплывает все дальше и дальше и становится маленьким, ничего не значащим плоским треугольником. Как на карте.

Конечно, Килиманджаро не стена и не треугольник, и у него не две, а много сторон, но все-таки две можно условно выделить: кенийскую и танзанийскую. Этот древний потухший вулкан расположен как раз у самой границы двух независимых государств, некогда входивших в состав Британской Восточной Африки. И хотя вершины Килиманджаро находятся на территории Танзании, его северные склоны и отроги спускаются в Кению, и сама седловина кратера, слегка подернутая голубоватой дымкой, видна из кенийского национального парка Цаво.

Килиманджаро часто называют «крышей Африки». Это самая высокая гора на континенте. Многие видели на своем веку седовласый великан. Когда первые европейцы добрались до Килиманджаро и, вернувшись домой, написали о том, что в Африке есть снежная гора, их приняли за сумасшедших. Позже, когда ни у кого из людей практического, так сказать, склада ума уже

Административная карта Кении и Танзании

не вызывало сомнения, что на вершине Килиманджаро лежит настоящий снег, а не россыпи алмазов, с именем вулкана по-прежнему связывалось много фантастического.

Вот, например, телеграмма:

«Занзибар, 23 сентября
Семь часов двадцать семь минут утра
Джону С. Райту, государственному
секретарю

Выстрел произведен вчера ровно в полночь из жерла, пробуравленного в южном склоне Килиманджаро. Снаряд вылетел со страшным свистом. Ужасный взрыв. Страна опустошена смерчем. Воды моря поднялись до Мозамбикского пролива. Много кораблей сорвано с якорей и выброшено на берег. Уничтожены селения и деревни. Все обстоит благополучно.

Ричард У. Траст.

События, о которых идет здесь речь, на самом деле никогда не происходили. Но такая «депеша» все-таки была написана в конце прошлого века и даже отправлена... Но — не телеграфом и не «государственному секретарю». Автором ее был не вымышленный американский консул на Занзибаре Р. У. Траст, а замечательный французский писатель Жюль Верн. Он-то и отправил телеграмму вместе с остальными частями рукописи фантастического романа «Вверх дном» его будущему издателю.

В те времена еще никто не знал о термоядерной энергии, никто не собирался «пробуравливать» в горе Килиманджаро шестисотметровое отверстие, чтобы произвести из него выстрел ядром в 180 тысяч тонн, и сверхмощное взрывчатое вещество «мели-мелонит», с помощью которого действующие лица романа пытались изменить наклон земной оси, существовало только в воображении писателя.

Однако реальные события того времени выглядели не менее фантастическими. В 1886 г. английская королева Виктория подарила (да-да, именно подарила!) Килиманджаро своему племяннику, германскому кайзеру Вильгельму II в день его рождения. А тридцать лет спустя, во время первой мировой войны, наследники Виктории с боем отобрали «подарок» у кайзера, захватив заодно и большую часть остальной территории бывшей Германской Восточной Африки, простиравшейся к югу от Килиманджаро.

Красив и своеобразен молчаливый гигант. Он имеет особую притягательную силу здесь, в тропиках. Посудите сами: внизу жара, а в отеле «Кибо» — ближайшей к вершине Килиманджаро «точке цивилизации» — камин и меховые одеяла. Вьются, тянутся к самой крыше пле-

ти растения с густой и в то же время почти прозрачной на солнце зеленью, с ярко-оранжевыми тонкими, продолговатыми, похожими на миниатюрный кларнет, цветами. Впервые я увидел их двенадцать лет назад в Найроби, в небольшой уютной гостинице «Феар-вью». Был апрель 1964 г. — мое первое знакомство с Восточной Африкой. Может быть, поэтому так запомнились эти цветы. Они заглядывали в окна номера вместе с первыми лучами солнца.

В гостинице «Кибо» прохладно. Удивительно прохладно после Дар-эс-Салама. Ранним утром, когда снега Килиманджаро вспыхивают под лучами солнца, у подножия еще долго стелется ленивый полумрак. Он прячется во влажных зарослях бананов и кофе, под широкими низкими стеблями ямса.

Машина медленно ползет вверх по узкой извилистой дороге, проложенной в лесу. Высокие мощные стволы африканских пород деревьев — и тут же кусты малиника. Уже довольно высоко, и кое-где за обрывистым склоном внизу открывается панорама залитой солнцем долины, окаймленной далекими очертаниями синих предгорий. Больше пока ничего не видно, и только бурные потоки воды, низвергающиеся откуда-то сверху, напоминают о близкой снежной вершине. Еще долго и медленно ползешь вверх мимо бананов и плантаций кофе, прежде чем впереди откроется самое главное — вершина.

Не подумайте, что шоссе ведет прямо к вершине Килиманджаро. Асфальт кончается у гостиницы «Кибо». Отсюда еще долго карабкаться горной тропой туда, где едва различимой точкой чернеет среди снегов небольшая хижина для туристов. Это пик Кибо.

Вторая вершина Килиманджаро — Мавензи — несколько ниже, и в жаркий сезон снег там стаивает полностью. Кибо же никогда не сбрасывает снежного покрова. Эта вершина особенно хороша вечером, на закате. Кибо как бы распарывает облака, и ветер уносит красные клочья. Сочетание фантастического и реального здесь кажется очень естественным.

Я прожил несколько лет в Кении, а затем в Танзании. По обе стороны Килиманджаро. Написанные мною очерки и легли в основу этой книги.

КЕНИЙСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Лучше всего о стране могут рассказать ее дороги. Достаточно беглого взгляда на карту того или иного государства, чтобы представить себе степень его экономического развития. Одни опутаны густой паутиной, причудливым, но вместе с тем закономерным хитросплетением красных и черных линий; у других — только отдельные жилки, которые можно буквально перечесать по пальцам. Дороги — это артерии страны, ее кровеносные сосуды. По их состоянию можно судить о работе всего организма.

На дорожных перекрестках встречаешься с людьми. Дороги позволяют лучше понять страну, узнать, даже увидеть ее историю, сегодняшний день и, если хотите, заглянуть в будущее.

На карте Восточной Африки Кения занимает довольно обширную территорию. В южной части страны поперек, словно тощая длинная ящерица, тянутся шоссе и железная дороги с небольшими ответвлениями в виде лапок. Рассказ о Кении мне хочется начать с дороги.

Странная монета песа

Как-то на одном кенийском проселке, из тех, что обозначены только на крупномасштабных картах, я встретил женщин из племени масаи. Совсем незначительный эпизод, который можно было бы давным-давно забыть, если б он не навел меня тогда на некоторые размышления. Я ехал к озеру Магади, расположенному примерно в шестидесяти пяти километрах к югу от Найроби. Кения небогата полезными ископаемыми — воз-

Кооператив резчиков в Момбасе

можно, некоторые районы еще просто мало исследованы. В Магади добывается сода, идущая на экспорт, в том числе и в Советский Союз. Это крупное и хорошо организованное капиталистическое предприятие. У въезда на территорию висит предупреждающая надпись: «Частная собственность. Проезда нет. Каждый нарушивший будет строго преследоваться по закону». Предупреждение распространяется на все озеро Магади с его необыкновенными, какими-то малиново-розовыми, прямо кисельными берегами.

Магади с Найроби связывает железная дорога, и поэтому автомобильная — очень плохая. Это характерно для Кении, где издавна велась борьба между энтузиастами двигателя внутреннего сгорания и более могущественными сторонниками паровичков в лице железнодорожной корпорации «Ист-Африкэн рейлвейз», захватившей монополию на перевозки внутри страны еще на заре автомобилестроения. Одна из наиболее важных шоссейных дорог, связывающая столицу с портом Момбасой, через который осуществляются все основные экспортно-импортные операции, стала по-настоящему

строиться только в середине 60-х годов. Раньше половина дороги была грунтовой: вулканическая пыль в сухой сезон, непролазное грязное месиво — в дождливый. Других сезонов в Кении не бывает.

Если такой была дорога в Момбасу, то о шоссе в Магади нечего и говорить. Сода отправлялась поездами, а если кто-то из служащих компании изъявлял желание провести выходные дни в Найроби, то почему бы ему и не потрястись на ухабах.

Путь в Магади лежит среди безлюдной саванны, зловеще угрюмой, с голыми каменистыми кряжами и клочьями пожелтелых, обгоревших под немилосердным солнцем кустов и травы. Нагромождения раскаленных скал, гряды гор с темными гребешками производят удручающее впечатление. Кажется, что где-то близко край света. Кругом ни души. С сожалением поглядываешь на спидометр, механически отсчитывающий все новые и новые километры от удобного и чистенького Найроби, и даже начинаешь сомневаться, правильно ли едешь.

И вот на этой дороге навстречу мне из кустов вышло несколько масайских женщин с ребятишками. Я остановился и спросил, далеко ли еще до Магади. Женщины не ответили, посмотрели на меня смущенно и недоуменно. Я не знаю языка масаи, а женщины не умели говорить ни на каком другом. Я тоже бессмысленно улыбнулся. И тут одна из них, постарше и порасторопнее, указывая на мою кинокамеру, спросила, почти потребовала: «песа?..»

Я понял, что она не прочь позировать для съемки и хочет за это получить деньги. Видимо, не в первый раз ей приходилось иметь дело с этими странными белыми чужеземцами, для которых мочки ушей масайских женщин, оттянутые чуть ли не до самой груди тяжелыми железками в виде колокольчиков, их головы, бритые паголо или увенчанные причудливой прической, сделанной с помощью красной глины, их руки и босые ободранные ноги, плотно обмотанные блестящей проволокой, составляют предмет жгучего любопытства.

Меня больше удивило другое: песа — что это за слово? Откуда взялось оно в языке скотоводов-кочевников, которые едва ли имели понятие о денежных отношениях до того, как пришли сюда европейцы? В Кении, да

и во всей Восточной Африке, в ходу шиллинги и центы. Раньше, насколько мне известно, среди местных племен в качестве денег использовались морские ракушки «каури», потом мелкие бусы.

Позднее я узнал, что такое песа. Так называлась мелкая медная монета компании Германской Восточной Африки, некогда захватившей соседнюю с Кенией территорию, впоследствии названную Танганьикой. В 1890—1892 гг. песа чеканилась для внутренних нужд. Доходы компании по-прежнему исчислялись в немецких марках. Изобретение песа понадобилось для того, чтобы покупать у местных племен слоновую кость и другие «колониальные» товары. Возможно, монеткой песа расплачивались и за черных невольников. В деньгах компания не чувствовала недостатка — при желании она могла выпустить сколько угодно своей доморощенной валюты, на любую необходимую сумму.

После первой мировой войны германские владения в Восточной Африке вместе с кочующим племенем масаи достались англичанам. Пришли новые порядки и новая валюта. Но среди масаев так и осталась жить эта маленькая монетка с хищным имперским орлом.

Изумрудная земля кикуйю

На север от Найроби до местечка Кахава, где в колониальные времена располагалась английская военная база, идет широкая и гладкая двухполосная пятнадцатикилометровая автострада. За Кахавой дорога сужается в ленточку, уносящуюся в леса и изумрудные холмы земледельцев кикуйю. Кое-где земля похожа на одеяло, сшитое из лоскутков, но большей частью на многие километры, насколько хватает глаз, тянутся плантации кофе, сизаля, пиретрума. На плантациях работают африканцы. Принадлежат плантации крупным европейским компаниям.

Над землей кикуйю высится снежная вершина горы, которая дала название всей стране. На их языке она называется Кере-Ньяга — «Гора ослепительно яркого света». По местным поверьям, на ней обитает языческий бог племени — Нгаи. Слово «Кения» — ни больше ни меньше как искаженное «Кере-Ньяга».

Часто говорят о богатстве и плодородии кенийской земли. На самом деле это не совсем так. Из 583 тысяч квадратных километров территории страны больше половины занимают пустынные и полупустынные местности с засушливыми землями, малопригодными для сельского хозяйства. Кроме того, в одних районах часты налеты саранчи, уничтожающей посевы, в других свирепствует муха цеце, укусы которой вызывают массовый падеж скота, имеются заболоченные низины. Поэтому только тринадцать процентов земли считаются пригодными для использования. Из них возделывается всего четыре процента, остальные находятся под пастбищами или даже пустуют.

Начиная с 1902 г. наиболее плодородные земли были захвачены европейскими колонистами и белыми переселенцами из Южной Африки. Они получили название «отчужденных» и «зарезервированных». Первые были заняты под плантации или крупные фермы, где применялись удобрения, сельскохозяйственная техника и наемный труд. Вторые иногда просто пустовали, но африканцам селиться на них запрещалось.

Таким образом, искусственно создавались и поддерживались условия земельного голода в африканской деревне, и колонизаторы обеспечивали себя дешевой рабочей силой. В руках белых поселенцев, которые не составляли и одного процента всего сельского населения страны, сосредоточилось около $\frac{1}{5}$ самых плодородных земель.

У безземельных крестьян не было иного выхода, как наниматься в батраки или отправляться на заработки в город. Не имея никакой квалификации, они только пополняли армию безработных.

С годами безработица росла. Естественный прирост африканского населения и дробление крестьянских наделов на все более и более мелкие обостряли земельную проблему, особенно в центральных районах страны, населенных кикую. Обстановка в «образцовой» колонии, как называли Кению англичане, накалялась.

Наконец даже колониальная администрация почувствовала необходимость принять какие-то компромиссные меры, разумеется, не в ущерб своим интересам. В 1946 г. был разработан так называемый десятилетний план, известный как план Роджера Свиннертона, кото-

рый в то время был главным инспектором по вопросам сельского хозяйства в Кении. Американец Ирвинг Каплан в своем «Справочнике по Кении» дает следующую оценку этому плану: «Предпринятая в 1946 г. попытка расселить африканцев на землях, которые не принадлежали европейцам и ранее не были освоены, оказалась безрезультатной, и вопрос о европейском землевладении, особенно в районах, „похищенных“ у кикуйю, стал решающим во время восстания „Мау-Мау“».

После провозглашения политической независимости одна из улиц Найроби, раньше носившая имя английского губернатора Гардинга, была переименована в улицу Кимати. О Дидане Кимати стоит сказать несколько слов.

Кимати — удивительный человек. Он сочинял стихи и, еще будучи мальчиком, ставил в тупик односельчан вопросом: «А что, если реки потекут вспять, к своим истокам?».

Окрестности горы Кере-Ньяга и леса Абердэр помнят этого человека, витязя в леопардовой шкуре, которую он не снимал с себя по полгода в партизанском отряде. Кимати был верен мечте. В детстве он хотел повернуть течение рек, став взрослым, он понял, что это должно означать для кикуйю: вернуть «отчужденную» землю. Кимати возглавил борьбу за землю, известную как движение «Мау-Мау».

Это было в 1952—1956 гг. Самодельные ружья со стволами, кое-как выпиленными из старой велосипедной рамы, взрывались у африканцев в руках. Тем не менее все больше кикуйю собиралось по ночам у подножья священной горы, принося торжественную клятву сражаться до победы.

Англичанин Гендерсон, командир карательного отряда, в книге «Охота за Кимати» подробно и откровенно описал, как в борьбе против партизан использовались бомбардировщики и пулеметы. Когда движение было подавлено, Кимати один еще долго скрывался в лесах. Вокруг его родной деревни был вырыт глубокий ров, охраняемый днем и ночью. Каратели знали, что рано или поздно Кимати должен появиться в округе. И они не ошиблись. Однажды ранним утром Кимати переползал ров и получил пулю в бедро. И все-таки Кимати ушел. Обнаружили его только через два

дня, изможденного, почти без сознания. По приговору трибунала Кимати был повешен.

А теперь его имя носит одна из центральных улиц Найроби...

Terra incognita *

Впервые я приехал в Кению всего через несколько месяцев после провозглашения независимости. Здесь во всем чувствовался большой подъем, радость, но и прошлое было еще не забыто. Во взглядах встречавшихся на улицах Найроби африканцев довольно часто угадывалась какая-то опаска, недоверие, настороженность, я бы даже сказал,—неприветливость, если не враждебность. В этом не было ничего странного: совсем недавно большинство населения страны смотрело на европейцев как на колонизаторов, а следовательно — угнетателей и врагов.

О прежней Кении можно без преувеличения сказать, что это была одна из колоний самого закрытого типа, с самым строгим режимом. Колониальные власти не пускали сюда представителей социалистических стран, всячески извращали правду о Советском Союзе. Порой антисоветская пропаганда доходила в колониальной Кении до невероятного абсурда. Мне приходилось слышать, например, такие вопросы:

— А правда ли, что настоящие коммунисты с рогами?

— Скажите, пожалуйста, действительно ли в России убивают престарелых людей, когда они становятся нетрудоспособными?

Разумеется, подобных вопросов было немного. Но они очень показательны: живая иллюстрация того, до какого сумасшедшего бреда может дойти империалистическая пропаганда, которая использовала для этого все средства массовой информации — прессу, радио, телевидение, кино и т. д.

Однажды, когда я спросил одного кенийца, на мой взгляд, искренне стремившегося побольше узнать о жизни в Советском Союзе и проявлявшего такую «эрудицию» в этом вопросе, от которой наверняка встали бы

* Неизвестная земля (лат.).

волосы дыбом у самого старика Хоттабыча, кто же ему все это рассказал, он ответил:

— Белый учитель в миссионерской школе...

Таким образом, и религия и система образования в колониальной Кении целиком и полностью находились на службе империалистической пропаганды и во многом способствовали созданию даже у более или менее образованной части местного населения искаженного представления о Советском Союзе.

И поэтому было особенно приятно узнать, что многие кенийцы проявляют большой интерес и уважение к первой в мире стране победившего социализма.

Кенийцы рассказали мне о том, что Дедан Кимати в дни антиколониальной борьбы был известен под псевдонимом «генерал Россия». Его он выбрал сам.

Член кенийского парламента Дж. Кали однажды рассказал историю о том, как в начале 50-х годов в порт Момбасу неожиданно вошел советский торговый корабль, чтобы пополнить запасы пресной воды. Администрация порта отказалась помочь советским морякам и не разрешила им сойти на берег. Об этом узнали докеры-африканцы. Вскоре у причала собралась толпа жителей Момбасы, которые принесли пресную воду в кувшинах.

Опасаясь демонстрации, колониальные власти были вынуждены дать воду советским морякам, при этом они потребовали, чтобы корабль немедленно покинул порт.

Я заинтересовался этой историей и попросил Дж. Кали рассказать о ней подробнее, вспомнить название корабля, время события... Но оказалось, что мой собеседник сам ничего не видел, а узнал от товарищей в одном из концлагерей, куда был брошен колониальными властями как один из активных участников движения «Мау-Мау».

Политика и пули

«Чем больше вложено иностранного капитала в колонию и чем больше в ней привилегированных поселенцев, тем более затяжной, изнуряющей и ожесточенной будет борьба за право на свободу и независимость этой колонии,— писал журнал „Африкэн комьюнист“, орган

Южно-Африканской коммунистической партии.— Путь Кении к независимости, официально провозглашенной 12 декабря 1963 года, был кровавым и мучительным... Независимость Кении является результатом затяжных и бесконечно сложных переговоров в Ланкастер-хаузе в конце 50-х и начале 60-х годов между английским министерством колоний и враждующими между собой группами кенийских политических деятелей и поселенцев. В действительности же независимость Кении была получена ценой ожесточенной борьбы рабочих и крестьян, продолжавшейся много лет».

Сложен был путь Кении к политической независимости. Как справедливо отмечает журнал, для правящей ныне в стране партии Национальный союз африканцев Кении (КАНУ) это была не только борьба с колонизаторами, но и против местной реакции. Безусловно, одним из наиболее крупных достижений КАНУ было сохранение страны как единого целого; другая, оппозиционная, партия Демократический союз африканцев Кении (КАДУ) накануне независимости взяла курс на устройство страны на основах федерализма. Это было бы на руку колонизаторам, стремившимся ослабить Кению, раздробить ее на мелкие составные части и тем самым подготовить почву для роста полуфеодальной верхушки племен, активизации трибалистских тенденций к сепаратизму, разжиганию междоусобицы.

В конце 1964 г., накануне провозглашения Кении республикой, в стране была введена однопартийная система. Партия КАДУ самораспустилась. Многие из бывших деятелей КАДУ перешли в КАНУ, и, как показали последующие события, ликвидация партийной оппозиции еще далеко не означала полнейшей ликвидации местной реакции, которая при поддержке извне, как прямой, так и негласной, стала понемногу активизировать свои действия и готовиться к наступлению на прогрессивные силы.

Первым крупным ее выступлением явилось гангстерское убийство в 1965 г. известного кенийского журналиста, прогрессивного политического и общественного деятеля Гама Пио Пинто. Во времена колониального режима он принимал активное участие в политической жизни страны, подвергался жестоким репрессиям. После завоевания независимости, будучи на посту директора

издательства «Пап-Африкэн пресс», Пинто приложил немало усилий к популяризации прогрессивных идей в массах, к пробуждению общественного самосознания. Вся его жизнь — яркий пример борьбы за свободу и справедливость.

Однажды утром, когда Пинто на своем небольшом «саабе» выезжал из дому, в кустах за оградой раздались сразу несколько выстрелов. Пуля, попавшая сюда в шею, оказалась роковой. Обливаясь кровью, Пинто упал на сидение. Рядом с ним находилась его двухлетняя дочь Терёшка, названная так в честь первой женщины-космонавта В. Николаевой-Терешковой. Дочь чудом осталась жива. Убийство носило явно политический характер.

«Английский империализм predetermined Кении роль второй Южной Африки или Родезии, — писал „Африкэн комьюнист“. — Но этот дьявольский план превращения Кении в новый форпост белого колониализма на Африканском континенте провалился».

Да, действительно, Кения добилась политической независимости. Но это совсем не означало, что силы империализма и их агентура в лице местной реакции отказались от дальнейшей борьбы. Они отнюдь не собирались сдавать свои позиции, и убийство Пио Пинто убедительное тому доказательство.

Тактика реакционных элементов заключалась в том, чтобы приложить все усилия к проникновению на руководящие посты партии КАНУ и государства. Эта кампания не без умысла прикрывалась некоторой гальванизацией старых, давно истрепанных пугал антикоммунистической пропаганды, криками о новой «опасности» с Востока и другими наспех подхваченными лозунгами из старых колониальных арсеналов. Дело, конечно, не обошлось без нелепых курьезов. Вспоминается, например, такой случай. В 1966 г., после того как бывший вице-президент страны А. Огинга Одингга вышел из КАНУ и образовал оппозиционную партию Союз народа Кении, на одном из заседаний парламента был задан следующий вопрос: «Как известно, посольство Кении в Москве находится на Большой Одингге (имелась в виду Большая Ордынка. — В. С.). Не в честь ли раскольника Одингги названа эта улица? И если так, то приличествует ли посольству оставаться там?»

Один из старейших политических деятелей Кении, министр по государственным делам, а в то время — министр образования, Питер Мбийю Коинанге, разъяснил депутату, проявившему «супербдительность», что Большая Ордынка названа так очень давно, когда по ней проходила дорога в татарскую Золотую Орду. Естественно, что тогда никакого кенийского посольства там не было. Следовательно, к Огинге Одингге название улицы никакого отношения не имеет.

Как отмечают многие источники, этот период политической жизни Кении характеризуется определенной консолидацией правых, реакционно настроенных сил, ориентирующихся на Запад. Их политическая стратегия была подробно описана в статье А. Лерумо «Проба сил в Кении», опубликованной в журнале «Африкэн комьюнист»:

«Западники» внутри КАНУ и их империалистические советники были достаточно проникательными, чтобы понять, что явная антисоциалистическая политика не имеет шансов на успех среди рабочих и крестьян. Поэтому они решили как и раньше проводить политику под вывеской «африканского социализма», который в действительности является не чем иным, как планом капиталистического развития.

...Рядом с многочисленными рассуждениями о социализме и обещаниями, что «аграрная революция будет ускорена», «проблема безработных и безземельных будет энергично решаться», звучали зловещие антикоммунистические, прокапиталистические потки. «Мы должны избегать любой фиксации или одержимости в отношении империализма», — говорили избирателям. Колониализм «может прийти как из коммунистических, так и из капиталистических источников», хотя это бессмысленное заявление не подкреплялось и не могло быть подкреплено никакими фактами. Рабочих убеждали, что «марксистская теория классово́й борьбы не годится для условий Кении».

Эти идеи, вводящие в заблуждение рабочих и крестьян Кении, были отражены Томом Мбойей и включены в правительственный документ «Африканский социализм и его применение в экономике Кении», составленный министерством экономического планирования.

Кто такой Том Мбойя? Он выдвинулся еще до неза-

висимости как наиболее активный деятель профсоюзного движения страны. С декабря 1963 г. являясь одним из самых молодых членов правительства Кении, в течение ряда лет Мбойя занимал пост министра экономического планирования и развития.

Мне не приходилось встречать в Кении людей, которые считали бы Тома Мбойю прогрессивным деятелем. Говорили о его связях с американцами, которые возникли еще в тот период, когда он сотрудничал с Международной конфедерацией свободных профсоюзов. Многие считали Мбойю политиком-карьеристом, стремившимся использовать все возможности для того, чтобы удержаться у власти, укрепить и расширить свой авторитет и влияние. Мбойю характеризовали как деятеля прозападного направления, пытающегося отвлечь народные массы от борьбы за проведение конкретных социально-политических преобразований.

Нужно отметить, однако, что даже те, кто отнюдь не симпатизировал Мбойе, признавали его незаурядный ум и прирожденные способности, которые помогали ему осуществлять на практике ловкое политическое лавирование и изобрести свой, так сказать, собственный вариант социализма.

Вспоминается, как это было. В апреле 1965 г. Том Мбойя неожиданно пригласил на коктейль группу журналистов к себе в особняк на улице Сейнт-Остин. Все понимали — это будет не простой светский раут, за этим кроется что-то важное, но что именно — никто не знал. Мило улыбаясь и обходя по очереди гостей, Том Мбойя, к немалому удивлению присутствовавших, заговорил вдруг о «социализме», о том самом, который позднее американский журнал «Африка рипорт» метко назвал «социализмом без социальной революции» и подробная оценка которого, взятая из журнала южноафриканских коммунистов, приведена выше. Редкое явление: мнения двух идеологически совершенно различных журналов на сей раз сошлись!

Том Мбойя был тонким политиком. Многие обозреватели не без основания считали его одним из претендентов на пост будущего президента Кении... В июле 1969 г. Том Мбойя был убит среди бела дня на одной из центральных улиц Найроби, которая ныне носит его имя.

Никто не сомневался в том, что это было еще одно политическое убийство. За спиной стрелявшего явно стояли те ультрареакционные круги, для которых быстрая и ловкая карьера Мбойи, его стремление к власти представляли угрозу. Не исключено, что попытки Мбойи заигрывать с массами, даже его так называемая теория «африканского социализма» казались им чересчур либеральными. Мелькнули, правда, предположения о том, что убийство носило трибалистский характер: поводом для таких предположений послужило, в частности, то обстоятельство, что убийца был из племени кикуйю, в то время как сам Мбойя — выходец из племени луо.

Так или иначе, но еще раз политические разногласия, видимо, хотя и совсем другого рода, разрешились тем же способом — пулей.

Дорога на Запад

Основная артерия экономики Кении тянется с востока на запад и проходит по всей стране, от побережья Индийского океана до границы с Угандой. Дорога поднимается вверх от развалин португальской крепости Форт-Иисус и кокосовых рощ Момбасы к субтропической саванне, к пастбищам так называемого Белого нагорья* к раскинувшимся до самого горизонта плантациям чая лондонской компании «Брук Бонд» и дальше, в район Элдорета, где на высоте трех тысяч метров над уровнем моря местность напоминает нашу среднюю полосу в летний период: перелески чередуются с полями пшеницы.

По дороге из Момбасы в Найроби полпути занимает заповедник Цаво — край материализовавшейся гигантомании. Здесь все «самое-самое». Сам заповедник, крупнейший в Кении, раскинулся на площади в два миллиона гектаров. Гигантские слоны, фантастически огромные баобабы и, наконец, в хорошую погоду из Цаво видна снежная седловина Килиманджаро. В Цаво чувствуешь себя как на другой планете, лилипутом.

* Белое нагорье, или Страна белого человека, — так называли район, где проживали европейские поселенцы. — *Прим. ред.*

Вот-вот из-за громоздкого кряжа выйдет чернокожий Гулливер и случайно раздавит машину. Здесь множество птиц.

Озеро Найваша расположено в восьмидесяти километрах к северо-западу от Найроби. Берега его настолько заболочены, что поначалу трудно понять, где они кончаются и начинается озеро. Здесь практикуется довольно оригинальная ловля рыбы. Впрочем, местные жители точно так же ловят рыбу и у берегов озера Виктория. Полуголый африканец бродит среди зарослей болотной травы, по колено в воде. Время от времени он нагибается и черпает воду большой плетеной корзиной. Старая мудрая пословица о том, что воду решето не зачерпнешь, на сей раз не оправдывается. Вода, конечно, уходит из корзины сквозь крупные щели, зато в ней остаются, поблескивая почти антрацитовый чешуей, жирные озерные окуни, некоторые по килограмму, а то и больше. В зарослях папируса пробужденные гулом моторной лодки ворочаются многотонные туши гиппопотамов.

На небольших живописных островках белеют таблички «Частная собственность», уже знакомые по озеру Магади. Разница только в том, что эти островки принадлежат не компаниям, а просто отдельным лицам, проявляющим в порядке личной инициативы, так сказать, заботу об охране природы.

Той же «заботой» можно, видимо, объяснить и обнесение колючей проволокой многих сотен, даже тысяч гектаров земель на северо-западе от Найроби, в районе Белого нагорья.

Сохранились любопытные свидетельства того, как проходил процесс «отчуждения» африканских земель в Белом нагорье на заре британской колонизации Восточной Африки. Вот, например, строки из письма молодого английского лорда, сообщавшего приятелю за океан: «Я получил свои 10 тысяч акров земли, но не в том месте, где мне хотелось. Думаю, что они даже в лучшем районе, хоть и подальше от побережья. Мне не удалось полностью завладеть ими, но я заключил договор на 99 лет с выплатой четырех центов за акр ежегодно».

Автором этих строк был лорд Деламер, ставший крупнейшим европейским землевладельцем в Кении.

В 1906 г. у него была уже 41 тысяча акров земли в районе Белого нагорья, а через шесть лет — вдвое больше. На вопрос, с какой целью он обзавелся такими обширными земельными угодьями, лорд как-то ответил: «Те, кому принадлежит земля, да и местные власти настолько низкого мнения о своих владениях, что отдают их даром».

В свое время в этом высказывании Деламера кое-кто пытался найти искорку своеобразного «английского юмора». Но сейчас, когда потомки первых колонистов уже без всякого юмора, не в шутку, а всерьез требуют солидной денежной компенсации за «арендованные» (точнее, пользуясь их же словами, «даром приобретенные») земли, уже не до шуток.

В первый год после независимости проводились определенные мероприятия по расселению африканцев на бывших «отчужденных» землях. По официальным данным, 24 тысячи крестьян получили небольшие наделы и 750 крупных ферм перешли к африканцам, в ряде случаев на кооперативных началах. Бывшие владельцы «отчужденных» земель получили соответствующую компенсацию от правительства.

Но уже с 1965 г. правительство делает основной упор на освоение новых земель, ранее не использовавшихся в сельском хозяйстве. Эта линия, как не раз отмечалось в прессе, во многом напоминает бывший план Свиннертона. Любопытно, что как раз в 1965 г. в Найроби открылось новое отделение Международного банка реконструкции и развития. При нем была организована специальная «служба сельскохозяйственного развития», которую возглавили бывшие коллеги Свиннертона по колониальной администрации.

Время от времени в стране вспыхивают стихийные волнения. В апреле — мае 1968 г. в кенийской прессе одно за другим появились сообщения об убийстве трех белых фермеров в районе «отчужденных» земель Китале. 28 мая генеральный прокурор Кении Нджонджо заявил, что «беспорядки не носят политического характера». Тем не менее многие обратили внимание на то, что убийствам не сопутствовали ограбления, и среди европейских поселенцев пополз слух о возрождении «Мау-Мау».

Осенью того же года при загадочных обстоятельст-

вах в Найроби погиб бывший помощник суперинтенданта колониальной полиции Р. Маклахен. Газета «Дейли нейшн» назвала его «одним из главных людей в охоте на Дидана Кимати».

Случаи самочинного захвата земли крестьянами — не редкость в сегодняшней Кении. Выступая на митингах в различных частях страны, министры кенийского правительства строго предупреждают народ против «ночных сборищ», сбора средств на «подрывную деятельность».

Началось уже второе десятилетие развития Кении в условиях политической независимости, а вопрос о земле по-прежнему не решен. В национальной ассамблее страны снова звучит требование: «Верните нам нашу землю!».

Член Национальной ассамблеи Варуру Канджа заявил, что «правительство Кении предало дух „Мау-Мау“, позволив бывшим колониальным поселенцам сохранить право владения кенийской землей». Как подчеркнул В. Канджа, лидеры национального восстания выдвигали лозунг свободной передачи земли народу после достижения независимости.

Тревогу В. Канджи разделяют многие члены кенийского парламента. Депутат М. Серони в одном из выступлений заявил, что у правительства нет каких-либо позитивных путей решения аграрной проблемы, и в вопросе о землевладении оно поощряет европейцев, особенно англичан.

В парламенте потребовали пересмотра и отмены 75-й статьи конституции Кении, в которой правительство гарантирует выплату компенсации за национализацию частной собственности. Депутаты отмечают, что это сохраняет за бывшими колонистами право владения землей, которая была захвачена ими силой, посредством взяток или другими незаконными путями в колониальные времена. Поэтому, как заявил депутат М. Серони, этот пункт конституции изжил себя и более неприемлем (для большинства кенийцев).

Как известно, правительство Кении принимает некоторые меры к выкупу земли у европейских поселенцев. Но какие? По существующему соглашению средства на выплату поступают из той же Англии в качестве займов. В начале 70-х годов кенийская пресса писала о

том, что Англия предоставила Кении более двух миллионов фунтов стерлингов на выкуп ферм, общая площадь которых составляет более 64 тысяч акров, в районе Китале, Накуру, Лайкипия, Меру и Ньери. Это лишь часть суммы, рассчитанной к выплате до 1975 г. В целом заем достигает 11,5 миллиона фунтов стерлингов.

В решении земельного вопроса кенийское правительство сталкивается не только с трудностями исторически сложившейся в стране обстановки, но и с немалым сопротивлением со стороны растущей местной буржуазии. Корреспондент танзанийской газеты «Дейли ньюс» в Найроби М. Алот, рассказывая о трудностях решения аграрной проблемы в Кении, в частности, отмечает: «Сегодня некоторые белые поселенцы и зажиточные кенийцы владеют наделами в пять-десять тысяч акров земли на одного человека, а тысячи простых кенийцев не имеют ни земли, ни работы».

Дорога, которой Кения идет в настоящее время, приводит к парадоксальному тупику: страна, нуждающаяся во всемерном развитии экономики, не может найти применения своей рабочей силе. Где же выход?

За последнее время на Западе вышел целый ряд монументальных — по крайней мере по объему — работ, в которых даются всякие советы относительно будущего Кении. Среди них заслуживает внимания вышедшая в ФРГ книга Ганса Рутенберга «Политика развития африканских аграрных хозяйств в Кении в 1952—1965 годах». Автор не отрицает проблемы земельного голода и роста безработицы в стране. Что же он предлагает Кении? Ни больше ни меньше как стать поставщиком рабочей силы для соседних государств.

Кто контролирует промышленность

В августе 1968 г. в западной прессе появилась реклама новой книги «Кто контролирует промышленность Кении?».

История ее такова. В июле 1965 г. Национальный христианский совет Кении созвал конференцию для обсуждения вопроса о господстве иностранного капитала в стране. В результате обсуждения была создана рабо-

чая группа в составе сорока человек для более подробного изучения этой проблемы. За полтора года группа провела тридцать заседаний, материалы которых и вошли в книгу, рассказывающую о монополизации экономики страны двадцатью шестью компаниями.

Английский еженедельник «Коммент» охарактеризовал эту книгу как «самый примечательный обзор, в котором изложена ясная картина, отражающая состояние всей экономики Кении». Журнал отмечает, что из 325 миллионов фунтов стерлингов — суммы капиталовложений, намеченной по плану развития на 1966—1970 гг., не менее 180 миллионов должны были поступить из частных источников, главным образом из-за границы.

«В экономическом и политическом положении страны, — писал „Коммент“ — безусловно, многое вызывает недовольство. В экономике под маской „африканского социализма“ господствуют в основном иностранные вкладчики капитала, растущие африканские капиталистические объединения и местная элита, которая сотрудничает с теми и другими. 42 тысячи европейцев и многие из 180 тысяч азиатов, занимающихся активной деятельностью в области торговли, все еще эксплуатируют приблизительно 10 миллионов африканцев».

Та же мысль была высказана на одном из заседаний конференции Национального христианского совета Кении: «Пропасть между классами, или между имущими и неимущими, видимо, расширяется. Это ярко свидетельствует о наличии небольшой африканской политической и бюрократической элиты, которая постепенно объединяется с коммерческой, создавая верхушку общественно-политической и экономической элиты, в то время как большинство африканцев беспомощно влачит жалкое существование».

В феврале 1970 г. министр экономического планирования и развития Кении Оньёнка, выступая на семинаре африканских бизнесменов, отметил, что среди них начинают появляться богатеи, которые с презрением смотрят на народ, обращаются к простому африканцу: «Веве пунда!» («Эй, ты, осел!»). «Даже детей своих отдают в особые школы, не в те, где учатся африканцы», — заявил министр.

Политика африканизации, то есть замены на ответ-

ственных постах лиц европейского или индо-пакистанского происхождения африканцами, ускоряет развитие классового расслоения внутри африканского общества. Африканизация (или кенизация) способствует росту средней буржуазии и почти не затрагивает интересы крупного капитала. В книге «Кто контролирует промышленность Кении?» указано, например, что среди 50 директоров крупнейших компаний африканцев только четверо.

Если до 12 декабря 1963 г. для всех патриотически настроенных сил — рабочего класса, крестьянства, нарождающейся местной буржуазии и даже для полуфеодалных элементов существовала одна общая цель — борьба за политическую независимость, против колониального господства, то в настоящее время особую остроту приобретает внутривнутриполитическая борьба, в которой, кроме столкновения интересов классов и отдельных социальных группировок, чувствуются проявления трибализма.

Два миллиона и два пророка

Передо мной на столе две вырезки из кенийской газеты «Ист-Африкэн стандарт». Два заголовка, набранные одинаково крупным шрифтом. В каждом из них речь идет о миллионе кенийских фунтов. Только в одном случае это «слишком много», а в другом — «слишком мало»:

«ОДИН МИЛЛИОН ПЕРЕРАСХОДА ДВЕНАДЦАТИ МИНИСТЕРСТВ КЕНИИ — СЛИШКОМ МНОГО».

«ОДИН МИЛЛИОН НА ОРОШЕНИЕ — СЛИШКОМ МАЛО», — ГОВОРИТ МИНИСТР.

Оба заголовка появились почти одновременно, в середине февраля 1970 г., когда сессия кенийского парламента обсуждала вопрос о расходах в 1968/69 финансовом году и новый пятилетний план на 1970—1974 гг.

В первом случае газета обратила внимание на непомерно растущие расходы по содержанию административного аппарата. В предыдущем финансовом году перерасход по этой статье составлял 137 тысяч фунтов, а за год вырос до миллиона.

Во втором случае обсуждался вопрос об ассигнова-

нии миллиона фунтов на строительство ирригационных систем по новому пятилетнему плану. Выступая в парламенте, министр сельского хозяйства Кении заявил, что этой суммы недостаточно даже для того, чтобы «царапать по поверхности земли». По его подсчетам, в ближайшие пять-шесть лет потребуется около 10—12 миллионов кенийских фунтов.

«Ист-Африкэн стандард» не делает никаких выводов. Просто дает сухие репортерские строчки отчета из зала заседаний парламента. Да эти сообщения едва ли и пуждаются в комментариях.

Английская «Файнэншл таймс» назвала пятилетний план Кении на 1970—1974 гг. «хорошо сбалансированным». Фразы о хорошо сбалансированном плане, бюджете часто мелькают и в кенийской прессе. «Что значит сбалансированный бюджет для человека с голодным желудком или для тех, кто не имеет крова над головой?» — такой вопрос задал на сессии депутат Ванжиги. И не случайно. По словам Ванжиги, к 1980 г. перед Кенией встанет проблема, что делать с трудоустройством миллионов выпускников начальной и средней школы.

«Одной из краткосрочных мер по борьбе с безработицей было бы введение нового трехстороннего договора», — заявил Ванжиги, имея в виду заключенный в 1964 г. договор сроком на один год между правительством, Кенийской федерацией труда и Федерацией кенийских предпринимателей о трудоустройстве 40—50 тысяч безработных. О масштабах этого эксперимента и его эффективности можно судить по тому, что в начале 1964 г. армия кенийских безработных составляла свыше 200 тысяч человек, а в договоре речь шла всего об $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ из них. И тем не менее в парламенте страны снова раздаются голоса, ратующие хотя бы за такую «краткосрочную» меру. Безработица продолжает расти.

Накануне нового десятилетия министр экономического планирования и развития Кении Оньёнка отмечал, что прирост продукции в стране в 1969 г. составил 6% вместо запланированных 6,5%. Численность населения увеличилась на 3,3% вместо предполагаемых трех. Министр подчеркнул, что правительство озабочено медленными темпами экономического роста и безработицей.

Начало нового десятилетия возбудило воображение

различных пророков, чьи рассуждения, теоретические и интуитивные выкладки, порой реалистические, а иногда — взятые с потолка, облаченные в печатную форму, дали некоторым кенийцам почву для размышления. Они дошли не до всех — большинство населения страны все еще остается неграмотным. Тем не менее эти пророчества заслуживают определенного внимания.

В статье «Кения через десять лет» картину будущего страны изображает известный кенийский обозреватель англичанин Джек Энсолл. «Что ожидает простого кенийца в конце текущего десятилетия? — спрашивает он и сам отвечает: — Безработица будет главной проблемой в Кении».

Если Джека Энсолла интересует политика, то Садрудин — пророк совсем иного рода. Это шаман, хоть и вполне интеллигентный. Он не облачается в шкуры и маски, не бьет в бубен. На нем современный костюм и белая сорочка, воротничок подвязан элегантно бабочкой, а из нагрудного кармана выглядывает треугольник платочка. Садрудин в некотором смысле тоже человек пера: у него «сложная» профессия — астролог. И «звезды Зодиака подсказывают» Садрудину, что в Кении в ближайшие годы «проблемы трудоустройства будут опять значительными».

...Как и в любой другой стране, в Кении есть дороги длинные и короткие. Есть дороги, построенные крупными иностранными концернами еще в колониальные времена, и маленькие проселки, проложенные крестьянами на собранные в деревне шиллинги, но главным образом не за деньги, а своим собственным трудом. У кенийских дорог ветер раскачивает широкий банановый лист. Из-под тростниковых конусных крыш, словно из-под мохнатых горских шапок, смотрят на мир глинобитные хижины. Бесшабашные босоногие мальчишки, увидев легковую машину, мчатся вприпрыжку к обочине дороги с крупными грушами, сельдереем, кроликами и шампиньонами в корзинках. Мальчишки наперебой кричат: «Купите, сэр, это очень дешево сегодня!».

Они не умеют читать, не знают ни Дж. Энсолла, ни Садрудина, не знают, что именно беспокоит депутата Ванжиги. Кое-кто из них не знает даже, что такое школа. Они узнают о многом, когда подрастут, и внесут в прогнозы свои коррективы.

МНОГОЛИКИЙ НАЙРОБИ

Найроби неповторим. Он необыкновенно красив, удобен, практичен и одновременно сентиментален, а иногда безобразен. Здесь и роскошь и бедность, простота и снобизм, почти сельская тишина и маленькие, замурованные в стену сейфы в домах европейцев для хранения оружия. В его пестрой уличной толпе можно встретить женщин в изящных индийских сари и девушек-пакистанок в ярко-оранжевых шароварах, европейцев и американцев в шортах, а иногда в пальто, в зависимости от сезона... Среди многих других африканских городов, которые мне приходилось видеть, Найроби, пожалуй, наименее «африканский».

В многочисленных рекламных брошюрах, рассчитанных на туристов, кенийская столица — ультрасовременный, процветающий город с прекрасными отелями «в пяти минутах езды» от заповедника, где представлен богатейший животный мир Восточной Африки. Это действительно так. Я видел вечером в жилых кварталах Найроби случайно забредшего сюда трубказуба и сбитого автомашиной дикого кабана. Однажды попавшаяся мне на дороге крупная гиена чуть не стала причиной автомобильной аварии. В местных газетах часто мелькают сообщения о том, как львица зашла во двор средней школы и спала там до утра, как в пригороде носорог ранил женщину и ей едва удалось спастись. Когда, раскрывая утреннюю газету, я искренне удивлялся очередной проделке диких животных, миссис Тиллинг, пожилая англичанка, у которой мы временно снимали часть дома, снисходительно улыбалась:

— То ли было раньше?! Вечером вообще не вый-

Центр Найроби

дешь из дома, еще совсем недавно по участку бегали леопарды. Вы знаете, ведь мой дом в полумиле от центра, а тогда это была окраина.

А владелец виллы д'Эспано в самом дорогостоящем районе Найроби — Мутайга — англичанин Дэвид Карнеги утверждает, что к нему до сих пор наведываются леопарды. Его виллу окружает парк в несколько гектаров. Хозяин любит плоды авокадо и с гордостью показывает деревья, выращенные им лично, хотя в них нет ничего особенного, кроме того, что это «его» деревья: авокадо растут в Найроби и сами по себе.

— Видите в лощинке мелкий извилистый ручеек? А за ним лес — настоящий, не посаженный? Как раз оттуда как-то ночью ко мне забрел леопард. Меня разбудили собаки. Поднялся страшный переполох! Я вышел с ружьем, но, конечно, промахнулся. Было слишком темно...

Я смотрю в сторону отдаленных лесных зарослей за ручьем: это настоящие джунгли, отделенные от слегка претенциозной, нарядной виллы д'Эспано ковриком безу-

пречной английской лужайки, на которой смело можно играть в гольф.

Сам хозяин виллы тоже оказался довольно сложным «гибридом». Он происходит из старинного английского рода Карнеги — настоящих аристократов (очень просил не путать с теми выскочками-бизнесменами, которые построили знаменитый Карнеги-холл, крупнейший концертный зал в Нью-Йорке, хотя и не отрицал, что между ними есть некоторое, весьма отдаленное родство). Хозяин показывал мне фотографию старинного, чуть ли не стопятидесятикомнатного замка на севере Англии. Два крыла замка закрыты почти со средних веков, а в основную часть проведены водопровод и электричество, и в ней, по соседству с фамильными привидениями, проживает сейчас кто-то из родственников.

— Хотелось бы продать его правительству Англии, а не какому-нибудь разбогатевшему бизнесмену. Но правительство замок не купит — ведь он стоит в стороне от туристских маршрутов, — говорит старичок, пошевеливая пышными пшеничными усами, придающими ему сходство с кубанским казаком. Оказывается, по бабушке Дэвид Карнеги еще и граф Воронцов. Вот так! Родился он в Париже, еще до революции, живет в Найроби, в России никогда не бывал, хотя слышал, что у Воронцовых в Крыму тоже был большой замок...

Вернемся однако к тем достопримечательностям, о которых рассказывается в туристских проспектах.

Заповедник Найроби вообще уникален как по разнообразию животного мира, так и, что самое главное, своей близостью к городу. Кения заинтересована в притоке иностранной валюты, и богатых туристов здесь ждет отличный сервис. Однако жизнь города с его полумиллионным населением на самом деле гораздо сложнее и интереснее, чем рассказывается в брошюрах. Я встречал взрослых африканцев, которые ни разу не были в заповеднике. У них совсем другие заботы.

В ночь под Рождество

Стоп-сигналы, яркие, словно рубины, вырывают из тьмы призрачное марево. В зеркале видно, как из выхлопной трубы поднимаются струи розового дыма. От

красного света лица мертвенно-бледны, пряди слипшихся волос лезут в глаза, а приходится терпеть: руки в грязи, сплошная черная перчатка по локоть и выше. Случись рядом кто-нибудь из местных жителей — приняли бы нас за привидения.

Две женщины в белых нижних рубашках, прилипших к мокрому телу, мужчина в трусах, почти сплошь заляпаный комьями грязи, и мальчик двенадцати лет изо всех сил пытаются столкнуть машину с места. На заднем сиденье кутаются в снятые старшими брюки и платья малыши, им давно пора спать. Но разве тут уснешь?

Я за рулем. Несколько неловко, лучше бы посадить сюда кого-нибудь из женщин, но они не справятся. Дождь хлещет как из ведра, а вокруг молчаливый кустарник, который только кажется необитаемым... И все это совсем близко от города.

Кто знал, что мы попадем в такую переделку! Босые ноги соскальзывают с педалей. Мотор надрывно рычит, но почти без толку. Лучше вылезу и помогу им. Так быстрее доползем до вершины холма, а там вниз, там легче, и уже близко асфальт.

Недаром говорят, охота пуще неволи. Всем захотелось увидеть живого «черта», эдакое мистическое животное.

Я был уверен, что мы встретим его где-нибудь в диком кустарнике за Нгонгом. «Они» наверняка должны быть там — ведь видел же я одного несколько дней назад прямо в самом Найроби.

С кем бы из советских граждан, проживших в Кении по несколько лет, мне ни приходилось говорить, никто это животное не встречал. От африканца из племени луо я слышал, что оно попадает иногда в провинции Ньянза, по берегам озера Виктория, где его называют «муравьиным медведем» и считают его мясо деликатесом. Некоторые говорили, что видели его здесь, в районе Нгонг — цепи высоких холмов километрах в двадцати западнее Найроби, — что иногда в сумерках оно выходит на дорогу.

Я выключил мотор и вылез из машины под холодный душ. Колеса настолько облеплены грязью, что еле поворачиваются на оси. И впереди грязь, грязь и грязь. Ноги — в чудовищных, пудовых лаптях...

— Ничего, грязь-то лечебная, как у нас в Мацесте, — смеются сзади глиняные изваяния. Они еще могут шутить! Им не холодно и грязь нипочем. Это от напряжения. Толкаем машину все вместе. До вершины холма остается не больше ста метров, правда самых трудных.

Началось все часа три назад. «Смотри, папа, дядюрин „консул“ танцует твист!» — восторженно завопил сидящий позади сын, прихлопывая в ладоши в такт воображаемой мелодии. Я уже видел, что светло-желтый «консул» отстает и его бросает из стороны в сторону, словно легкую рыбацкую пирогу от внезапно налетевшего шквала. Дождь усиливался, и мой «корсар» тоже стало заметно заносить. Приходилось крепко держать руль и не отрывать глаз от дороги. Не удержишь, сползешь в кювет — и сиди здесь всю ночь до утра, а может, и дольше: машины редко попадают в этих краях. Нам встретилась всего одна. Африканец, высунувшись из окна чуть ли не по пояс, что-то кричал и махал рукой.

— Кто это? — спросила жена.

— Наверное, знакомый, — ответил я и помахал рукой в знак приветствия.

Откуда я мог знать, что он предупреждает нас об опасности, что через полчаса эта пыльная проселочная дорога превратится в сплошное месиво из черного малянистого теста?

Первым не выдержал «консул». В зеркале я видел, как мой приятель выскочил из машины и стал торопливо палкой, а потом и руками снимать с колес черную липкую глину. Проехав несколько метров, машина снова остановилась. Но тут настала и моя очередь. Из-под передних колес пошел дым. Таких толстых, невероятно распухших шин я больше никогда не видел. Настоящие слоновьи ноги. Не помню, сколько раз мы очищали колеса, прежде чем решили бросить «консула» и выбираться всем на одной машине. И вот уже какие-то сто метров отделяли нас от вершины холма, самые трудные сто метров. Я толкаю машину сбоку и одной рукойправляю руль. Лучи фар обрываются в мокром кустарнике на вершине холма. Точно так же, в свете фар, я увидел «его» тогда у обочины.

...Это было в половине двенадцатого ночи, в районе

Килелешва, в Найроби. Странное существо с туловищем кенгуру; красноватая, толстая — видно было по складкам — кожа с редкими блестками поросычьей щетины. Еще, пожалуй, оно походило на жирного зайца, сидящего на задних лапах, а короткие передние, согнутые на груди, напоминали когтистые лапы крота. Но ни заяц, ни крот даже в Африке не достигают полутора метров. А этот, с длинными, почти заячьими ушами, казался ничуть не меньше. Его темно-красные глазки и слегка продолговатое рыло, оканчивающееся, как у свиньи, пяточком, замерли в свете фар неожиданно выскочившего из-за поворота автомобиля. Животное не шевелилось.

Признаться, я тоже обалдел от удивления, проехал мимо, только инстинктивно нажав на тормоз и немного сбавив ход. Когда же возвратился, то его и след простыл.

Утром следующего дня я обошел все книжные магазины Найроби и старательно пролистал большие, хорошо иллюстрированные издания о животном мире Восточной Африки. Мой «черт» оказался неуловим. В одной книжной лавке продавец-индеец рассказал мне, что в детстве видел нечто подобное, тоже ночью и тоже у обочины дороги. Африканцы, которые называли его «муравьиным медведем», говорили еще, что живет он в земле. Мы видели странные широкие лунки поблизости от дороги и на самом проселке за Нгонгом. Круглые, одинаковые, довольно глубокие, примерно сантиметров в пятьдесят-семьдесят диаметром. Это были не кабаньи ямы.

...Дождь не утихал. Потоки воды, устремившиеся сверху, размыли грязь, и из-под нее обнажились камни. Машина, натужно взывая, кое-как дотащилась до вершины холма.

По улицам Найроби мчались необычные пассажиры. Наверное, никто из жителей города в этот поздний час не был так искренне влюблен в асфальт. Голодные, продрогшие, полураздетые — мы были похожи на персонажей из авантюрного романа. Слепило глаза. В витрине магазина, где продавались елочные игрушки, стоял смешной Санта-Клаус с длинной узкой бородой и как будто в чалме, похожий скорее на Хоттабыча, чем на Деда Мороза: «Хэппи кристмас! Счастливого рождест-

ва!» Христианский мир праздновал рождение своего спасителя.

...Я часто вспоминал таинственного «незнакомца» и почему-то был уверен, что еще раз встречу с ним. Вторая встреча произошла в Москве. Я узнал его на страницах «Жизни животных» Брэма по отлично исполненной иллюстрации. Подпись гласила: «*Orycteropus capensis*» — капский трубкозуб, длиной до двух метров, вес — от 50 до 60 килограммов.

Теперь у меня был ключ для дальнейших поисков. Я выяснил, что некоторые авторы называют это животное эфиопским трубкозубом. Но, видимо, речь идет об одном и том же, а разные названия голько указывают на область его распространения — от Южной Африки до Эфиопии.

Трубкозуб — одно из древнейших, исчезающих животных, которое встречается только в Африке. Сотни тысяч лет назад, в третичную эпоху, трубкозубы жили на Эгейском материке, их ископаемые остатки найдены на острове Самос.

Как-то мне в руки попала маленькая бронзовая монета Замбии — один нгвее. Монета появилась в январе 1968 г., когда вместо английских шиллингов и пенсов страна ввела свою национальную валюту. На оборотной ее стороне изображен трубкозуб.

Лицевая и оборотная стороны монеты Замбии 1 нгвее

Это довольно неуклюжее животное с толстым туловищем, покрытым редкой щетиной, с тонкой шеей и длинной толстой головой с продолговатым, цилиндрическим рылом и длинными ушами. Толстый конический хвост достигает 85 сантиметров. Ноги короткие и сравнительно тонкие, передние лапы вооружены острыми крепкими когтями.

Трубказуб водится преимущественно на равнинах, в пустынной местности поблизости от муравейников и термитников, «населением» которых он лакомится. Прорывая длинные подземные ходы к термитникам, он разрушает их изнутри. На добычу трубказубы выходят в одиночку. Днем они покоятся в больших, вырытых ими норах, а по ночам бродят вокруг своего жилища.

Подойдя к муравейнику или термитнику, трубказуб сначала тщательно обнюхивает его со всех сторон, затем начинает вести подкоп к главному муравьиному гнезду или к одному из основных ходов. Добравшись до цели, он вытягивает длинный клейкий язык, к которому прилипают насекомые.

В «Наглядной энциклопедии животного царства» В. Станека, изданной в Англии в 1964 г., собрана замечательная коллекция фотографий — свыше тысячи самых различных представителей земной фауны. Трубказуб упоминается в книге, но фотографии его нет. Фотографию этого ночного странника вообще трудно найти в отличие от его латиноамериканского родственника — муравьеда, который хорошо известен и запечатлен на многочисленных фото- и киноплёнках.

Лет этак семьдесят — сто назад о трубказубах знали гораздо больше, чем в наши дни. Видимо, тогда они чаще встречались. Однако и в те времена трубказуб уже был редкостью. Польский писатель и путешественник Генрих Сенкевич в своих «Письмах из Африки», изданных на русском языке в 1902 г., повествуя о жизотном мире Восточной Африки, где он исходил не одну сотню километров, красочно и подробно рассказывает о свирепых африканских муравьях, о термитниках высотой в несколько метров. Но о трубказубах у него нет ни слова.

Ученые описывают трубказуба как чрезвычайно осторожное и пугливое существо, которое при малейшем

шуме немедленно зарывается в землю, исчезая буквально в считанные секунды даже в твердом грунте. Он прорывает себе путь крепкими передними лапами, а задними засыпает вход в нору. По словам Брэма, ни один враг не может проникнуть за ним в нору, так как он с такой силой выбрасывает вырываемую им землю, что всякое животное, ошеломленное, отступает. Даже человеку трудно откопать трубкузуба: охотник в несколько минут покрывается песком и землей...

* * *

Найроби безусловно один из самых современных городов в Африке. Об этом свидетельствует изящество и вместе с тем простота архитектуры его деловой части, университет, театры, консерватория, телевидение и многое другое.

Одновременно город глубоко провинциален. Его жилые районы походят скорее на благоустроенный поселок. А скопище глинобитных лачуг в африканских кварталах, грязь и нищета, дети, исковерканные полиомиелитом, производят самое тяжелое впечатление.

В Найроби есть свой «Булонский лес» — район Нгонг, западная часть пригорода. Здесь можно встретить белолицых амазонок. Многие держат собственных лошадей. Если нет своей, можно взять в клубе напрокат — двадцать шиллингов в час. А поденщик-африканец зарабатывает четыре шиллинга в день.

Таков Найроби — столица Кении.

87 милями южнее экватора

Аэропорт Эмбакаси. Чистенькое, буквально вылизанное до блеска здание, отделанное с завидным изяществом и вкусом. На стенах холла — шкуры редких животных, скрещенные копыта и овальный кожаный щит воина-кочевника из племени масаи с традиционным узором. Щит и копыта, стекло и металл — сочетание традиции и современности. Во всем этом что-то кокетливое, игрушечное. Щит, кстати, расписан синтетическими красками.

В зале таможни выстроилась небольшая очередь. Я встал за рослым американцем, нетерпеливо переминавшимся с ноги на ногу. Обернувшись и увидев мое лицо, он весело подмигнул:

— Белая страна в Африке! — и расхохотался, довольный.

Видимо, турист. Он сегодня же купит лицензию на отстрел антилоп и умчится куда-нибудь на охоту, — как здесь говорят, в сафари.

Индиец в форме таможенника, в белоснежной чалме, с преувеличенно серьезной миной на бородатом лице, обращаясь к американцу, спрашивает, нет ли у него с собой оружия. Получив отрицательный ответ, он пристально смотрит на американца и ставит мелом крестики на его чемоданах.

За стеклянной стеной таможенного зала виден внутренний дворик: декоративно разбросанные камни и кактусы, похожие на знаменитую палицу Богдана Хмельницкого. Ими, должно быть, очень удобно отмахиваться от назойливых львов, которых здесь, по рассказам, тьма-тьмушая.

Выйдя из здания аэропорта, я нетерпеливо оглядываю незнакомый пейзаж. Города пока не видно. Кругом ровные лужайки с хорошо подстриженной травой. Поодаль стоят огромные баки американской нефтяной компании ЭССО. Их серебристые пуза лоснятся на солнце. Судя по всему, компании здесь живется неплохо.

Асфальт еще сырой от прошедшего ночью дождя. В небе движутся клочья разорванных облаков. Здесь на высоте более полутора километров над уровнем моря небо кажется совсем рядом, можно почти потрогать его рукой. Несмотря на близость экватора, нет ничего такого, что напоминало бы тропики. Утро прохладное — градусов 12—15 по Цельсию.

По дороге в город слева от шоссе тянется колючая проволока. За ней без конца и края — равнинное плато с густой высокой травой, зарослями колючего кустарника и группами раскидистых зонтичных акаций. Это территория знаменитого заповедника, границы которого вплотную подходят к южной окраине Найроби. Где-то там, среди саванны, наверное, рычат львы, жирафы степенно раскачивают свои удивительные, кажущиеся многоэтажными, шеи, скачут зебры, газели, антилопы-

гну. Мелькает предупреждающий знак: «Осторожно, крупные животные!»

Но с дороги пока их не видно. К тому же постоянно отвлекают несущиеся навстречу автомобили. Дело в том, что в Кении движение левостороннее, и с непривычки кажется, будто бы встречный транспорт мчится прямо на тебя. Еще раз с сожалением смотрю в сторону заповедника и думаю о том, что нужно обязательно выбраться туда в первый же свободный день.

Солнечная оранжерея

«Добро пожаловать в Найроби — солнечный город!» — встречает вас придорожный щит у въезда в столицу Кении. И первое, что бросается в глаза, это обилие света, воздуха и зелени. По сторонам автострады, обсаженной аккуратно подстриженными деревьями, тянутся газоны с красными, лиловыми и оранжевыми цветами, соединяющиеся в сплошные ковровые дорожки. Большие яркие знаки предупреждают о приближении перекрестков, в центре которых разбиты клумбы, напоминающие дворик в аэропорту. Здесь те же кактусы, а рядом с ними крупные алоэ, цветущие огненно-оранжевой вертикальной «щеточкой», лунное дерево с большими печально-белыми опрокинутыми «граммофонами» цветов, олеандры и кусты юкки с целым букетом белых колокольчиков на стреле. Дорога стремительно бежит мимо ползучих кустов бугенвиллей, сплошь лиловых деревьев джакаранды и пламенно-красных, переально огромных, диковинной формы цветов, висящих среди широких и сочных листьев дерева, которое здесь так и называется — «пламенное».

Среди этого ошеломляющего праздника красок сначала просто не видно города. Но это уже и есть одна из улиц Найроби — Ухуру-хайвей, что в переводе с полусуахили, полуанглийского означает «проспект Свободы». До независимости проспект носил имя принцессы Елизаветы, нынешней английской королевы. Между прочим, многие растения были завезены сюда из-за границы: из Бразилии, из Австралии или других мест.

Что же здесь было раньше, до того как возник город?

Один из новых отелей в центре Найроби

«Степь да степь кругом...»

Такой предстала эта местность глазам первых английских колонизаторов в конце прошлого века: широкая, бескрайняя масайская степь, которая теперь сохранилась в естественном виде на территории Найробийского заповедника.

От порта Момбасы, штаб-квартиры английской колониальной администрации на побережье Индийского океана, в глубь почти совсем неисследованной страны, в направлении озера Виктория, строилась железная дорога. Мне попадались старинные гравюры с изображением диких львов, пожирающих первых строительных рабочих.

Это было настоящим стихийным бедствием. В 1907 г. англичанин Дж. Паттерсон, участвовавший в строительстве дороги, написал книгу «Людоеды Цаво», в которой приводит множество случаев нападений львов на строительных рабочих, основной контингент которых состав-

ляли кули, вывезенные англичанами из колониальной Индии. Вот один из таких случаев:

«Примерно через три недели после приезда меня разбудили на рассвете и сообщили, что один из моих десятников, крепкий, здоровенный сикх по имени Унган Сингх был ночью выволочен из палатки и съеден.

Естественно, я тут же бросился на место происшествия и вскоре убедился в том, что этого человека действительно утащил лев, так как на песке были хорошо видны следы зверя, а две колеи, оставленные пятками жертвы, показывали направление, в котором ее унесли. Один из шести рабочих, живших с десятником в одной палатке, видел, как все это произошло. Он рассказал, как среди ночи лев неожиданно просунул голову в открытую дверь палатки и схватил за горло Унгана Сингха, лежавшего ближе всех к выходу. Бедный парень крикнул „пусти“ и руками обхватил шею льва. Через мгновение их уже не было...

Выслушав эту дикую историю, я сейчас же отправился по следам зверя в сопровождении находившегося в то время в Цаво капитана Хаслема, которого, кстати, вскоре постигла та же трагическая участь. Идти по следам льва для нас не представляло особого труда, так как он, вероятно, останавливался несколько раз, прежде чем растерзать жертву. Эти остановки были отмечены лужами крови. Как и другие львы-людоеды, он, должно быть, срывал куски кожи со своей жертвы, чтобы напиться свежей крови. Это действительно было так — когда впоследствии я нашел еще два полусъеденных трупа, кожа на них местами была содрана, и мясо казалось сухим, словно высосанным. Подойдя к месту, где находились останки десятника, мы увидели ужаснейшую картину. Вокруг все было в крови, валялись куски мяса и костей, но голова несчастного осталась нетронутой, если не считать нескольких ран от львиных клыков. Она лежала немного в стороне от останков, и в широко открытых глазах застыло выражение крайнего ужаса. Землю испещряло множество следов, и при ближайшем рассмотрении мы обнаружили, что здесь находились два льва, которые, очевидно, дрались за обладание добычей».

Как рассказывает Дж. Паттерсон, ужас доводил людей до того, что одни рыли в палатках ямы и на ночь ложились туда, прикрываясь сверху бревнами, а другие пытались спастись на деревьях.

«Помнится,— пишет он,— однажды ночью при очередном нападении на лагерь на одно дерево взобралось столько людей, что оно не выдержало и сломалось, скинув с себя обезумевших от ужаса вопящих кули прямо к тем львам, от которых они пытались спастись. Им повезло, так как жертва уже была выбрана, и звери терзали ее, ни на кого не обращая внимания».

Что же занесло колонизаторов в эти края? На сей счет существовали разные мнения. Американец Ирвинг Каплан в своем «Справочнике по Кении» (1967), на-

пример, утверждает, будто бы англичане пришли сюда с гуманной миссией: спасти африканцев от работорговцев. Эта версия — анекдотична.

Толчком к английской колонизации Кении послужила германская экспансия в соседней Танганьике и события тех лет в Южной Африке, ярко описанные Марком Твенем в книге «По экватору».

«В хижине одного бура, который жил в глухой степи, — рассказывает писатель, — путешественник-иностранец заметил, что ребенок играет каким-то блестящим предметом; ему сказали, что это кусок стекла и что он был подобран в степи. Иностранец купил стекляшку за бесценок и увез с собой; будучи человеком бесчестным, он убедил другого иностранца, что это алмаз, и, продав за 125 долларов, был так доволен собой, словно совершил какое-то хорошее дело. В Париже „обманутый“ иностранец получил за этот камешек 10 000 долларов от владельца ссудной кассы, который продал его некоей графине за 90 000 долларов, а та, в свою очередь, перепродала его пивовару за 800 000 долларов; пивовар получил у короля за камень герцогство и родословную...» *

В то же время в Южной Африке был найден голубой алмаз «Эксцельсиор» 971,75 карата (около 200 граммов!). Алмазно-золотая лихорадка будоражила умы, и многие решили попытать счастья в малоизвестной Восточной Африке. Среди первых колонизаторов Кении около 30% составляли белые переселенцы из Южной Африки.

30 мая 1899 года строительство железной дороги уперлось в непроходимое болото, кишевшее москитами. На языке масаев оно называлось «найроби», то есть «холодная вода». На этом месте и возник небольшой палаточный городок, который поначалу использовался как склад, перевалочный пункт.

Строительство закончилось в 1903 г. и обошлось в 5317 тысяч фунтов стерлингов. В Кении алмазов не обнаружили. Железная дорога приносила убытки. И тогда район нагорья, где расположился Найроби, с его вечноиюньским климатом и плодородными землями был объявлен подходящим местом для белых поселенцев — сеттлеров. Началась массовая колонизация. В 1907 г. из

* М. Твен, Собрание сочинений, М., 1961, т. 9, стр. 555–556.

«первопрестольной» Момбасы колониальная штаб-квартира переезжает в бывший палаточный городок, которому в будущем и суждено было стать столицей Кении.

Любопытно, что и через несколько десятков лет, в середине 60-х годов среди старожиллов Найроби мне приходилось встречать людей, которые не теряли надежды обнаружить россыпи драгоценных камней. Пожилой сеттлер Вудрафф, профессиональный охотник, исколесил всю Кению вдоль и поперек на своем стареньком «лендровере». Он рассказывал мне, что знает «такое место».

— Там,— говорил Вудрафф, куда-то неопределенно указывая своей татуированной рукой,— есть аметисты и другие драгоценные камни, нужны только деньги. Я обращался в компании, но они ни черта не понимают и не хотят понять. Может вы, сэр, возьметесь за это дело?

В то время слова Вудраффа показались мне просто шуткой. Однако, как оказалось позднее, старик был недалек от истины. В конце 1974 г. в Кении разразился скандал. Поводом послужила высылка из страны одного американца. Несколько лет назад этот предприимчивый янки обнаружил в Кении рубины и создал частную компанию по их добыче, в состав которой вошло несколько весьма высокопоставленных кенийцев, решивших вытеснить первооткрывателя как «чужеродный элемент». Американец обиделся и сообщил обо всем прессе. Конечно, этот случай можно было бы рассматривать как национализацию, если бы кенийские держатели акций компании не выступали в роли частных лиц

«Белый, желтый и черный»

Центр Найроби — это «пяточок», который можно обойти за 15 минут. Весь город, раскинувшийся на площади в 266 квадратных миль, не проедешь на машине и за полчаса. Со всех сторон к центру примыкают европейские, азиатские и африканские кварталы. Об этом я узнал в частной конторе по найму и обмену жилой площади, принадлежащей мистеру Джамалю.

Хозяин конторы, уже немолодой, полный индеец с крупными чертами лица, чрезвычайно расторопный и

разговорчивый — каким и должен быть человек, до тонкостей постигший ремесло брокера, — при виде клиента рассыпался в любезностях:

— Итак, вы ищите квартиру? Забудьте о ней, сэр! Это вам не Европа. В Найроби нужно жить в отдельном доме — так удобнее и даже дешевле. Я подберу вам то, что нужно. Положитесь на Джамалья, меня знает весь город, и я знаю всех. — Он многозначительно улыбнулся. — Аренда в пределах какой суммы? Сколько спален должно быть в доме — две, три, четыре? Какой срок аренды? Район?

Джамаль подвел меня к большому, подробному плану Найроби.

— Покажите, где вы хотели бы жить — здесь, тут, там?

— А почему бы не здесь? — наугад спросил я, показывая на то место на плане, которое он почему-то не предлагал.

Джамаль поперхнулся. Его блестящие карие глаза чуть не вылезли из орбит.

— Вы знаете, что это такое, сэр? Это же африканские кварталы! Совсем недавно они были за колючей проволокой. Нет, это просто невозможно! А вон там — азиатские кварталы, они вам тоже не подойдут... — Он на секунду задумался. — Знаете что, внизу стоит моя машина, поедemте, я вам лучше на месте покажу, что сейчас есть под рукой.

Джамаль достал большую связку ключей, и мы двинулись в путь.

— Видите вон тот домик? — спросил он, отрывая руку от руля и указывая в сторону громадного отеля «Амбассадор». — Его владелец — мой хороший приятель, миллионер. — Джамаль доверительно понизил голос. — И представьте себе, раньше, в колониальные времена, он, как «азиат», не имел даже права входить в собственный отель с парадного входа!

— Ну и как он сейчас, доволен?

— О да!

— А вы?

— Очень! — воскликнул экспансивный брокер. — Раньше я был служащим в фирме одного англичанина, а сейчас имею собственный бизнес. Вот только бы не было национализации, а то... — Он не стал договаривать

фразу, в этом не было никакой нужды.— По пока, славу богу, дела идут потихоньку,— жить можно.

Мы пересекли Ухуру-хайвей и оказались в так называемых европейских кварталах Найроби. Повеяло свежескошенной травой, дымком, чем-то провинциальным. На обширной территории, которую вполне можно было бы назвать лесопарковой зоной, каждый на своем собственном участке приютились аккуратные особняки. За колючим стриженным кустарником изгороди торчали трубы каминов. В этой части города совсем нет тротуаров: здесь ездят на машинах. По вечерам зажигаются желтые, как в Англии, уличные фонари, хотя туманы бывают здесь очень редко.

Показав два-три старых, заброшенных дома и, по видимому, уяснив себе, что такие сдать не удастся, Джамаль повез меня к мистеру Прайсу.

У входа нас встретил пожилой безмолвный слуга-африканец в белом халате и провел в дом. Посреди просторного холла в мягком кресле сидел англичанин средних лет в шортах и зебровых шлепанцах на босу ногу. Рядом с ним на сияющем паркете красного дерева лежала косматая комнатная собачка. Прайс отложил в сторону газету «Ист-Африкэн стандарт» и вежливо разрешил осмотреть дом.

Одна из стен холла — сплошь стеклянная, раздвижная перегородка — выходила в сад. Другая была отделана нарочито грубым серым камнем, в ней помещался большой камин. Из холла двери вели еще в три комнаты, обставленные дорогой и удобной мебелью.

Мистеру Прайсу откровенно не нравилась «вся эта затея с независимостью», и он навсегда уезжал, кажется, в Новую Зеландию. Он продавал оптом все, кроме собачки и ручной швейной машинки «Зингер» под деревянным потрескавшимся колпаком, на которой, как он с достоинством сообщил, шила еще его бабушка. Мистер Прайс оказался большим филантропом. Он просил меня оставить при доме двух его старых слуг.

— Преданы, как собаки,— рекомендовал он,— стоят по 120 шиллингов в месяц каждый. Это недорого по нынешним временам. За хорошего щенка просят 500 шиллингов. А им некуда деваться — в городе безработица.

Я спросил Прайса, зачем ему двое слуг.

— Что? — удивился он. — А как же иначе? Один —

«хаус-бой», другой — «шамба-бой» *. Один убирает дом, другой следит за садом. Здесь все так живут. У иных еще нянька и повар. Это, если хотите, даже поощряется местным правительством как средство борьбы с безработицей. — И он саркастически ухмыльнулся.

Мистер Прайс признался: уезжая, было бы приятно сознавать, что в доме будет жить европеец. Ему было ровным счетом наплевать на то, что я приехал из Советского Союза, главное — белый.

— А то лезут сюда сейчас все кому не лень. Даже разбогатевшие черномазые норовят попасть в дома белых. Вот оно к чему все привело!

Он не стеснялся в выражениях и посматривал на Джамала с откровенной неприязнью — «азиат», к тому же еще и спекулянт... Как оказалось, Джамаль давно уже хотел купить дом Прайса, чтобы потом сдавать его в аренду, но они никак не могли сговориться насчет цены.

Когда они стали разговаривать в повышенных тонах, я решил оставить их тет-а-тет и, раздвинув стеклянную стену, вышел в сад. Через несколько минут Джамаль выскочил возбужденный.

— Поедем, я покажу вам кое-что получше. Это разве дом?! Вы обратили внимание, что на стеклах холла нет ни одной решетки. В таком доме жить опасно. Оборуют до нитки да еще треснут пангой ** по голове! — Его карие глаза выкатились.

— В хорошем доме должны быть двойные решетки: стальные прутья с палец толщиной — это от взломщиков — и еще мелкая металлическая сетка — от «удильщиков». Не слыхали про «удильщиков»? Ходят с палками, и крючок на конце. Могут выудить через окно все что угодно. Сколько случаев каждый день! О, вы еще не знаете Найроби! Слышали, Прайс говорил о безработице?!

Я понял, что Джамаль опять не сумел договориться. Из общения с ним я сделал два вывода: если хочешь получше узнать незнакомый город — найми брокера; если тебе нужна квартира — ищи сам.

* Хаус-бой — домашний слуга, шамба — на языке суахили — участок возле дома. — *Прим. авт.*

** Панга — длинный нож с широким лезвием для сельскохозяйственных работ. — *Прим. авт.*

На Кениатта-авеню

Нижний этаж центра Найроби почти целиком состоит из стекла. Это витрины многочисленных магазинов, автомобильных салонов, кафе и ресторанов, где можно с одинаковым успехом заказать острое индийское кэрри, суп из акульих плавников, из ласточкиных гнезд или любое блюдо европейской кухни. Над стеклянным Найроби тянется широкий навес, соединяющий несколько зданий квартала воедино. Это удобно и в дождь, и в полуденный зной. Особенно для туристов. Многие магазины торгуют сувенирами: продаются тамтамы из кожи питона, пепельницы из слоновой стопы, мокасины из слоновьего уха, шкуры львов и леопардов, когти хищников на цепочке — амулеты. В одном магазине я видел чучело шея и голова жирафа, в длинных ресницах безмятежно детские, прямо живые глаза. Это удовольствие высотой метра в два с половиной стоило 22 тысячи шиллингов — цена комфортабельного легкового автомобиля. Среди сувениров больше всего изделий из шкуры зебры: тапочки, пуфы, дамские сумочки и даже пудреницы.

С балкона отеля «Нью-Авеню» с интересом наблюдаешь за тем, как с муравьиной деловитостью разъезжаются автомобили на перекрестке улиц Кениатты и Коинанге.

Кениатта-Авеню — центральная улица Найроби. Раньше она носила имя Деламера — личности весьма примечательной. Некоронованный король английских сеттлеров, лорд Деламер-старший создал в Кении свою «мини-империю» в 120 тысяч акров в плодороднейшем районе Рифт-Вэлли. С его именем в Найроби связано многое. В отеле «Норфолк» есть «пивная Деламера», которую показывают как одну из достопримечательностей города. Говорят, здесь «в старые добрые времена» лорд любил выпить от скуки и вел себя, как купец: бил окна апельсинами, а потом катался по городу в бричке, запряженной людьми. Бричка эта стоит до сих пор у входа в «Норфолк».

На одном конце авеню раньше возвышался памятник Деламеру, снятый после независимости. На другом — целый квартал нежно-розовых многоэтажных домов, называемых «квартирами Деламера». Они сдава-

Молодой Найроби

лись и сдаются внаем. Деламер-младший, получивший «империю» по наследству, после независимости принял кенийское гражданство. Этот лицемерный акт был обставлен с большой помпой, о нем много писали в местных газетах.

Напротив «квартир Деламера» построен роскошный отель «Пан-Африк». Его хозяин — грек. Говорят, миллионер. Видимо, так оно и есть — один отель стоит не менее миллиона долларов.

У хозяина тяга к знаменитостям всякого рода. Однажды я видел, как в баре отеля он ухаживал за женой Деламера-младшего, густо накрашенной, тощей и аскетической старухой, которую сопровождал тогдашний министр сельского хозяйства Кении англичанин Маккензи. Раньше Маккензи служил офицером в военно-воздушных силах ЮАР.

Мы сидели с известным кенийским политическим и общественным деятелем Дж. Кариуки, автором книги «Узник Мау-Мау». Здороваясь с Кариуки, Маккензи хлопнул его по плечу и заговорил о скачках. Для него Кариуки — прежде всего бизнесмен, член жокейского клуба*.

«Хакуна кази»

Парень лет восемнадцати проворно укладывает строки будущей газеты. Его руки в типографской краске, лицо покрыто капельками пота. Время от времени он вытирает лоб рукавом рубахи... Ему трудно. Приходится набирать текст на чужом, английском языке. Как бы не допустить ошибки! Лоуренс хочет стать хорошим наборщиком, поэтому очень старается.

Он работает в типографии недавно. Пока его считают учеником и платят меньше, чем другим наборщикам. Лоуренс пришел в город из деревни, чтобы помочь немного деньгами семье. К северу от Найроби, недалеко от городка Ньери, живут его отец, мать и два брата. У них небольшой участок земли.

— Жизнь в деревне трудна, — говорит Лоуренс, — поэтому мне пришлось бросить школу и пойти работать. Недоучился всего два года.

И хотя юноша получает мало, значительную часть своей зарплаты он отправляет родителям, а того, что остается, едва хватает на еду и оплату небольшой комнатухи, которую он снимает вместе с товарищем в одном из африканских кварталов Найроби.

В большом зале типографии настешь открыты окна. Так светлее и легче работать. Издательство создано недавно, оно почти ровесник независимой Кении. Его задача — рассказать народу правду о жизни в стране и во всем мире, ту правду, которую долгие годы скрывала от кенийцев колониальная пресса.

Условия работы пока трудные. Две газеты и журнал обслуживаются одним линотипом. Другой, купленный на ограниченные средства у газеты «Ист-Африкэн

* 2 марта 1975 г. Дж. Кариуки погиб при весьма странных обстоятельствах, которые до сих пор остаются нерасследованными. Дж. Кариуки был одним из тех, кто требовал передачи кенийской земли африканцам. — *Прим. авт.*

стандарт», бывшего рупора колонизаторов в Кении, безнадежно устарел, и его никак не удастся починить. Поэтому Лоуренсу часто приходится засиживаться допоздна.

Лоуренс охотно делится своими мыслями:

— Из тех денег, которые я посылаю в деревню, отец сумеет немного отложить. Если бы побольше земли да хороший урожай, я смог бы снова учиться. Очень хочется окончить школу. Мой отец неграмотный, и ему понятно мое желание. Я собираюсь стать инженером. Мечтаю поехать учиться в Советский Союз.

В полупустом зале гулко лязгает линотип. Готовы новые строки набора. Лоуренс, как печеную картошку, перекидывает из ладони в ладонь еще горячие металлические прямоугольнички и тихо напевает песню на языке кикуйю.

Я выхожу из типографии в зябкую вечернюю прохладу Найроби. На дворе вокруг жаровни с древесным углем сидят сторож с женой и маленьким сыном. Они живут здесь в каморке рядом с общественным туалетом. Сторож доволен: у него есть работа. На жаровне кастрюля с какой-то очень простой, но аппетитной деревенской похлебкой. Картошка-то, небось, из деревни.

На улице высоко в небе пляшут разноцветные рекламные огни. В их ярком свете легко можно прочесть небольшое объявление на дверях какого-то учреждения: «Хакуна кази». Такие объявления пока еще часто встречаются в Найроби. Хакуна кази — работы нет. Таблички на языке суахили. Их пишут для африканцев. На бирже труда я видел постоянные очереди. Город не может предоставить работу всем, кто в ней нуждается. А деревня с ее полунатуральным хозяйством гонит сюда все новых и новых парней. Правительство Кении выдвинуло лозунг: «Назад, к земле». Однако таблички «Хакуна кази» все еще маячат на дверях, предупреждают: даже не заходи, нам не о чем с тобой говорить. Тем, кому они адресованы, Найроби, видимо, не кажется солнечным городом.

В Найроби много церквей, есть мечети, индуистские храмы, полухрамы-полуклубы секты исмаилитов, есть адвентисты седьмого дня и поклонники Иеговы, есть даже масонская ложа. По вечерам в центре города, по соседству с парламентом, на башне остроугольного ко-

стела загорается голубой неоновый крест. Возможно, он успокаивает души и несколько размягчает сердца верующих. Но что он может сказать тем, у кого нет работы?

У другой церкви, принадлежащей сектантам, в сумерках загорается табло. Большими красными буквами начертано: «Ответ во Христе». Вряд ли это подходящий ответ для тех, кому нужны хотя бы элементарные одежда и кров, кто едва ли сумеет сложить эти большие красные буквы в слова, как, впрочем, не поймет и табличку «Хакуна кази». А таких пока еще много.

В наши дни, когда страницы прессы все чаще заполняются сообщениями о том, что на города мира с развитой промышленностью ежегодно обрушиваются тонны копоти, грязи и всяких ядовитых веществ и газов, что они безумно быстро растут, оставляя все меньше места для лесов и полей, сливаются, образуя огромные комплексы-уроды, Найроби с его зеленью и близостью к животному миру на первый взгляд может показаться идеальным городом. Несколько небольших предприятий, склады и ремонтные мастерские, составляющие всю его промышленность, выделены здесь в особую «резервацию», так пазываемый индустриальный район.

Но когда смотришь на поток велосипедистов, на переполненные африканцами автобусы, идущие в пыльные «черные» кварталы с лачугами и бараками, где люди по вечерам греются у жаровен с углем, то невольно думаешь о том, что Найроби построен их руками, живет их трудом и должен существовать прежде всего для них.

БЕСПОКОЙНЫЕ БУДНИ ТАНЗАНИИ

Как известно, слова имеют жизнь, они рождаются и умирают. Мы быстро привыкаем к неологизмам и совсем не задумываемся над тем, что какой-нибудь десяток лет назад они были бы просто непонятны. В начале 60-х годов еще никто из нас не знал, что такое Танзания, «уджамаа», «вабенце». Этих понятий не было.

Неологизмы, пессимизм и реальность

Сейчас любой ученик средней школы может показать вам Танзанию на географической карте, и уже мало кто помнит о заложенной в этом слове символической двойственности. Оно, как и сама страна, состоит из двух составных частей: «Тан» — Танганьика, бывшая английская территория, добившаяся независимости 9 декабря 1961 г.; «Зан» — острова Занзибар и Пемба, в прошлом английский протекторат, ставший самостоятельным 10 декабря 1963 г.*. А 26 апреля 1964 г. обе части, материковая и островная, оставляя за собой автономию в отдельных вопросах, образовали союз — Объединенную Республику Танзания (ОРТ).

К числу неологизмов можно также отнести выражение «Саба-Саба», что в буквальном переводе с суахили означает «семь-семь». Но для танзанийцев эти слова

* Занзибарцы праздником независимости считают 12 января 1964 г., когда в результате революции был свергнут султанский режим и к власти пришла ныне правящая партия Афро-Ширази.—
Прим. авт.

имеют особый смысл: 7.7.1954 г. был образован Национальный союз африканцев Танганьики (ТАНУ), под руководством которого страна пришла к независимости. Сейчас «Саба-Саба» — национальный праздник, день рождения правящей партии ТАНУ.

Танзания вправе гордиться своим, пожалуй, самым богатым животным миром в Африке, снежным Килиманджаро, самым глубоким в Африке озером Танганьика и крупнейшим на материке озером Виктория, которое она делит со своими восточноафриканскими соседями. Но не это составляет основной предмет гордости танзанийцев. В стране осуществляется широкая программа кооперирования крестьянства, известная под названием «уджамаа». Слово «уджамаа» на языке суахили было известно и раньше в значении «общность людей», «единая семья», но теперь оно родилось заново в своем современном смысле и становится все более популярным.

Ну а что такое «вабензи»? Этот неологизм просуществовал всего несколько лет. «Вабензи» — новообразование, построенное в полном соответствии с правилами грамматики суахили: «ва» от «вату» — люди, «бензи» — машины марки «Мерседес-Бенц», а «вабензи» — те, кто ездит на этих дорогих машинах. Так прозвали пытавшихся обуржуазиться африканцев, которые трактовали понятие независимости как личный комфорт и неограниченную возможность эксплуатации своего же народа. Но народ Танзании, покончив с иностранной эксплуатацией, стал быстро разделяться и со своими доморощенными «вабензи». Сейчас это слово в Танзании уже забывают, оно уходит в прошлое, как и само явление, его породившее.

Танзанийцы гордятся массовым строительством «уджамаа» и отменой всяческих форм эксплуатации. Но в то же время они понимают, что впереди еще много нерешенных проблем. На некоторых из них мы и остановимся.

Последнее время в Африке можно все чаще услышать выражение: «флаговая независимость». Оно уже довольно прочно вошло в политический словарь, часто мелькает на страницах африканской прессы, легко воспринимается на слух, не требует особых пояснений. Любопытно отметить, что оно появилось на свет в результате как бы обратной реакции на тот всеохваты-

Представитель племени чагга — район Килиманджаро

вающий энтузиазм, который царил в Африке в начале 60-х годов, когда так много и часто писали о смене флагов.

С течением времени накал праздничного энтузиазма понемногу спадал, восклицательные знаки стали вытесняться вопросительными, и в будничной жизни некоторые элементы былой символики приобрели иную окраску. Несмотря на то, что у освободившихся стран было и остается много общего, их пути кое в чем разошлись. Возник термин «флаговая независимость», который пони-

мается в буквальном смысле — смена флагов и ничего больше. «Флаговая независимость» стала означать одно из отрицательных явлений сегодняшней Африки.

Интересно отметить, что этот термин возник в самой Африке и является как бы мерилем прогресса развивающихся стран, выражением внутренней тревоги, неудовлетворенности, озабоченности завтрашним днем.

Посмотрим, как на этом фоне выглядит Танзания, как сами танзанийцы оценивают это явление, получившее столь простое и меткое название. Выступая на митинге 7 июля 1972 г., посвященном «Саба-Саба», президент Танзании Джулиус Ньерере сказал: «Хотя почти все африканские страны и добились независимости, во многих случаях это „флаговая независимость“, и империалисты все еще продолжают свою игру на континенте.

После независимости некоторые лидеры пошли по пути эксплуатации народных масс, и эти тенденции получили довольно широкое развитие в Африке».

Это высказывание Ньерере красноречиво свидетель-

Президент Танзании Дж. Ньерере.
Горящий факел — символ независимости Танзании

ствует о том, что такое явление, как «флаговая независимость» чуждо Танзании и подвергается открытому осуждению.

Независимость Танзании с самого начала не была «флаговой». За годы постколониального развития стране удалось осуществить целый ряд значительных мероприятий на пути строительства новой политической и социально-экономической системы, которые вывели ее в число передовых развивающихся стран Африки. Танзания — одна из стран, вставших на путь некапиталистического развития как государство социалистической ориентации. В жизни Танзании проявляется все больше прогрессивных явлений: национализация земли, банков, страховых компаний, промышленных предприятий, крупной частной собственности, борьба с эксплуататорскими тенденциями, мероприятия, направленные на искоренение делячества и коррупции в государственном аппарате, своеобразные профилактические меры против зарождения класса «своей» бюрократической буржуазии и, наконец, одно из наиболее интересных явлений в сегодняшней Танзании, стране, в недавнем прошлом почти на сто процентов аграрной, — мероприятия по коренной перестройке деревни на принципах «уджамаа».

Пример Танзании, ее опыт, приобретаемый в процессе независимого развития, привлекают широкое внимание. Разумеется, ко многим положительным откликам иногда добавляют и «ложку дегтя». Едва ли кто-либо всерьез сомневается в необходимости радикальной перестройки африканской деревни. Но все же в высказываниях о возможностях осуществления в короткий срок такой грандиозной программы, как повсеместное строительство «уджамаа», подчас звучат пессимистические нотки.

В этом деле уже накоплен некоторый положительный опыт в отдельных районах страны, однако в целом программа еще далека от завершения, и потому всякая окончательная оценка была бы пока преждевременной. Будущее покажет, насколько «уджамаа» оправдает себя. Безусловно, это трудный и сложный путь, и он под силу только тем, кто полон решимости и воли к победе. «Африка все еще находится в оковах собственной слабости, — отмечает Дж. Ньерере. — Долг африканцев — покончить с этим».

У Танзании есть одно большое преимущество. Это молодая страна, молодая в совершенно особом смысле этого слова. Как-то в беседе с помощником генерального секретаря Молодежной лиги ТАНУ Генри Клеменсом я спросил, сколько в Танзании молодежи.

— Примерно девять из тринадцати миллионов,— ответил он.

Объясняется все это довольно неожиданно: до недавнего времени средняя продолжительность жизни танзанийца составляла всего 35 лет. Сейчас она поднимается уже до сорока. Но во всяком случае практическое осуществление многих прогрессивных мероприятий сопровождается энтузиазмом и неумемной энергией, которые свойственны только молодости.

Иллюзия спокойствия

За годы независимого существования в Танзании не произошло ни одной смены режима. Возможно, в этом не стоило бы искать чего-то необыкновенного и удивительного, если бы речь шла не об Африке, где за прошедшие десять-пятнадцать лет политические перевороты и штормы потрясли многие страны, едва вставшие на путь независимого развития.

В то же время нельзя не остановиться на некоторых событиях, происшедших в Танзании за последние годы.

Так, в феврале 1972 г. в результате реорганизации, проведенной президентом страны Джулиусом Ньерере, из состава кабинета министров было выведено восемь человек, то есть почти половина правительства. Три бывших министра не получили никаких постов, остальные назначены региональными комиссарами областей в связи с принятым правящей партией ТАНУ решением о децентрализации власти в стране. Реорганизацию расценивали как своеобразный переворот «сверху».

В декабре 1971 г., в день Рождества, в одной из небольших танзанийских деревень выстрелом из обреза был убит У. Клерру, региональный комиссар округа Иринга,— один из активных сторонников кооперирования крестьянства на принципах «уджамаа». В начале апреля 1972 г. среди бела дня в штаб-квартире Афро-Ширази, правящей партии островной части Танзании,

был убит первый вице-президент страны, председатель Революционного совета Запзибара А. Каруме. Запзибар, знаменитый пряными ароматами гвоздики, в эти дни ошетинился разнокалиберными стволами оружия, двери и витрины лавок и магазинов были закрыты, затворены ставни в домах. Никто не стрелял, но в воздухе носился едкий привкус пороха.

Упоминание хотя бы об этих событиях дает определенное представление о пульсе политической жизни Танзании. Думается, одних этих примеров уже достаточно, чтобы назвать будни страны не слишком спокойными.

Но вот передо мной один из июньских номеров правительственной газеты «Дейли ньюс» за 1972 г. В отделе писем и откликов привлекает внимание такой заголовок: «Открытое письмо Камбоне». Письмо начинается так: «Нас ни в коей мере не задела ваши глупые и совсем непопулярные листовки, которые разбрасывались недавно в ряде городов. Вы всегда стремились найти способы — самые недозволенные, — при помощи которых вам удалось бы возвратиться в Танзанию. Предпринятая вами попытка свергнуть популярное в народе правительство, в которой участвовали лица, находящиеся ныне в заключении, должна была бы послужить вам хорошим уроком. Но вы совсем потеряли голову и не хотите смотреть на это реалистически...».

Оскар Камбона, в прошлом известный политический деятель, министр иностранных дел Танзании, оказался в оппозиции к нынешнему курсу партии ТАНУ и правительства. Он эмигрировал в Англию. В декабре 1971 г., в день празднования 10-летней годовщины независимости Танганьики, в сумерках над Дар-эс-Саламом пролетели два двухмоторных самолета, с которых на толпы африканцев были сброшены листовки антиправительственного содержания за подписью О. Камбоны. В мае 1972 г. инцидент повторился.

Листовки не имели серьезного воздействия на общественно-политические круги Танзании. Обстановка продолжала оставаться спокойной. Оба инцидента не раскрыли ничего нового, и без них было известно о существовании за пределами ОРТ определенных элементов, враждебно настроенных по отношению к нынешнему курсу правительства Ньерере, которые, будучи не в си-

лах помешать происходящему в стране преобразовательному процессу, в отчаянии прибегали к таким малоэффективным приемам, как распространение листовок украдкой, по ночам. Очередным демаршем в этой цепи провокаций явилась серия взрывов пластиковых бомб в июне 1972 г. Они преследовали определенную цель — посеять некоторую панику, неуверенность, на короткий срок дезорганизовать нормальное течение деловой жизни в столице. Как отмечалось в газетах, полиция установила, что разорвавшиеся бомбы такие же, какие в ходу в войсках НАТО.

В Танзании в настоящее время нет какой-либо открытой, организованной оппозиции нынешнему режиму. Однако мелкие провокационные вылазки отдельных враждебных элементов постоянно ставят бдительность на повестку дня.

Этот вопрос имеет особо важное значение, так как империалистические державы не оставляют попыток использовать малейшую возможность для вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, посеять вражду и междоусобицу среди молодых независимых государств Африки. «Борьба в Танзании за социалистическое равенство вступает сейчас в решающую стадию, когда ясно очерчивается разница пути крестьян и рабочих, с одной стороны, и тех, кто под свободой понимал свободу для себя пристроиться на месте иностранных эксплуататоров,— заявил известный танзанийский политический деятель Нгомбале-Мвиру, выступая на митинге парторганизации района Илала (Дар-эс-Салам) в январе 1972 г.— Те члены ТАНУ, которые думают, что эти лица, мечтавшие занять место иностранных эксплуататоров, отнесутся к ликвидации их надежд без противодействия в той или иной форме, заблуждаются».

Нгомбале-Мвиру подчеркнул, что эксплуататорские элементы, зная о популярности идей социализма в народных массах, не решаются выступить открыто и поэтому прибегают к таким приемам, как саботаж, распространение слухов и т. д. «На данном этапе борьбы за социалистическое равенство все члены партии должны быть начеку. Они должны своевременно изобличать тех предателей, которые хотели бы выступить против политики партии и построить такую Танзанию, в которой были бы эксплуататоры и эксплуатируемые»,— за-

явил он. Таким образом, в процессе социальных преобразований в Танзании несомненно ощущается накал классовой борьбы.

И наконец, Танзания по своему географическому положению является одним из форпостов независимых африканских государств в их борьбе против последних колониальных режимов на континенте. Правительство ОРТ оказывает существенную поддержку национально-освободительным движениям юга Африки, что, естественно, вызывает немалое раздражение со стороны тех, кто не оставляет надежды восстановить или удержать свои бывшие позиции в Африке и кто охотно предоставил бы антиправительственным элементам как внутри Танзании, так и вне ее не только пластиковые бомбы, но и кое-что посolidнее, если бы была уверенность в том, что на эту публику можно положиться. Но такой уверенности теперь уже нет.

Еще один пример. Едва ли кто-нибудь станет возражать против того, что у каждого народа есть свои, присущие ему национальные черты. Когда говорят и пишут о сегодняшней Танзании, то часто отмечают отсутствие в стране каких-либо резких националистических проявлений, межплеменных уособиц, серьезных проявлений трибализма.

Одним из важных социальных мероприятий, проведенных в стране вскоре после независимости, явилась отмена традиционного института вождей. В феврале 1963 г. вожди племен были лишены всех административных и юридических полномочий. И опять в этом смысле Танзания является одним из немногих исключений в Африке. Отсутствие резких проявлений трибализма в ОРТ — существенный положительный факт, ведь в стране насчитывается свыше 120 племен.

За последние годы из Танзании выехали десятки тысяч лиц индо-пакистанского происхождения. И если кто-то из них скажет, что они бежали от преследований, то это будет недалеко от истины. Правда, их преследовали не по расовому признаку, а по социальному. Так уж исторически сложилась обстановка в Танзании, что многие из этих лиц были заняты в сфере частного бизнеса и после национализации оказались здесь не у дел. Кстати, они никогда и не были гражданами Танзании. Это так называемые экспатрианты (изгнанники) с британ-

скими паспортами, не захотевшие принять танзанийское подданство.

Наиболее важная черта сегодняшней Танзании, пожалуй, заключается в том, что в стране, вставшей на путь борьбы с эксплуатацией, неравенством, на путь социалистической ориентации, в процессе строительства нового общества довольно остро ощущается несоответствие между желаемым и действительным.

Конечно, понятно и вполне естественно стремление развивающегося государства как можно быстрее преодолеть вековую отсталость, добиться не только политического, но и экономического суверенитета. Однако внутренние возможности не всегда позволяют осуществить намеченные планы в короткий срок. Без трезвого учета имеющихся ресурсов и возможностей они — или, скажем, отдельные мероприятия — могут оказаться слишком поспешными, нереальными, а порой даже вредными. Энтузиазм и стремление к скорейшему повышению жизненного уровня в массовых масштабах с учетом реальных возможностей и правильным соизмерением принимаемых шагов — вот что характеризует сегодняшние будни Танзании.

«Пирог» по-танзанийски

«Танзания — одна из беднейших стран мира» — утверждение, часто встречающееся в местной прессе, в высказываниях государственных деятелей, в беседах с танзанийцами. Это не преувеличение. Если так считают сами танзанийцы, то, видимо, им можно поверить. Страна имеет почти самый низкий в мире доход на душу населения. Таковы неумолимые цифры статистики.

Однако в Танзании народ не умирает от голода. Правда, это не значит, что все сыты, а скорее свидетельствует о другом — более или менее равном распределении национального дохода на душу населения.

В других странах, где средняя цифра дохода может быть и значительно выше, но социальное расслоение выглядит более контрастно, люди могут и голодать, а так называемая «средняя» цифра дохода является невольной фальсификацией, которую допускает статистика.

Мне вспоминается беседа с одним из известных танзанийских журналистов, заместителем директора информационной службы Нестором Рвейамаму, незадолго до этого вернувшимся из поездки по Соединенным Штатам Америки. Он рассказывал о своих впечатлениях, отмечая огромное количество легковых автомашин, технические достижения, но на мой вопрос, что же больше всего его поразило, Н. Рвейамаму не задумываясь ответил: «Бедность». Разумеется, он не считает США экономически отсталой, бедной страной, а просто хочет отметить силу контраста. Для танзанийца такой контраст выглядит несуразным.

Английская журналистка Бриджит Блом как-то писала в газете «Файнэншл таймс»: «Танзания, площадь которой в пять раз превышает территорию Великобритании, а население составляет только 12 миллионов человек*, имеет исключительно низкий доход на душу населения — в среднем 20 фунтов стерлингов в год. Однако принятием Арушской декларации 1967 г. Танзания наметила для себя путь к социализму, подразумевающий, что скромный экономический пирог будет справедливо поделен между всеми гражданами страны».

Арушская декларация — это основной документ правящей партии ТАНУ, определивший программу построения нового общества в Танзании. Она была принята в январе-феврале 1967 г. на заседании Исполкома ТАНУ в г. Аруше. Впервые в стране со всей отчетливостью прозвучало решение о переходе на путь некапиталистического развития, о широком проведении в жизнь прогрессивных преобразований. Сразу же после декларации были национализированы основные промышленные предприятия, банки, страховые компании.

Однако не стоит забывать и о том, что земля и природные ресурсы страны были национализированы еще за пять лет до Арушской декларации, в 1962 году. Это весьма важная деталь, раскрывающая логику и последовательность того основного процесса, который происходит сейчас в Танзании. Она показывает, что принятию Арушской декларации предшествовал определенный

* Сведения относятся к 1969 г. В настоящее время население Танзании превышает 15 млн. человек.

Дар-эс-Салам. Штаб-квартира партии ТАНУ

подготовительный период, что возникла она не на пустом месте, а явилась результатом многолетней упорной работы, одним из важнейших звеньев в цепи преобразовательного движения, которым охвачена сейчас вся страна.

Как уже отмечалось, в Танзании появляется все больше признаков социального прогресса. Но при этом нельзя пройти мимо и определенных деталей, характеризующих своеобразие местных условий.

Например, в Арушской декларации говорится о ТАНУ не как о партии рабочих и крестьян, а как о партии крестьян и рабочих.

Целый ряд проблем связан и с ограниченными размерами «экономического пирога». Некоторые из них мо-

гут показаться просто странными, даже нелепыми. Так, если советского читателя спросить, например, нужен ли ему телевизор, то каждый, конечно, ответит «да». Многие танзанийцы дадут на этот вопрос отрицательный ответ. Если вас спросят, нужна ли вам автомашина, то вы, наверное, не станете возражать. Танзанийцы же возражают против личных автомобилей, они — за автобусы. Большинство из них пока отказывается и от тракторов в сельском хозяйстве.

Подобные «возражения» нужно правильно понимать. Это не аскетизм, не причуды, а необходимость, вызванная реально сложившейся обстановкой, конкретными условиями Танзании. И это станет вполне понятным, если те же вопросы преподнести по-другому: скажем, на что лучше истратить известную сумму денег государству, где стар и мал впервые садятся за парту, — на один телевизор или на тысячу букварей?

Выступая в апреле 1971 г. на конференции в Дар-эс-Саламе по вопросам ликвидации неграмотности среди взрослых, второй вице-президент страны Р. Кавава заявил, что Танзания стремится стать страной с наиболее высокой грамотностью и наиболее широкой сетью общественных библиотек в Африке, «так как настоящее развитие означает развитие народных масс».

Как отметил Р. Кавава, Танзания также заинтересована в экономическом развитии, но при этом не стоит забывать, что статистика среднего дохода на душу населения сама по себе еще не является критерием действительного развития нации. «Экономическое богатство важно только в том случае, когда оно используется для улучшения жизни народа», — заявил он. В настоящее время на курсах по ликвидации неграмотности в Танзании занимается около 1,5 млн. человек.

Но вернемся к насущным проблемам Танзании. Что важнее в условиях отсталой аграрной страны — устроить одно образцово-показательное хозяйство с тракторами или закупить плуги для целого района?

Выступая в Дар-эс-Саламском университете в 1967 г., президент Ньерере сказал: «Плуг должен заменить мотыгу, прежде чем ему на смену придет трактор...»

На вопрос, нужно ли строить больницы, казалось, не найдется никого, кто бы ответил отрицательно.

Тем не менее в марте 1972 г. в газете «Стандард»

выступил преподаватель медицинского факультета Дар-эс-Саламского университета профессор Малкольм Сегалл с полемической статьей «Политика здравоохранения в Танзании», в которой пытался доказать, что строительство больниц в стране в настоящее время нецелесообразно. Как это ни парадоксально, но профессор как раз стремится найти путь к наиболее быстрому и эффективному налаживанию системы здравоохранения в ОРТ, к тому, чтобы медицинское обслуживание стало по-настоящему доступным каждому танзанийцу. Вместо строительства нескольких крупных больниц он предлагает на те же средства развернуть в стране сеть небольших лечебно-профилактических пунктов.

Эти парадоксы вызваны только одним — скромностью «экономического пирога», вернее, теми объективными ограничениями, которые характерны для нынешних экономических условий Танзании и не позволяют стране идти вперед ускоренными темпами.

Я отнюдь не собираюсь ничего усложнять. Хотелось бы только показать, что проблемы, стоящие перед сегодняшней Танзанией, сами по себе достаточно сложны. Многие еще не совсем ясно и танзанийцам. Идет ломка устоявшихся норм, традиций и взглядов, привычных еще с колониальных и доколониальных времен.

В своих выступлениях президент страны Джулиус Ньерере нередко упоминает о допущенных ошибках и недочетах. Такое откровенное признание недостатков свидетельствует о том, что в Танзании имеется достаточно сил и решимости для их успешного преодоления. И в этом отношении сделано немало. Добившись независимости, страна под руководством партии ТАНУ объявила решительную борьбу против трех основных врагов: бедности, неграмотности и болезней.

«Вопрос о справедливом распределении возросшего национального дохода является одним из наиболее важных для партии и правительства. Правительство делает все возможное, чтобы богатый не становился богаче, а бедный — беднее. Оно прилагает огромные усилия, чтобы покончить с эксплуатацией большинства меньшинством», — писала танзанийская газета «Санди ньюс» в декабре 1971 г., во время празднования 10-летней годовщины независимости.

Формирование нации

Если, к примеру, в соседней Кении, говоря о том или ином человеке, обычно добавляют: он — «белый» или он — из племени луо, кикуйю, камба, то в Танзании о человеке судят чаще всего по его «социальной одежке»: крестьянин, служащий, можно услышать еще и такое — эксплуататор. Говорят, что эта особенность имеет свои исторические причины: ни одно из танзанийских племен не было доминирующим; страна пришла к независимости сравнительно мирным путем. «Белый» человек якобы не был здесь ни самым злейшим врагом, ни иконой. Поэтому и деление на «черных» и «белых» имело, мол, скорее социальную, нежели расовую окраску.

Все как будто бы понятно. Действительно, в период, предшествовавший независимости, в Танзании не было, например, таких резких взрывов гнева, как крестьянская война «Мау-Мау» в Кении. Но значит ли это, что тишь да гладь были как бы исторически заложены в танзанийском обществе, чуть ли не явились «благотворным» наследием колониализма?

Разумеется, нет. Обратимся к цифрам и фактам. Так, в апреле 1960 г., то есть за полтора года до независимости Танганьики, только 346 африканцев работало на более или менее высоких должностях в системе колониальной администрации. Всего 346 из 3282 должностей, которые в то время считались ответственными! Как отмечалось в докладе Джулиуса Ньерере на Национальной конференции партии ТАНУ, проходившей в Дар-эс-Саламе в сентябре 1971 г., накануне независимости вся политическая, экономическая и социальная структура страны основывалась на расовом делении. Не только большая часть постов в ведущих отраслях экономики принадлежала иностранцам, но и среди административных служащих, технических специалистов и квалифицированных рабочих почти не было африканцев, а шкала заработной платы как в частном, так и в общественном секторе базировалась на расовых различиях. Если даже африканскому рабочему и удавалось устроиться в частных компаниях или в сфере общественных служб, то за одну и ту же работу он получал меньше, чем рабочий азиатского происхождения, а тот, в свою очередь, получал меньше, чем европеец. Расовые разли-

Женщины-гончары

чия особенно сказывались между неквалифицированным рабочим, получавшим примерно 50 шиллингов в месяц, и высшим правительственным чиновником, зарабатывавшим до пяти тысяч шиллингов, а в частном секторе и того больше.

Тот же самый расовый подход сказывался и на распределении благ, которые предоставляет город: в районах, где жили европейцы, было электричество, водопровод, мощные дороги. В африканских кварталах все эти удобства, мягко говоря, были далеко не везде, хотя там жило значительно больше народу. В области образования также существовало разделение школ на европейские, азиатские и африканские, хотя некоторые из азиатских школ добровольно принимали и африканских де-

тей. В Дар-эс-Саламе, как и в других основных городах, была больница для белых и больница для африканцев.

Такое положение касалось всех сторон жизни. Поэтому, хотя в Танганьике формально не существовало всеохватывающего цветного барьера, от которого страдали некоторые соседние страны, все сферы общества в колониальный период строились так, чтобы отделить друг от друга людей различных рас. Это явление президент охарактеризовал как «чумное бедствие» для страны.

Итак, накануне независимости не могло быть и речи о каком-то расовом спокойствии. Перед правящей партией ТАНУ встал как один из наиболее важных и острых вопрос о борьбе с «чумным бедствием», о скорейшем разрешении расовых и национальных проблем.

Вот как это выглядело на практике. В том же докладе президент Ньерере отметил, что первые шаги ТАНУ после независимости заключались в намеренном проведении политики «африканизации» общественных служб, хотя партия отдавала себе отчет в том, что эта политика сама по себе являлась дискриминационной. Прежде чем все граждане страны могли бы рассматриваться как равные, было необходимо выправить то положение, когда на государственной службе нации в преобладающем большинстве были лица неафриканского происхождения, выправить положение так, чтобы оно в большей степени отвечало интересам общества. В связи с этим до января 1964 г. африканцам отдавалось предпочтение перед всеми другими в назначении на ответственные должности и продвижении по службе.

«Подобная политика,— отметил Дж. Ньерере,— неминуемо вела к тому, что назначали и продвигали на такие должности людей, которые им не соответствовали, и их приходилось заменять».

Далее президент пояснил: «Безотлагательность в проведении политики африканизации была вызвана необходимостью пробудить у народа Танганьики веру в собственные силы. После того как мы продемонстрировали и себе и другим, что быть африканцем вовсе не означает быть каким-то служащим низшего ранга, нация была подготовлена к тому, что в определенных сферах мы без стыда могли привлекать к работе квалифицированных людей в зависимости от необходимости. Та-

ким образом, с января 1964 г. мы смогли переключиться на другую политику, когда предпочтение тому или иному гражданину отдается вне зависимости от его расовой принадлежности. Такова политика и на сей день».

Эти высказывания президента Танзании интересны по двум причинам.

Во-первых, они ясно показывают, что страна на своем раннем этапе развития как бы «переболела» национализмом. Процесс этот был неизбежен, ведь одним из основных лозунгов ТАНУ до независимости было требование о предоставлении власти большинству населения страны, то есть африканцам. Поэтому без периода «африканизации», несмотря на отдельные его объективно сложившиеся недостатки, партия не могла сразу перейти к той политике, которая, как отметил президент Ньерере, стала возможной только в начале 1964 г., то есть спустя два года после получения независимости. Итак, чтобы отделаться от одной болезни — «чумного бедствия», стране пришлось переболеть другой. Но эта, другая, была скорее похожа на прививку.

Во-вторых, они свидетельствуют о том, что решение национальной и расовой проблемы в Танзании является не результатом стихийно сложившихся обстоятельств, а следствием большой, кропотливой и напряженной деятельности партии ТАНУ, сумевшей найти правильный подход к этой сложнейшей проблеме в условиях деколонизирующейся Африки. И не только правильно подойти к ней, но и осуществить ее решение на практике.

Однако дело не кончилось тем, что в январе 1964 г. наметился поворот от узконационалистической политики «африканизации» к политике равенства всех граждан страны независимо от их расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания. Говоря об итогах развития страны за десятилетний период, Дж. Ньерере отмечал, что отдельные расовые проявления прослеживаются и до сих пор. Но партия ТАНУ ведет с ними постоянную борьбу. Так, в феврале 1967 г., вскоре после принятия Арушской декларации в печатном органе ТАНУ — газете «Нэшналист» появилась весьма важная статья под заголовком «Социализм — не расизм».

Для советского читателя такой заголовок может показаться несколько странным и, возможно, потребует разъяснения. Дело в том, что, как уже было сказано,

сразу же после принятия декларации правительство Танзании объявило о национализации банков, страховых компаний и ряда предприятий, принадлежащих иностранному капиталу. Владельцами этих предприятий и компаний были в основном либо европейцы, либо лица индо-пакистанского происхождения. Поэтому появилась опасность того, что мероприятия по национализации могут быть истолкованы как борьба африканцев против «белых» и «азиатов». Появление статьи «Социализм — не расизм» разъясняло истинное положение дел. В ней, в частности, говорилось: «Социализм не может быть только для черных, только для белых, только для желтых», «социализм и расизм несовместимы», «мы в Танзании должны твердо усвоить этот урок, в особенности сейчас».

Если в 1964 г. партия ТАНУ сочла возможным и даже необходимым снять с повестки дня лозунг «африканизации», то это вовсе не означало поворота к прошлому, к постоянной зависимости страны от иностранных специалистов. И после 1964 г. партия ТАНУ продолжала последовательно проводить в жизнь политику опоры на местные, собственные, кадры. Лозунг «африканизации» был заменен лозунгом «танзанизации», то есть, другими словами, каждый гражданин Танзании вне зависимости от расовой принадлежности, будь то лицо индо-пакистанского происхождения или европеец, имеет такие же права, как и большинство населения — африканцы.

Выступая на сессии Национальной ассамблеи в июле 1971 г., бывший тогда государственным министром по делам регионального управления и сельского развития П. Кисумо заявил, что 85,6% высших и средних должностей на государственной службе уже заняты танзанийцами, и правительство принимает меры к тому, чтобы к 1980 г. эти должности занимали только граждане Танзании.

В докладе президента Ньерере на Национальной конференции ТАНУ в сентябре 1971 г. отмечалось: «Сегодня равенство и человеческие права африканцев в Танзании больше не подвергаются сомнению со стороны лиц неафриканского происхождения. Африканцы как и раньше составляют большинство населения Танзании. Но сейчас они управляют страной. Следовательно, если

в нашей стране возникают какие-либо расовые проблемы, то теперь за них несут ответственность африканцы».

Путь Танзании и накопленный ею положительный опыт в решении национально-расовых проблем может служить хорошим примером для других развивающихся стран Африки.

В валютно-экономических лабиринтах

Политика опоры на собственные силы на практике означает максимальное использование внутренних ресурсов, повышение производительности труда, правильное применение принципов планирования и, наконец, полное, по возможности, обеспечение потребностей страны продукцией собственного производства. По возможности...

Однако в условиях аграрной страны, будь то Танзания или любое другое государство развивающейся Африки, в данный момент речь может идти только о более или менее полном обеспечении в основном пищевыми продуктами. И это, конечно, немаловажно. Ведь самообеспечение Африки сельскохозяйственной продукцией до сих пор остается серьезной проблемой. Увеличение производства пищевых продуктов отстает или уж, во всяком случае, почти не превышает темпов роста населения в развивающихся странах. По данным, опубликованным Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) в августе 1971 г., в развивающихся странах, особенно в Африке, в 60-е годы не наблюдалось тенденции к увеличению производства пищевых продуктов на душу населения. Стало быть, проблема самообеспечения Африки продуктами питания еще не решена.

С промышленным оборудованием дело обстоит еще сложнее: оно всегда было и остается необходимой статьей импорта. В Арушской декларации сказано, что партия ТАНУ видит основную перспективу будущего развития экономики страны в повышении производства сельскохозяйственной продукции: «Это фактически единственный путь, по которому может пойти дальнейшее развитие нашей страны, другими словами, только путем увеличения производства этих (сельскохозяйственных.—

В. С.) культур мы сможем обеспечить больше продовольствия и больше финансовых средств для каждого танзанийца». Отсюда и необходимость широкого развития внешнеэкономических и торговых связей.

Как и другие развивающиеся страны, Танзания сталкивается со значительными трудностями в вопросах балансирования своей внешней торговли. В связи с решением партии ТАНУ о претворении в жизнь политики опоры на собственные силы эти трудности приобретают особо острый характер. «Проблемы, стоящие перед развивающимися странами, заключаются в том, что они находятся в зависимости от производства сырья,— пишет танзанийский журналист И. Люберенга в статье «Трудности внешней торговли „третьего мира“». — Цены на эти товары постоянно падают, тогда как стоимость промышленного оборудования все время растет».

Автор статьи справедливо замечает, что торговое и экономическое сотрудничество развивающихся стран с капиталистическими государствами — взять, например, ту же политику цен на сырье и промышленные товары — строится на неравноправной основе и представляет собой, по существу, продолжение эксплуатации африканских стран. Это касается не только торговли, но и различных форм инвестиций.

«Если посмотреть на вклады капиталов, то и здесь обнаружится еще одна форма эксплуатации,— пишет далее И. Люберенга.— В международной экономике доминирующую роль играют монополисты, штаб-квартиры которых находятся в США, Англии, Японии и т. д.»

Автор наглядно раскрывает обходные пути, используемые западными корпорациями для укрепления своих позиций в развивающихся странах в целях выкачивания высоких прибылей за счет усиления эксплуатации этих стран. В частности, он пишет: «Развивающиеся страны пытались оградить от посягательств этих корпораций свою находящуюся еще в зародыше промышленность, например, путем повышения таможенных налогов. Однако промышленно развитым странам удалось перескочить через эту преграду. Так, скажем, если введен запрет на импорт радиоприемников, то эти страны предлагают предоставить свой капитал для создания местных мастерских по сборке радиоприемников. Получается, что эти государства все-таки проникают на мест-

ный рынок, поставляя детали для сборки того же радиоприемника. При этом создается видимость, что они обеспечивают работой местные кадры. На самом деле они просто используют более дешевую рабочую силу, чем в их собственных странах.

Таков один из способов эксплуатации развивающихся стран, который не сразу распознаешь, так как он преподносится в завуалированной форме».

Развитие торгово-экономических отношений с капиталистическими странами иногда в Африке не без основания называют «развитием отсталости».

Таким образом, видно, что при существующих торговых и экономических соглашениях Танзания сталкивается с весьма серьезными проблемами, с необходимостью изыскания принципиально новых путей развития своих внешних связей.

И. Люберенга предлагает следующее: «Очевидно, единственный путь, следуя которому страны „третьего мира“ могут освободиться от нищеты, заключается в успешном развитии сотрудничества между ними и в совместной разработке таких средств, при помощи которых можно было бы изменить традиционные международные экономические тенденции. Это сотрудничество может быть налажено при улучшении средств сообщения между африканскими странами. Например, проект строительства дороги, которая связала бы Восточную Африку через страны Центральной Африки с Западной, является весьма обнадеживающим, так как постройка дороги создаст благоприятные условия для поднятия экономики целого ряда стран».

Любопытно отметить, что еще в колониальной Африке сравнительно большое внимание уделялось как раз развитию инфраструктуры. Правда, в те времена строительство железных дорог было подчинено лишь одной идее: связать сельскохозяйственные районы и разработки полезных ископаемых с океаном — основным путем вывоза сырья. В настоящее время речь идет о развитии новых направлений, внутриафриканских.

Автор несомненно прав, заявляя, что строительство новых путей сообщения имеет для Африки огромное значение. Однако, как показывает опыт, осуществление каких-либо крупных проектов в области инфраструктуры пока представляет собой весьма тяжелый груз для

экономики развивающихся стран. Эти трудности ощущались на строительстве железной дороги «Танзам», связывающей медные рудники Замбии с портом Дар-эс-Салама. Необходимо отметить, что строительство меж-африканских коммуникаций само по себе не решает всех проблем и даже создает некоторые дополнительные. К примеру, на строительстве «Танзам» было занято 35 тысяч танзанийцев. В конце августа 1973 года танзанийский участок был завершен, и строительство перешло на территорию Замбии. Спрашивается, как быть с дальнейшим трудоустройством этой огромной армии рабочих? Дорога проходит через южные, малоосвоенные районы Танзании, не имеющие какой-либо развитой промышленности. В настоящее время рассматриваются возможности создания вдоль дороги деревень «уджамаа», где часть бывших рабочих сможет снова заняться крестьянским трудом.

И наконец, развитие межафриканской инфраструктуры пока объективно не в силах решить основного вопроса: изменить характер товарообмена между промышленно развитыми странами капиталистического мира и развивающимися странами. Сам же автор замечает: «В основном развивающиеся страны производят одинаковые товары, например кофе. Если кофе выращивают и Танзания, и Уганда, то Уганда не станет покупать его у Танзании...»

Ограниченные возможности торговли внутри континента отмечались и после первой Всеафриканской торговой ярмарки в Найроби, организованной ОАЕ. В частности, в кенийской газете «Санди нейшн» появилась статья обозревателя А. Оджука «Африке предлагается нечестная сделка», в которой, рассматривая вопросы неравноправного товарообмена на мировом рынке, автор в то же время с горечью пишет: «Резьба по дереву, плетеные циновки и камни с морского побережья — вот примелькавшиеся экспонаты ярмарки. Большая часть торговой деятельности в Африке сводится к продаже товаров, сделанных за границей».

Конечно, несмотря на ограниченные возможности развития торгово-экономических отношений между африканскими странами, эти связи будут расти и развиваться. Но надежная перспектива выхода стран Африки из традиционной валютно-экономической зависимости от

капиталистического мира представляется не в этом, а во всемерной активизации и упрочении внешнеэкономических и торговых связей с Советским Союзом и странами социалистической системы. Только такие связи, строящиеся на равноправной взаимовыгодной основе, могут оказать решающее воздействие на изменение характера и традиционных тенденций установившегося товарообмена между развивающимися и промышленно развитыми государствами. Эти связи Танзании пока еще весьма скромны, хотя их возможности далеко не исчерпаны.

Выступая на сессии Национальной ассамблеи ОРТ в июле 1972 г., министр торговли и промышленности А. Джамаль отметил, в частности, работу советских геологов, проводивших изыскания в различных районах страны в поисках свинца, меди, золота и других полезных ископаемых.

Многие районы Танзании еще мало исследованы в геологическом отношении. Однако уже ранее обнаруженные минеральные ресурсы, эксплуатация которых началась еще в колониальный период, дают стране солидный доход в иностранной валюте. Так, в 1971 г. Танзания продала алмазов на сумму 208 миллионов шиллингов, в то время как в предыдущем году их экспорт составил лишь 161 миллион. Недавно с помощью советских геологов в Танзании обнаружены месторождения золота.

Помощь геологов — лишь один из примеров растущих внешнеэкономических, торговых и культурных связей между СССР и ОРТ. В средних школах и ряде колледжей Танзании в различных районах страны работают советские преподаватели. В начале 1972 г. в страну прибыла группа советских энергетиков для изучения условий строительства плотины и гидроэнергоузла на реке Кивира, в южных районах.

В мае 1973 г. было подписано соглашение о строительстве цементного завода в Танзании с помощью советских специалистов. В сентябре 1974 г. в страну прибыла первая группа советских врачей.

Успешное развитие советско-танзанийского сотрудничества в перспективе несомненно окажет благотворное влияние на укрепление экономического суверенитета Танзании.

Города и веси

У танзанийского рабочего класса своя тяжелая, своеобразная история. Его первые шаги сделаны в обстановке принудительного, почти рабского труда. Еще в 1924 г. в Танганьике был принят закон, запрещавший рабочему уходить с предприятия. Его нарушение каралось штрафом или полугодовым тюремным заключением. В этой связи интересно отметить, что рабство в буквальном смысле этого слова было отменено в Танганьике только в 1922 г.

Но, несмотря на суровые законы, африканский рабочий класс рос и развивался. В 1932 г. в Танганьике произошла забастовка, в которой участвовало 12 тысяч горняков золотых приисков, требовавших повышения заработной платы. Колониальные власти, подавив забастовку, приняли еще один закон, на сей раз запрещавший рабочим создавать свои организации. Тем не менее именно в 30-е годы в Танганьике возникло профсоюзное движение.

Большое значение в деле консолидации национально-освободительных сил страны сыграла забастовка 1947 г., в которой участвовали докеры Дар-эс-Салама, транспортники, рабочие сизалевых плантаций. Волна забастовочного движения достигла наивысшего подъема в годы, предшествовавшие независимости. В 1959 г. в стране бастовало 82 тысячи, а в 1960 г.— около 90 тысяч рабочих. Наряду с экономическими лозунгами они выдвигали требование о предоставлении стране независимости. Безусловно, рабочее движение сыграло огромную роль в национально-освободительной борьбе танзанийского народа.

Трудности рабочего класса Танзании объясняются объективными причинами; они заключаются в самом характере экономики страны, навязанном извне. Численность танзанийского рабочего класса составляет всего около полумиллиона человек — менее пяти процентов всего населения страны.

Но дело здесь не только в том, что рабочий класс оказался в меньшинстве, а главным образом — в самой его структуре. По сведениям официального справочника «Танзания сегодня», в 1965 г. на различных промышленных предприятиях, в том числе мелких мастерских, скла-

дах, заводиках по переработке сырья, работало всего 89 тысяч человек, в среднем по 15 человек на предприятие, что свидетельствует о большой распыленности наемного труда в Танзании.

При отсутствии в стране крупных заводов и фабрик нет и не могло быть массового, политически зрелого, закаленного в борьбе и воспитанного на классовой солидарности промышленного пролетариата, способного возглавить и до конца повести за собой национально-освободительные силы.

Как замечает газета «Санди ньюс», в городах Танзании сфера обслуживания преобладает над сферой производственной деятельности. Иными словами, основную массу пролетариата составляют слесари, водопроводчики, электромонтеры, дорожные рабочие. К ним примыкают работающие по частному найму и так называемые «домашние работники»: садовники, сторожа, няньки, прачки. Эта категория наиболее низкооплачиваемых трудящихся по своей природе смыкается с городскими низами, постоянно пополняемыми из деревень.

В статье «Пути преодоления городского крепостничества» танзанийский журналист Г. Магоме прямо пишет: «Многие деревенские бездельники оказывают сопротивление преобразованиям, происходящим в сельской общине, и бегут в города». Конечно, среди них в основной массе не враги кооперирования, а просто крестьяне-отходники, в представлении которых город связывается с самыми заманчивыми перспективами.

Однако условия их жизни в городе автор не без основания сравнивает с крепостническими, так как, попадая в услужение к тому или иному частному лицу в качестве «хаус-боя», сторожа или садовника, они практически полностью от него зависят. В подавляющем большинстве эти бывшие деревенские парни неграмотны и, получая место домашней прислуги, конечно, не заключают никаких договоров, а их «хозяин» не берет на себя никаких обязательств. Фактически в любой момент их могут выбросить на улицу, тем более что в городе нет недостатка в неквалифицированной рабочей силе.

Как уже отмечалось, ТАНУ — это партия крестьян и рабочих. Крестьянская ли она в основном и ставит ли на первый план интересы крестьянства даже в ущерб рабочему классу, как это иногда можно услышать?

В Танзании действительно сейчас много говорят и пишут о крестьянстве, о том, что при сохранении остатков патриархально-общинных отношений не может быть и речи о строительстве социализма. Поэтому большое внимание уделяется кооперированию. Партия ТАНУ поставила перед собой задачу поднять жизненный уровень танзанийского народа. В своей массе танзанийцы остаются пока крестьянами. Рабочие в большинстве случаев еще не порвали кровных связей с деревней. Зачастую, кроме работы по найму, они вместе с семьей все еще продолжают копать на своем небольшом участке возле дома, прямо в черте города. В отличие от крестьян они вынуждены одновременно работать и на производстве, и у себя на участке. Но значит ли это, что крестьянин имеет в Танзании какие-то преимущества перед рабочим?

Какие бы случайные цитаты и высказывания ни подбирались в поддержку этого мнения, оно в корне неверно. В той же Арушской декларации, между прочим, сказано, что ТАНУ представляет собой партию трудящихся. И действительно, мероприятия правительства Танзании проводятся в интересах всех: рабочих, крестьян, интеллигенции.

Какая-то довольно значительная часть крестьянства стремится уйти в города. Могло ли это случиться, если бы деревня имела преимущества перед городом? Скорее наоборот.

С отменой всяких форм эксплуатации ТАНУ стремится создать равные социально-политические условия для рабочего и крестьянина. Проводятся мероприятия по поднятию жизненного уровня танзанийского рабочего. С 31 июля 1972 г. специальным декретом правительства минимальная зарплата городского рабочего установлена в 240 шиллингов. За период после независимости она увеличилась почти в пять раз!

По тому же декрету минимум зарплаты сельскохозяйственных рабочих составил всего 140 шиллингов в месяц, а молодежи в возрасте 15—18 лет — 106 шиллингов. Могут возразить, что условия жизни в сельской местности определяются не только зарплатой. Но выше мы отмечали, что и городской рабочий, как правило, имеет свое небольшое подсобное хозяйство. У некоторых семьи или хотя бы дети живут у родственников в деревне. Раз-

ница в условиях жизни между городским и сельскохозяйственным рабочим резко проявилась сразу же после принятия нового декрета о минимуме заработной платы. В начале августа 1972 г. 1200 рабочих плантаций в районе Моши потребовали, чтобы их приравнивали по зарплате к городским рабочим.

Возвращаясь к крестьянину-единоличнику, работающему в условиях натурального хозяйства, мы не можем сравнить его быт даже с условиями жизни сельскохозяйственного рабочего. В хижине такого крестьянина порой не бывает и шиллинга.

Поэтому город притягивает молодежь и не только деньгами, но и электричеством, и «духовным светом», и смутными, часто не сбывающимися надеждами. Причем, как показывает опыт организации специальных поселков для безработных в сельской местности, бывшие крестьяне в своих иллюзиях настолько упорны, что, даже дойдя до отчаянного положения, не имея средств к существованию, они все же не хотят покидать город. «Этого не случилось бы, будь в сельской местности достаточно развито товарное хозяйство», — замечает Г. Магоме, делая вывод о том, что только развитие денежных отношений сможет удержать крестьян в деревне.

Соль земли

Часто можно услышать такое мнение: Африка — «континент деревень». Это безусловно верно в том смысле, что подавляющее большинство африканцев живет в сельской местности. Верно еще и потому, что экономика Африки основывается главным образом на производстве сельскохозяйственных продуктов.

И то и другое может быть с полным основанием отнесено к Танзании. Однако ее нельзя назвать страной деревень. Было бы правильнее сказать, что Танзания только стремится к созданию деревень или поселков, которые объединили бы мелкие, разрозненные полунатуральные или натуральные крестьянские хозяйства на новой основе — на общественной собственности.

Нужно оговориться, что речь дальше пойдет о крестьянском единоличном хозяйстве, а не о крупных плантациях по выращиванию товарных экспортных куль-

тур. Эти плантации некогда принадлежали колонизаторам, а теперь передаются в собственность государственным корпорациям. На плантациях заняты сельскохозяйственные рабочие, которые получают ежемесячную зарплату. Такие хозяйства скорее похожи на поселки совхозного типа, нежели на привычную африканскую деревню.

Своеобразие обстановки в Танзании заключается в том, что в отдельных ее районах, не охваченных товарным производством, как в Додоме, преобладают небольшие хуторские хозяйства, где все виды работ осуществляются силами одной семьи. Таких хуторян можно было бы назвать единоличниками поневоле.

Интересно отметить, что и в плодородных районах страны танзанийская деревня, по существу, представляет собой конгломерат хуторов. В округе Мванза, например, в районах, прилегающих к озеру Виктория, крестьяне племени сукума живут деревнями. У крестьян сукума нет общинных земель, каждый работает на своем участке, и обобществить эти хозяйства труднее, чем отдельные разбросанные хутора. В округе Мванза выращивают высококачественный длиноволокнистый хлопок, который еще в колониальные времена перевел сомкнувшиеся хутора сукума в сферу товарного хозяйства.

Такое же явление наблюдается у племени букоба, на границе с Угандой, где крестьяне издавна выращивают кофе.

Совершенно иначе выглядят хуторские хозяйства в центральных районах Танзании. Здесь на возвышенном плато ощущается постоянный недостаток воды, нередко засухи и суховеи. Поэтому даже на небольших участках без искусственного обводнения и применения современных агротехнических средств земля дает скудный урожай, которого едва хватает на пропитание семьи и минимального количества скота.

В горной местности, в частности в районах, прилегающих к Морогоро, расчистка лесистых склонов и обработка земли тоже встречала большие трудности.

Танзанийские крестьяне-единоличники, эти в буквальном смысле горемыки с их скудным полунатуральным хозяйством, являются как бы носителями особого, патриархального индивидуализма, который резко отли-

чается от другого вида индивидуализма, распространенного в Танзании,— кулацкого, возникшего в колониальные времена на задворках крупных плантаций по выращиванию экспортных культур.

Это явление достаточно наглядно описано танзанийским журналистом Дж. Улимвенгу в статье «Высокая производительность — в упорном труде и расширенной кооперации».

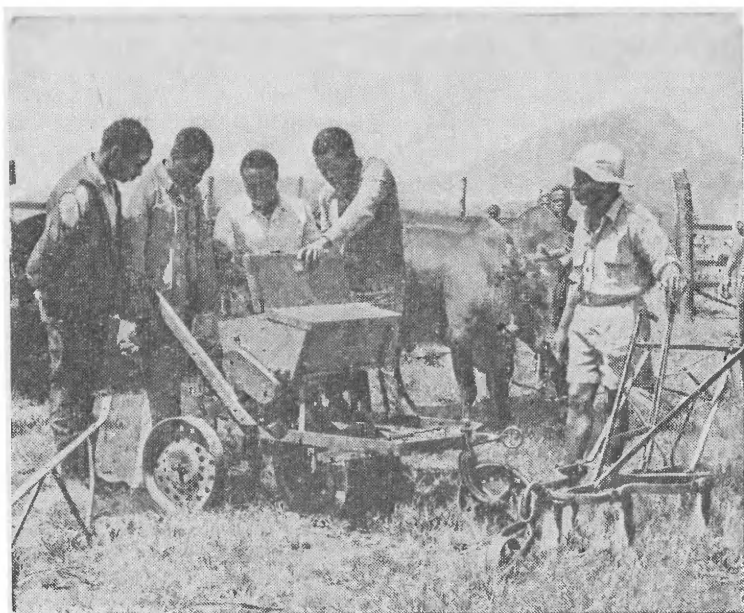
В качестве примера автор взял одну из провинций страны — Ирингу, где, как и в районах вокруг горы Килиманджаро, в колониальные времена капиталистические отношения получили наиболее сильное развитие. Кстати, как раз в этой провинции был убит региональный комиссар У. Клерру, активно выступавший за кооперирование местных крестьян на принципах «уджамаа».

«Округ Иринга,— пишет Дж. Улимвенгу,— состоит из трех районов: Нджомбе, Муфинди и собственно Иринги. Эти три района представляют лучшую часть того, что некогда (до независимости.— В. С.) было известно как „провинция Южного нагорья“. Эта местность, отличающаяся прохладным климатом, оказалась неоценимой находкой для белого человека, которому хотелось бы видеть Танганьiku местом своих поселений.

Эти районы, видимо, можно сравнить с тем, что раньше называлось „Белым нагорьем“ в Кении, занятым под фермы невероятных размеров... Для белых поселенцев (а позднее — азиатов) ведение столь огромного фермерского хозяйства стало возможным потому, что у них были необходимые капиталы для использования самой современной техники.

У них было и достаточно наглости, чтобы „выжимать“ дешевую рабочую силу из отсталых и забытых местных жителей. Больше того, они пользовались самой широкой поддержкой со стороны колониальных властей, для которых эксплуатация африканцев была делом естественным и которые прибыли в Танганьiku совсем не для того, чтобы заботиться о развитии коренного населения.

Присутствие белого человека в этом районе стало привычным. Одно время даже считалось, что черному человеку не под силу сравниться с ним в ведении сельского хозяйства и управлении фермами в широком масштабе.

На смену мотыге пришел плуг, на смену плугу придет трактор

Но время шло вперед, и в особенности после провозглашения Ухуру (независимости.— В. С.) некоторые африканцы поднялись на ноги и сами влезли в одежду белого человека.

Стало это возможным для отдельных индивидуумов по различным причинам. Прежде всего речь идет о тех африканцах, которые, так сказать, питались объедками со стола колониальных хозяев. Эти африканские „пай-мальчики“ могли рассчитывать на определенные подачки, такие как займы или некоторое техническое оборудование. Они обманным путем стали жить за счет труда других африканцев».

Таков взгляд танзанийца на зарождение капиталистических отношений внутри африканской общины в наиболее плодородных районах страны. В Танзании никогда не ощущалось недостатка в земле, а после независимости земля стала национальным достоянием. Какие-либо феодальные отношения, основывающиеся на

частном землевладении, на обработке «барщины», выплате оброка, не являются для нее характерными.

Лозунг «уджамаа» возник еще до 1967 г.—года принятия Арушской декларации. В сентябре того же года вышел подготовленный президентом страны Джулиусом Ньерере отдельный документ «Социализм и развитие деревни», в котором давалось теоретическое обоснование необходимости построения по всей стране новых коллективных деревень «уджамаа».

При переходе к политике кооперирования на принципах «уджамаа» правительство Танзании в основном сталкивается с двумя различными по своей сущности проявлениями индивидуализма: патриархальным, с одной стороны, и сельскобуржуазным, кулацким — с другой. Отсюда вытекают две основные задачи, от правильного решения которых зависит успех проведения политики «уджамаа»: борьба против отсталых общественных отношений и борьба против эксплуатации в крестьянской общине.

«Первый порок, с которым жизнь в „уджамаа“ заставляет расстаться,— это индивидуализм, понуждающий человека прежде думать о себе, а потом уже о других»,— отмечала газета «Дейли ньюс».

Характер работы в различных деревнях «уджамаа» отличается в зависимости от местных условий, степени кооперирования, налаженного учета и контроля и т. д. Так, например, в деревне «уджамаа» Кипенгере выходят на работу в восемь часов утра, и рабочий день на коллективных участках заканчивается в 12 часов 30 минут дня. Остальное время крестьяне занимаются личным хозяйством. В другой деревне—Ихангана—продолжительность рабочего дня с шести утра до двух часов дня.

В деревнях «уджамаа» создаются свои местные комитеты, которые на общих сходах обсуждают планы предстоящих работ, а затем дают задания каждому крестьянину в отдельности. Время на выполнение того или иного задания также устанавливается конкретно: от одного дня до недели в зависимости от характера работы.

Как-то в июле 1971 г. министерство информации и радиовещания Танзании сообщило о том, что президент Джулиус Ньерере собирается провести пресс-конферен-

цию для местных и иностранных журналистов в Чамвино, одной из строящихся коллективных деревень «уджамаа», район Додомы, в пятистах километрах от Дар-эс-Салама. В то время я находился в стране всего несколько месяцев и не успел еще ничего увидеть, кроме столицы. Мысль поехать в Додому на машине показалась мне заманчивой. Итак решено — я еду.

Первые двести километров сравнительно гладкой асфальтовой дороги до Морогоро промелькнули почти незаметно. Дальше пошел тяжелый проселок. А впереди еще целых триста километров такой же дороги. Не вернуться ли в Морогоро, не пересечь ли на поезд? Ведь, сидя за рулем, некогда смотреть по сторонам, все внимание — на дорогу, где выбоины и ухабы переходят местами в коварную песчаную зыбь, которая потом снова сменяется ухабами или крупной щебенкой. Но Дар-эс-Салам уже далеко позади, все больше удаляешься от зеленого гористого Морогоро, и в толове, как счетчик спидометра, однообразно и навязчиво вертится нелепый каламбур: «Чем дальше от дома, тем ближе Додома...» По дороге то и дело попадаются небольшие крестьянские поселения, лишний раз подчеркивающие, что Танзания — аграрная страна.

В июле — августе в Додоме «зима», вернее сухой, относительно прохладный период года.

В это время район Додомы, расположенный на возвышенном плато в центральной части Танзании, представляет собой довольно однообразную картину: на десятки километров тянется далеко к горизонту, где сиенеют отроги горных хребтов, полустепь с бурым, выгоревшим на солнце кустарником и высокой пожелтевшей травой. Даже попадающиеся кое-где толстые стволы баобабов не оживляют пейзажа. Зимой эти деревья сбрасывают листву, оголяя мощные узловатые, будто специально искореженные ветви, похожие скорее на корни. Невольно думаешь, что кто-то вырвал эти баобабы из земли и воткнул их обратно корнями вверх, чтобы они засохли. Это впечатление дополняется еще и тем, что ветер разносит в воздухе сухую мелкую пыль, словно стряхивая землю с вывороченных корней баобабов. Трудно поверить, что с приходом дождей все это снова оживится, зацветет, покроется пышными зелеными кронами.

На строительстве нового дома в сельскохозяйственном кооперативе.
Стройка осуществляется силами крестьян

Картина додомской зимы запомнилась еще одной деталью, на которую нельзя было не обратить внимания. По сторонам проселка то и дело мелькали хижинки со сбитыми крышами, обвалившимися глиняными стенами, кое-где разрушенными до самого основания. Кругом безлюдная пустота, тишь, ветер нехотя разбрасывает мусор. Такое впечатление, словно в этих местах недавно прошел большой силы ураган. Однако объясняется все довольно просто: крестьяне района Додомы покинули свои хуторские хозяйства, чтобы объединиться в новые деревни «уджамаа».

Додомы считается одним из беднейших районов Танзании. Здесь часто бывают засухи. Население — в основном племя ваго, которое по переписи 1967 г. составляло 705 тыс. человек, большей частью занято скотоводством. Пастбища покрыты зеленой травой только в течение полугода, начиная с сентября, остальные полго-

да — засушливый сезон. Основными сельскохозяйственными культурами являются кукуруза, просо, сорго. Но все это производится почти исключительно для внутреннего потребления. Однако африканская семья может иметь здесь до 50 голов крупного рогатого скота, и в то же время уровень ее жизни будет ниже, чем другой крестьянской семьи, занятой выращиванием зерновых. Скотоводы вагого ведут полукочевой образ жизни.

Сложность создания деревень «уджамаа» в Додоме состоит в том, что крестьяне здесь живут отдельными хуторами и переселение их в деревню сопровождается необходимостью строительства новых жилых домов, школ, пунктов медицинского обслуживания, клубов и т. д. Крестьянина с его традиционно-консервативными воззрениями не так уж легко сдвинуть с места. Поэтому строительство в деревнях «уджамаа» различных общественно-бытовых учреждений имеет особо важное притягательное значение.

Другой проблемой является недостаток воды. Подъезжая к деревне Чамвино, в строительстве которой принимал участие сам президент, я обратил внимание на несколько буровых установок. Мне объяснили, что это ищут источники воды. Недостаток воды в районе Додомы является серьезным препятствием на пути создания здесь крупных коллективных хозяйств.

«Операция Додома» не сводится только к тому, чтобы расселить племя вагого в коллективных деревнях «уджамаа». Основная задача заключается в том, чтобы обучить их более передовым методам ведения сельского хозяйства. Государство поставило сорок тракторов для машинно-тракторных станций, которые будут обслуживать район, более четырехсот плугов и т. д. Кооперативный союз центрального района Танзании выделил 150 тысяч шиллингов на покупку удобрений для вновь создаваемых деревень «уджамаа». Предполагается, что, кроме скотоводства и выращивания зерновых культур, в районе получат развитие плодо-овощные хозяйства.

В окрестностях города Додомы в местечке Бихавана имеется небольшой католический монастырь, построенный итальянскими миссионерами еще в тридцатых годах. Итальянцы привезли с собой виноград, который прижился здесь и дает неплохой урожай, идущий на производство сухого красного вина. В Додоме построен ви-

покуранный завод. Планируется выращивание винограда и в деревнях «уджамаа».

За последнее время создание таких деревень приняло массовые масштабы по всей Танзании. Так, в июле 1971 г. их было создано 2700 и они объединяли примерно 850 тысяч крестьян. В июле 1972 г. их насчитывалось уже более четырех с половиной тысяч с населением, превышающим полтора миллиона человек, то есть за год количество крестьян, охваченных кооперированием, почти удвоилось.

В округе Иринга создано 651 хозяйство «уджамаа». Они объединяют свыше 66 тысяч крестьян. В стране проходит вторая фаза «Операции Додома». В начале 1974 г. в этом районе уже более половины крестьянских хозяйств было обобществлено. В июле 1972 г. началась «Операция Кигома», в результате которой планируется объединить свыше шести тысяч семей в 23 новых кооперативных хозяйства. В округе Кигома, расположенном в самой западной части страны на берегу озера Танганьика, насчитывается уже более 130 деревень «уджамаа». Мероприятия по кооперированию крестьянства получают все более широкое развитие и в южных районах страны — Мбейе, Рувуме, Мтваре.

При канцелярии премьер-министра Танзании Р. Кававы создан специальный направляющий и координирующий центр — отдел сельского развития, в задачи которого входит решение наиболее важных вопросов, связанных со строительством кооперативов. Выступая на сессии танзанийского парламента, премьер-министр Р. Кавава запросил выделить 189 миллионов шиллингов только на 1972/73 финансовый год для нужд расширения кооперирования на принципах «уджамаа».

Как заявил Р. Кавава, основной задачей отдела сельского развития является создание многоотраслевых кооперативных обществ. Среди главных направлений работы отдела премьер-министр отметил необходимость развития скотоводства, организацию рыболовецких артелей в деревнях «уджамаа», проведение исследовательской работы непосредственно на местах и определение возможностей создания небольших предприятий по обработке сырья в сельской местности.

Большое внимание проведению организаторской и политической работы в деревнях «уджамаа» уделяется

партией ТАНУ и Молодежной лигой ТАНУ, при центральных комитетах которых также созданы специальные отделы сельского развития.

Значительную помощь в строительстве деревень «уджамаа» оказывает кооперативный союз Танганьики, выделивший, в частности, свыше пяти с половиной миллионов шиллингов на эти цели. В стране создаются специальные курсы подготовки сельскохозяйственных кооператоров, которые окончили уже десятки тысяч человек. Эти курсы, как правило, создаются на базе образцовых сельскохозяйственных ферм, где крестьяне не только слушают определенный цикл лекций и бесед, но и могут наглядно убедиться в преимуществах современного ведения сельского хозяйства. Такие курсы, например, расположены в местечке Танго на территории бывшей европейской фермы размером в 500 акров. Учебный центр Танго был создан в 1969 г., и у него уже свыше 400 выпускников. Крестьяне получают здесь навыки не только по выращиванию различных культур, но и по животноводству.

Насколько велико практическое значение курсов, видно хотя бы из следующего примера, взятого из бюллетеня танзанийской информационной службы: «Крестьянин среднего возраста из местечка Глави, что неподалеку от Мбулу, окончившего одним из первых курсы, спросили, насколько полученные им навыки удалось применить на практике. Он ответил, что после удобрения земли, правильного распределения посевов и своевременной уборки урожай кукурузы почти удвоился.

Получив небывало большой урожай, он разделил его на две части, одну из которых оставил на пропитание до следующего урожая, а другую продал через кооперативное общество. На полученные деньги он купил одежду семье, а часть денег впервые в жизни отложил на строительство жилого дома в соответствии с призывом районных партийных деятелей к жителям Мбулу покинуть их традиционные подземные жилища».

В программу курсов входят не только вопросы кооперирования и современного ведения сельского хозяйства, но и немалая роль отводится идеологической и политической подготовке.

«Социалистическое ведение сельского хозяйства требует, чтобы народ отошел от старой привычки ведения

На скотоводческой ферме в одной из деревень «уджамаа»

хозяйства на маленьких индивидуальных участках и вместо этого создал коллектив, объединил усилия, мастерство и ресурсы в общем стремлении к увеличению производства и повышению жизненного уровня каждого из участников этого дела», — писал Дж. Улимвенгу в статье «При правильной организации — равная оплата за равный труд».

В этом процессе важную роль играет преодоление определенных тенденций крестьянства к консерватизму, а также некоторых устоявшихся еще в колониальные времена «мнений», традиционных, так сказать, взглядов на возможности африканского крестьянина. «Некоторые люди до сих пор еще считают, что крестьянин не может справиться с культивированием пшеницы, чая или табака», — замечает Дж. Улимвенгу.

Однако факты, взятые из практики строительства деревень «уджамаа», показывают, что местные крестьяне успешно справляются с выращиванием таких культур, из года в год расширяют занятые под ними площади, одновременно увеличивая получаемые доходы.

Так, например, в конце 1968 г. в местечке Луанзали, в 120 километрах от города Нджомбе, была создана одна из первых в стране деревень «уджамаа». Девяносто девять крестьян, которые объединились в этом хозяйстве, поначалу не могли рассчитывать на какую-то постороннюю помощь. Местность вокруг Луанзали холмистая, трудная для земледелия. В первый год существования «уджамаа» луанзальцы засеяли 30 акров пшеницей, 56 акров кукурузой и разбили небольшую чайную плантацию, всего на семи акрах. Часть урожая пшеницы и кукурузы пошло на внутреннее потребление и семена. Первый доход кооператива от продажи урожая исчислялся суммой 1279 шиллингов. Однако это был шаг вперед на пути налаживания своего товарного хозяйства. В 1971 г. крестьяне Луанзали уже смогли расширить чайную плантацию до 42 акров.

Другая деревня этого района — Вангама — была образована в конце 1969 г. и объединила 48 человек. Поначалу шли в кооператив, видимо, не очень охотно. Крестьяне опоздали с посевами и с семи акров кукурузы собрали всего семь мешков зерна. Этого не хватило бы даже на пропитание, если бы крестьяне к тому времени окончательно забросили свои «машамба» — приусадебные участки. Постепенно дела в Вангаме стали выправляться. В 1972 г. коллективные посевы составили уже 294 акра пшеницы, 118 акров кукурузы и 10 акров пиретрума. Теперь Вангама слывет в районе одной из зажиточных деревень и служит хорошим примером для тех, кто еще относится с недоверием к кооперации.

Доходы, полученные от сбыта сельскохозяйственной продукции, позволили крестьянам Вангамы построить 22 новых добротных и светлых дома, здание правления, клуб и даже свою собственную аптеку. Согласно решению правления кооператива, на очереди строительство капитальных складских помещений, на что уже выделено 10 тысяч шиллингов.

Большой интерес представляет Игоси — еще одна деревня «уджамаа» того же района Нджомбе. На доходы

от продажи зерна жители Игоси купили свою мукомольную машину, трактор, и — что самое интересное — на свои трудодни они получают не только продукты, но и деньги. Так, в 1970 г. между членами кооператива было распределено более шести тысяч шиллингов, а в следующем году эта сумма возросла до 26 тысяч.

Иногда можно услышать мнение, что «уджамаа» якобы строится на принципах уравниловки. Так ли это?

Трудодни в Игоси понимаются в буквальном смысле этого слова. Правление кооператива наладило строгий почасовой учет всех работ, и каждый крестьянин получает оплату в зависимости от затраченного им труда. В 1971 г. наибольшая выплата крестьянину за трудодни в Игоси составляла, например, 379,5 шиллинга и 350 килограммов зерна, в то время как наименьшая — всего четыре с половиной шиллинга и шесть килограммов зерна. Таким образом, в передовых хозяйствах «уджамаа» нет никакой уравниловки. Крестьяне чувствуют материальную заинтересованность в своей кооперативной работе. Каждому воздается по труду.

Кооперативное хозяйство в Игоси вступает уже в качественно новую, переходную стадию, когда его члены из традиционных «мотыжных» крестьян постепенно превращаются в сельскохозяйственных рабочих.

Это новое и весьма примечательное явление в танзанийской деревне. Оно принципиально отличается от развития товарно-денежных отношений в сельской местности при капитализме, усиливающего социальное расслоение крестьянства, рост классового антагонизма, гнет и нищету трудящихся масс. Танзанийский путь развития товарно-денежных отношений в деревне базируется на принципах социального равенства, кооперирования, отмены всех форм эксплуатации, и, наконец, на основе справедливой оплаты.

Пример Игоси не единичен. В районе Кигома, в восемнадцати километрах от города Касулу, находится деревня «уджамаа» Рухита. Она создана в 1970 г. и поначалу объединяла 80 крестьян. «Нас никто не принуждал к объединению, — замечает председатель правления кооператива Симон, — мы сами стремились к этому». Первые шаги коллективного хозяйства были нелегкими, пятнадцать крестьян покинули Рухиту. Однако уже в марте 1971 г. хороший урожай позволил выпла-

Техника входит в быт
танзанийской деревни

тить крестьянам на трудодни от 75 до 98 шиллингов каждому. В декабре 1971 г. крестьяне Рухиты собрали второй урожай, и максимальная выдача на трудодни составила уже свыше 385 шиллингов. Часть фондов кооператива пошла на строительство аптеки и сельской школы. Правление Рухиты уделяет большое внимание сооружению новых жилых домов для крестьянских семей.

Поэтому не удивительно, что крестьяне тянутся в это передовое хозяйство, и в середине 1972 г. Рухита объединила уже свыше 300 крестьянских семей. В хозяйстве применяются тракторы, строится небольшой мукомольный завод. Работа в Рухите основывается на тех же принципах, что и в Игоси.

При дальнейшем массовом развитии принципы «уджамаа» могут способствовать подъему жизненного уровня крестьян Танзании. Разумеется, в настоящее время все это еще весьма отдаленная перспектива, ведь пока еще даже разница между крестьянином-кооператором и наиболее низко оплачиваемым сельскохозяйственным рабочим где-нибудь на крупной товарной плантации довольно велика.

Важное значение имеет не только создание деревень «уджамаа», но и их дальнейшее становление. Партия ТАНУ призвана сыграть решающую роль в борьбе с различными пережитками прошлого на селе, с отсталостью, низкой производительностью труда, отдельными проявлениями трибализма, узкой клановости и целым рядом других факторов.

В этих целях все шире разворачивается пропаганда передового опыта лучших хозяйств «уджамаа». В некоторых из них уже имеются значительные достижения. Появились даже первые хозяйства-миллионеры. Так, например, в деревне «уджамаа» Кабуку, район Хандени, за период с апреля 1973 г. по февраль 1974 г. доход от продажи сизаля составил 2 763 173 шиллинга!

Вместе с тем на пути успешного претворения в жизнь сельскохозяйственной политики ТАНУ имеются еще многочисленные трудности и проблемы. В статье «Лидеры должны находиться в деревнях „уджамаа“» газета «Дейли ньюс» указывает на ряд искажений на местах политики кооперирования крестьянства. Так, в отдельных случаях объединение крестьян проводится по существу формально. Некоторые члены «уджамаа» продолжают сохранять за собой большие участки земли в личном пользовании и основное внимание уделяют обработке именно этих участков, стараясь всячески уйти от работы на коллективных землях. «По-видимому, владение небольшим участком, скажем, меньше трех акров, для выращивания овощей и т. п. для личного потребления не представляет опасности, если основной интерес

крестьянина-кооператора заключается в работе на общественной ферме, — пишет газета. — Но владеть целыми 20-ю акрами личных наделов в коллективной деревне является явным отходом от политики уджамаанизации.

В деревне „уджамаа“ Гаиро, район Морогоро, например, общественные земли составляют всего 618 акров, в то время как частные наделы — до трех тысяч акров».

Газета справедливо отмечает, что владельцам столь обширных частных владений, естественно, остается «мало времени» для работы на общественных землях. Больше того, такое положение создает условия для эксплуатации одних членов коллектива другими, что в корне противоречит политике «уджамаа». Как указывает газета, «каждый день некоторые крестьяне-кооператоры в отдельных отсталых деревнях „уджамаа“ работают на частных фермах за деньги, потом на общественных землях и, наконец, на своем личном участке».

Этот пример показывает, что основным врагом политики «уджамаа» танзанийского крестьянства является местное кулачество. Оно возникло еще в колониальные времена на задворках крупных европейских ферм по выращиванию экспортных культур. В те времена это явление в известной мере поощрялось в целях классового расслоения крестьянства, создания в его среде антагонистических отношений, в целях создания опоры для дальнейшего развития капиталистического способа производства в танзанийской деревне. Сейчас эти зачатки капиталистического развития дают себя знать и в отдельных районах довольно сильны. Однако их возможности не следует преувеличивать. Как показывает тот же пример, местное кулачество старается идти по пути приспособленчества и до поры до времени не отваживается на открытую борьбу против кооперации (за исключением отдельных случаев), пытаясь как-то завуалировать свое истинное нутро, занять пока выжидательную позицию. Этот скрытый, внутренний враг может оказаться гораздо более опасным для политики «уджамаа», чем крупное бывшее колониальное плантационное хозяйство, которое национализируется поэтапно и передается в ведение государственных корпораций. В частности, среди «последних из могикан» в конце 1973 г. было национализировано 50 европейских ферм.

Этот шаг вызвал массовое одобрение в стране. Разве что бывший министр иностранных дел Англии Дуглас Хьюм во время посещения Танзании в феврале 1974 г. на пресс-конференции в основном говорил о компенсации утраченной «собственности».

В целях борьбы с извращениями политики ТАНУ газета «Дейли ньюс» призывает партийных руководителей развернуть массовую пропаганду идей «уджамаа» в деревне, воздействовать на трудовое крестьянство личным примером, наладить активную партийно-просветительскую работу на селе.

В упомянутой выше статье отмечается: «Многие деревни „уджамаа“ в основном полагаются на перспективы получения помощи „извне“, а не на поднятие производительности за счет собственного пота. Если бы эта помощь прекратилась или хотя бы была сокращена, то многие из них, по-видимому, исчезли бы с географической карты». По мнению газеты, в настоящее время строительство и укрепление деревень «уджамаа» представляет собой серьезную проблему. Начальный этап объединения крестьянства в хозяйства нового типа безусловно требует довольно значительных капиталовложений. В условиях, когда речь идет о кооперировании в прошлом отсталых, натуральных или полунатуральных общин, стоявших вне сферы товарно-денежных отношений, эти капиталовложения могут поступать главным образом «извне», то есть в данном случае — от государства. Не трудно представить себе, о каких огромных дотациях деревне должна идти речь, когда политика кооперирования осуществляется в масштабах всего государства. Правительство Танзании выделяет сотни миллионов шиллингов на создание деревень «уджамаа». Однако эта помощь крестьянству предоставляется и может быть предоставлена только в расчете на то, что в ближайшем будущем новые хозяйства станут, по крайней мере, самокупаемыми и начнут давать определенный доход в общегосударственную казну. Ведь сама идея «уджамаанизации» как раз и состоит в том, чтобы на принципах равенства и отмены эксплуатации преобразовать натуральное хозяйство в товарно-денежное, включить огромную разрозненную массу крестьян-единоличников в развитие национальной экономики. Если этого не случится, то практически все те капиталовложе-

ния, которые идут сейчас на создание деревень «уджамаа», будут потрачены впустую.

«Дейли ньюс» называет очень тревожным чрезмерное, в ряде случаев, увлечение в «уджамаа» сельскохозяйственной техникой (тракторы, комбайны) без реального учета возможностей ее использования. Этот вопрос также имеет прямое отношение к затратам государственных средств. Дело не в том, что преимущества техники вообще отрицаются. Просто на данном этапе Танзания не может позволить себе такую «роскошь» в достаточно широких масштабах. Есть и другая причина: весьма низкий уровень развития производительных сил в деревне.

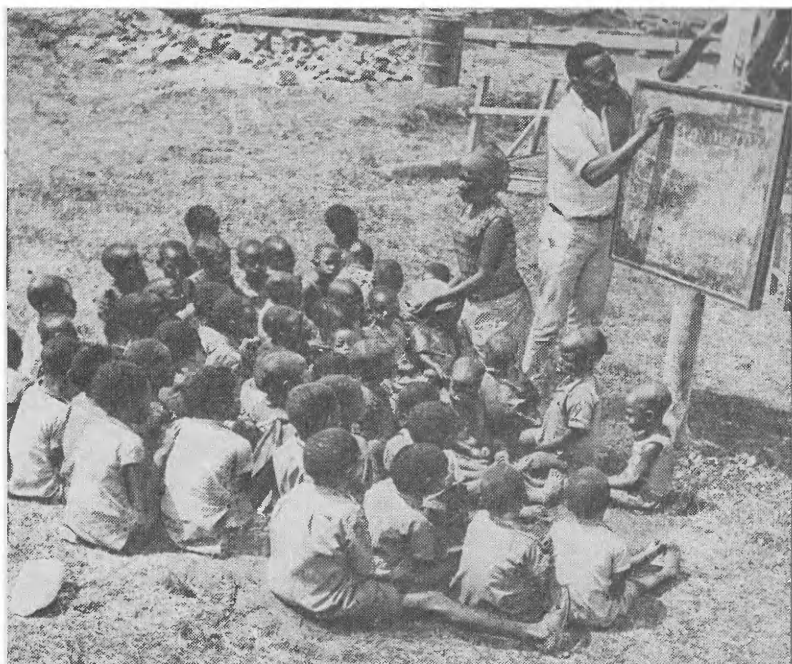
Партия ТАНУ подчеркивает, что использование техники дает соответствующую отдачу лишь в крупных хозяйствах, с хорошей организацией и высоким уровнем дисциплины: в хозяйствах, которые располагают базой для ремонта и квалифицированного обслуживания сельхозтехники. Пока такие условия имеются далеко не во всех районах страны.

Серьезным недостатком вновь создаваемых коллективных хозяйств является и то, что крестьяне иногда понимают «уджамаа» слишком буквально, в первоначальном смысле этого слова: просто как семейную общность, единство рода.

«Хотя такая общность происхождения способствует большому взаимопониманию и коллективной работе,— подчеркивает „Дейли ньюс“,— она имеет и свои недостатки, выражающиеся прежде всего в обособленности и отсутствии общенационального духа. В одной новой деревне „уджамаа“ с населением в 474 человека было отмечено, что все ее жители, кроме одного (которому был дан трехмесячный испытательный срок), происходят из одного племени.

В другой части страны последователи одной религиозной секты образовали свою деревню „уджамаа“ с явными дискриминационными тенденциями против приверженцев других вероисповеданий, которые хотели присоединиться к деревне».

В качестве распространения положительного опыта в деревнях «уджамаа», уже практикуемого в ряде кооперативов, газета предлагает следующее определение члена нового коллективного хозяйства: он должен быть

В этой деревне «уджамаа» еще нет здания школы, но уроки уже идут

гражданином Танзании, старше 18 лет, должен быть предан политике партии, направленной на перспективное построение социалистического общества.

В практике «уджамаанизации» партия ТАНУ отводит большое место созданию и повсеместному развитию товарного хозяйства в деревне, поднятию продуктивности мясо-молочных и птицеводческих ферм, а также организации на селе небольших предприятий по первичной переработке сырья.

Министр экономики и планирования развития Танзании У. Чагула подчеркнул, что в следующем, третьем пятилетнем плане, к выполнению которого страна приступает в 1976 году, основной упор будет сделан на создание условий для первичной обработки идущего на экспорт сырья. Министр отметил, что в настоящее вре-

мя текстильные фабрики страны обрабатывают лишь 15% производимого хлопка. Имеются также неиспользованные возможности для переработки сизаля и орехов кэшью. «Это увеличит стоимость наших товаров и принесет в страну гораздо больше иностранной валюты, чем мы имеем сейчас», — заявил У. Чагула.

В развитии товарно-денежных отношений в деревне на принципиально новой основе заключается не только характерная особенность, но и глубокий смысл «уджамаа». Может быть, именно таким путем со временем произойдет в Танзании стирание граней между городом и деревней, различий между трудом рабочего и крестьянина.

Коренное изменение социальной структуры танзанийского крестьянства — перспектива далекого будущего. В настоящее время речь идет о том, чтобы перевести мелкое полунатуральное хуторское хозяйство на путь товарного. Мероприятия по кооперированию крестьянства проходят в основном в зонах распространения хуторских хозяйств. Их условно можно было бы назвать первым этапом осуществления принципов «уджамаа». Затем должен последовать второй, более сложный и острый этап борьбы с кулацкими хозяйствами. Именно в этой борьбе политика «уджамаа» и может определиться полностью.

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

Я стою на песке. У ног бочком, суетливо пробегают крабы. Инстинктивно почуяв опасность, они мгновенно зарываются в песок, оставляя за собой причудливые следы-иероглифы. Океанский прибой не дает внимательно всмотреться в эти каракули, слизывает их непрочитанными. Вокруг новая обстановка: незнакомый город, который еще предстоит увидеть, почувствовать, может быть, полюбить — ведь с ним будет связан какой-то период твоей жизни. А пока он еще чужой, словно сторонится тебя, прячет за своими стенами настоящие ребусы: мечты, волнения, судьбы своих обитателей.

Песок мелкий и чистый, словно столовая соль. Он, видимо, и на самом деле соленый. Легкий бриз лениво перебирает листву кокосовых пальм. Высоко, у самых крон, раскачиваются орехи, массивные, как булыжники. В тени под пальмами люди и машины. И все это празднично украшено солнцем и океаном. Если бы не отдельные штришки цивилизации — вроде машин, — все бы выглядело в духе времен сотворения мира: минимум одежды, змеи есть неподалеку, а вместо яблока плодом искушения может служить кокосовый орех.

Удивительно, что, кроме меня, на орехи никто не обращает внимания. Видимо, стоять под пальмой не так уж рискованно, на головы орехи падают нечасто, и только с непривычки поглядываешь на них с опаской. И что еще интересно: на пляже очень мало народу. Тем, кто знает наше Черноморское побережье, такое безлюдье может показаться просто противоестественным: на каждого здесь приходится по несколько соток, а то и по гектару пляжа. Природа вокруг роскошна, многоцветна и расточительна. Океан в пестрой бесконечности ярких солнечных огоньков, словно мираж отражающегося в воде празднично иллюминированного города.

Но вот он, реальный город, о котором я собираюсь писать. За зеленью угадываются очертания домов и кварталов, торчат многоэтажные «башни» с рекламами авиакомпаний. Охватывает любопытство и нетерпение: какой же он? Хочется поскорее узнать, сравнить с тем, что читал о нем, слышал из рассказов товарищей. А пока что по дороге из аэропорта за стеклом автомашины промелькнули две-три улицы, и вместе с первыми незнакомыми лицами, пляжем, кокосовыми орехами и океаном все это понемногу начинает оформляться в одно общее понятие: Дар-эс-Салам.

Два приветствия

«Карибу Танзания!» («Добро пожаловать в Танзанию!») — эти слова на суахили я слышал в Дар-эс-Саламе много раз, с первых же дней пребывания в столице одного из самых крупных и во многих отношениях интереснейших государств Африки.

— Карибу! — радушно улыбаясь, говорит директор информационной службы Танзании А. Райями.— Аккредитация? Какие там формальности! У нас с друзьями все очень просто. Вам, конечно, нужна пресс-карта. Сделаем прямо сейчас. У вас есть фотокарточка?.. Да, вот еще: скажите номер вашего паспорта — и все.

— Карибу! — ослепляет меня широкой белозубой улыбкой чиновник в иммиграционном департаменте, куда я пришел продлить срок въездной визы. Я даже не успел узнать его имя — так быстро все было оформлено. Гляжу в свой паспорт, где еще не высохли чернила прямоугольного штампа, читаю и не могу понять:

— Что значит «по пункту Е»? На какой срок продлена виза?

— Срок не указан потому, что виза бессрочная, — смеется чиновник. — Карибу!

* * *

— Так ты все-таки приехал с семьей! Я же тебе писал: приезжай один. Квартиру снять невозможно. Не веришь — убедишься сам. С гостиницей в первый же месяц вылетишь в трубу, зарплаты не хватит.

Примерно такими были первые русские слова, которые я услышал в аэропорту Дар-эс-Салама. Мой приятель, корреспондент ТАСС, был серьезно озабочен.

— Ну сейчас, конечно, поедем ко мне. Пообедаем, отдохнете с дороги, подумаем, как быть дальше...

Я не придавал тогда значения его словам: вокруг столько нового, и все захватывающе интересно. Рубашка пропитывается потом и теплой тропической сыростью. Буйная зелень и отрешенно безмятежная синь неба. В ушах еще стоит рев моторов, гудят ноги. Целых двенадцать часов в гостях у Аэрофлота — это не шутка! В буквальном смысле слова — путешествие за тридцать земель, за экватор, в южное полушарие.

Впечатления наслаиваются одно на другое. Нужно немножко прийти в себя. В памяти всплывают свежие картины. Каир: сухая вечерняя прохлада. Издалека смотришь на здание аэропорта. Видимо, оно не совсем отвечает современным требованиям: транзитный зал уже несколько лет перестраивается и пассажиров туда не пускают...

Ночь над Хартумом, большие весла вентиляторов расталкивают ленивый воздух. Горячая, душная ночь. Около 40 градусов жары, на зубах ощущаешь мелкие, висящие в воздухе песчинки из близкой пустыни, и официанты в своих белых халатах до пят, похожие не то на санитаров, не то на средневековые привидения, вежливо предлагают апельсиновый и лимонный напитки со льдом, которые сейчас кажутся самыми лучшими в мире.

Рассвет в космических красках, и некогда спать. Внизу появляются пышные деревья Уганды, гладкое бледнолицее озеро Виктория, островки, которых нет на географических картах, крошечные рыбацкие лодки. В аэропорту Энтеббе безмятежные кустики бугенвиллеи, красновато-лиловые цветочки, какой-то особый запах Восточной Африки. Раннее утро, тишь, только служащий аэропорта от нечего делать катается взад-вперед на ярко-желтом колесном тракторе, самозабвенно подпрыгивая на железном сиденье. Жаль, что рядом нет врача-невропатолога. Он бы, кажется, заинтересовался столь простым и оригинальным, хоть, может, и недостаточно научно проверенным методом укрепления нервной системы. Ей богу, стоит попробовать!

Следующая посадка в Найроби. Для меня это особенно интересно. Не отрываюсь от иллюминатора. После Уганды плоскогорья Кении кажутся очень сухими, и с особой отчетливостью понимаешь, что, когда говорят о плодородии этой страны, речь идет в основном о долине Рифт-Вэлли. Вот промелькнули холмы Нгонг, слева панорама Найроби. Пара башен новых отелей... Что же изменилось здесь за последнее время? Да, почти ничего. Разве что стало побольше африканцев в аэропорту да раньше сюда добирались самолетами иностранных авиакомпаний, а сейчас — Аэрофлота.

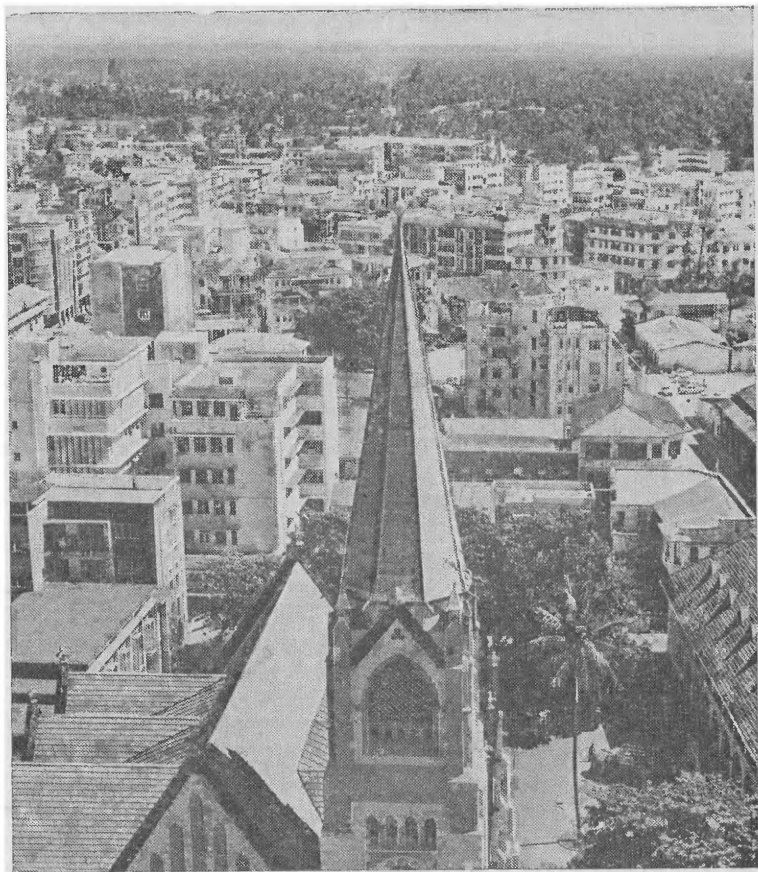
С высоты семи тысяч метров гляжу на великолепный снежный Килиманджаро. Вот он, весь как на ладони. Непередаваемое зрелище! У различных христианских религий и сект издавна существует обряд причащения — одно из так называемых великих таинств. Глядя на Килиманджаро, невольно думаешь о том, что этот обряд — инстинкт всего живущего, что он, возможно, гораздо древнее христианства, а может быть, — даже древнее, чем сам человек. Вспомните мертвого леопарда из рассказа Эрнеста Хемингуэя «Снега Килиманджаро». Я уверен, что леопард шел к вершине «причащаться».

В глазах еще рябит от искорок снега, а слева внизу уже начинается океан, голубой, Индийский, в светлой оправе прибрежного песка. В своем «Открытии Америки» Вл. Маяковский писал, что океан — дело воображения. Это так, если смотреть с борта парохода. Но с самолета океан действительно выглядит океаном. В какие-то минуты внизу проходят сотни километров. Кажется, что глобус поворачивается под тобой.

Появились первые танзанийские города и поселки. Сверху совсем такие же, как угандийские или кенийские. В чем же отличие сегодняшней Танзании от ее восточноафриканских соседей?

Парадоксы Дар-эс-Салама

Обычно знакомство с городом начинается с того, что сразу бросается в глаза. Сначала чего-то не понимаешь, чему-то удивляешься. Постепенно все становится на свои места.

Центр Дар-эс-Салама

— Что это? — спрашиваю.

— Банк.

— А это?

— Тоже банк.

— Два банка рядом, напротив, через улицу? Зачем? Может, это разные банки?

— Нет. И тот и другой — отделения Национального коммерческого банка Танзании. Раньше на одном из них висело название «Стандард бэнк», на другом — «Барклайз»

бэнк», оба принадлежали иностранному капиталу. Сейчас они национализированы. Конечно, сами здания остались на прежнем месте, и, как видите, их нет смысла передвигать: у обоих достаточно вкладчиков.

Заглядываю в солидное каменное нутро бывшего «Барклайз бэнк». У касс деловито и озабоченно толпятся люди.

На вопрос:

— А что еще национализировано в Танзании? — я получил ответ, который мне понравился своей лаконичностью и потому запомнился:

— Спросите лучше, что еще не национализировано в стране.

Постепенно привыкаешь к сокращениям: Эп-Ди-Си, Эс-Ти-Си, Эн-Би-Си, Эн-Эйч-Си — Национальная корпорация развития, Государственная торговая корпорация, Национальный коммерческий банк, Национальная корпорация домостроения и т. д. В руках этих организаций сосредоточены экономика, финансы, внешняя торговля Танзании. Новый курс страны — на перспективное построение социалистического общества, — провозглашенный правящей партией ТАНУ в 1967 г. и известный под названием «Арушская декларация», становится реальностью.

Национализация основных средств производства, кооперирование крестьянства, меры по искоренению эксплуатации, демократия и социальное равенство, развитие здравоохранения и народного просвещения, экономическая политика опоры на собственные силы и ресурсы — таковы основные вопросы, поставленные на повестку дня Арушской декларацией.

Претворение этой программы в жизнь связано с преодолением значительных трудностей экономического, политического, социального характера. Аграрная страна с зачатками мелкой обрабатывающей промышленности, с отсталой экономикой, с натуральным хозяйством и пережитками феодального и даже дофеодального общества, в прошлом страна практически массовой неграмотности, поставила перед собой грандиозную задачу, выполнение которой требует большого напряжения внутренних сил и средств.

Порой танзанийцам приходится сталкиваться с довольно своеобразными проблемами. Вот, например, од-

на из них. Стою в очереди в аптеке. Вперед много народу и сзади не меньше. Аптека при государственном госпитале Мухимбили. Госпиталь перегружен. Если бы построили еще один такой в Дар-эс-Саламе, то все равно, наверное, были бы очереди. Пока не строят, и это понятно: нет средств, не хватает врачей. Недавно открытый медицинский факультет Дар-эс-Саламского университета выпустил только первых специалистов.

Подходит моя очередь, выдают по рецепту лекарство, спрашиваю:

— Сколько стоит?

На меня глядят с удивлением. Думаю, не поняли вопроса, повторяю. Аптекарь недоуменно отвечает:

— У нас лекарство бесплатно.

Все это мне показалось странным: не слишком ли далеко шагнули вперед? Недостает больниц, врачей, а лекарства бесплатные! При случае я поделился своими сомнениями с сотрудником министерства здравоохранения Ибрагимом. Вот что он мне ответил:

— Возможно, вы и правы. Но эти средства можно было бы построить в Дар-эс-Саламе новый госпиталь, а может быть, и не один. Но в наших условиях этого сделать нельзя. Народ еще не понимает, что такое медицина. Представьте: африканец приходит в госпиталь, врач прописывает ему лекарство, а тому печем платить — ведь лекарства стоят дорого. Что будет делать больной? Он больше не пойдет в госпиталь, а в следующий раз обратится к знахарю. Куда ему еще деваться? Мы вынуждены давать лекарства бесплатно, иначе люди не будут лечиться. Народ нужно приучить к медицине. Ведь знаете, раньше врачи были только при некоторых религиозных миссиях. А в основном большие обращались к деревенским знахарям: выживет так выживет, умрет так умрет...

Я вспомнил, что в аптеке пришлось выстоять длинную очередь. Значит, идут лечиться в госпиталь, значит здесь этот путь оправдывает себя.

Еще одна важная деталь. В Дар-эс-Саламе многие вывески и надписи на суахили. Трудно порой разобраться, не зная местного языка. Когда я спросил, где можно изучить суахили, мне посоветовали (и не без своеобразной, вполне естественной гордости) пойти на кур-

сы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Оказалось, что на таких курсах занимаются тысячи танзанийцев по всей стране.

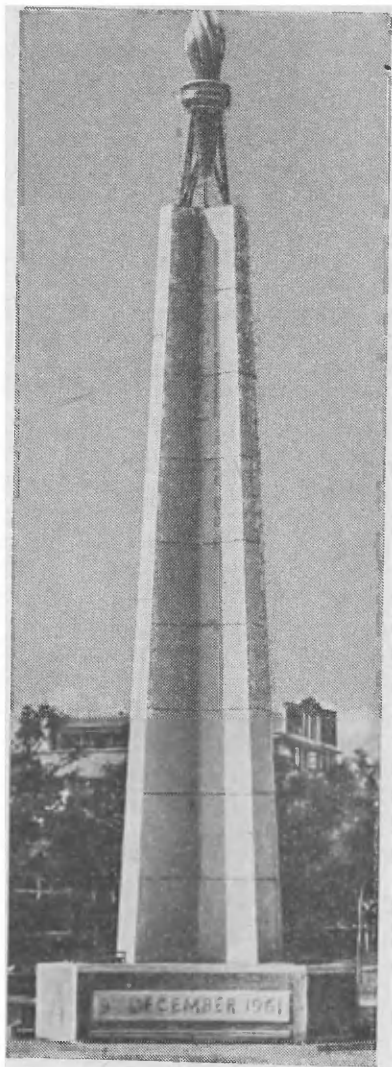
И еще один парадокс. О городах обычно говорят, что они строятся и растут. Про Дар-эс-Салам можно сказать, что он растет и разрушается. В городском муниципалитете мне сказали, что ежегодный прирост населения в городе составляет десять процентов, а темпы капитального жилищного строительства значительно отстают. Но разрушается Дар-эс-Салам не от скученности населения в отдельных его кварталах, разрушаются не здания, а социально-этническая структура города, сложившаяся в колониальные времена. Иными словами, как и многие другие города в Африке, он становится все более африканским. От такого «разрушения» никто не страдает, разве только те, кто привык жить за счет других.

Калейдоскоп города

Если вам скажут, что существуют три разных Дар-эс-Салама, не удивляйтесь: их действительно три, совершенно различных, не похожих один на другой, — европейский, азиатский и африканский Дар-эс-Саламы. Раньше, до независимости, африканские кварталы отделялись от остальной части города специальным зеленым поясом, чем-то вроде особого «санитарного кордона». Сейчас он превращен в городской парк. Здесь воздвигнут монумент Свободы — обелиск с пылающим факелом на вершине, который стал символом независимости Танзании. В парке устраиваются митинги и народные торжества. Здесь проходят, например, массовые первомайские демонстрации. Первого сентября вся Танзания отмечает День героев: во время торжественной церемонии президент страны и члены правительства возлагают у подножия обелиска щит, копьё, мотыгу — символы борьбы и труда — в память о тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость танзанийского народа. Неподалеку от обелиска расположена штаб-квартира ТАНУ. Из городской окраины парк превращается в одну из центральных зеленых площадей города.

Если вам скажут, что существует шесть различных

Дар-эс-Саламов, тоже не удивляйтесь. Их действительно шесть, даже больше. Старая, немецкая часть города, с толстыми выбеленными стенами, черными сквозными ставнями на окнах и непременно красными, потемневшими от времени черепичными крышами, расположена поблизости от океана, у входа в порт, в тени старых раскидистых вязов. К ней вплотную примыкают деловые и торговые кварталы, которые уходят в глубь бухты чередой больших, импозантных, но космополитически безликих зданий, сосредоточенных вокруг основной артерии — авеню Независимости. За портом и железнодорожным вокзалом совершенно особый, промышленный район города: склады, ремонтные мастерские и небольшие предприятия по переработке сырья. Характерно, что порт и вокзал расположены рядом: там, где кончалась железная дорога, начинался долгий путь за океан. Иначе и быть не могло в стране, которая десятки лет в условиях колониальной зависимости служила поставщиком сырья крупным заокеанским монополиям.

Факел Свободы — обелиск, воздвигнутый в Дар-эс-Саламе в память провозглашения независимости страны 9 дек. 1961 г.

Этот отпечаток прошлого заметен и во многом другом. От авеню Независимости, постепенно удаляясь от океана, тянутся кварталы так называемого Ухиндини, состоящего из мелких лавчонок и жилых домов, хозяева которых — лица арабского и индо-пакистанского происхождения. Каждый здешний квартал представляет собой как бы обособленный городок, сгрудившийся вокруг мечети или какого-то другого религиозного храма, коих тут великое множество. И в каждом свои законы, свои обычаи, обряды. Скученная, многоквартирная «страна Ухиндини» отличается от районов Упанги и Оушен-роуд, хотя все вместе они называются азиатскими кварталами. Районы поближе к океану считаются более фешенебельными, здесь уже не чувствуется узкой кастовости, перемежку с лицами азиатского происхождения живут и европейцы, а в последнее время сюда перебираются и отдельные африканские семьи.

Район Ойстер-Бэй (Бухта Устриц) расположен на мысу, уходящем в океан. Это северная часть города, застройка которой началась сравнительно недавно, после второй мировой войны. Овеваемые океанским бризом красивые особняки утопают в тропической зелени. Да и сам Ойстер-Бэй стоит в Дар-эс-Саламе таким особняком, удобным, знающим себе цену и мало кому доступным. Сейчас в этом районе всего около трех тысяч жителей. Недавно городской муниципалитет разработал план частичной перестройки Ойстер-Бэя, рассчитанный на то, что за счет некоторого уплотнения строительных участков и освоения новых площадей тут получат жилье около шестидесяти тысяч горожан.

И наконец, африканские кварталы, расположенные за Ухиндини, далеко от побережья. Унылое однообразие сетчатой, квадратной планировки, разработанной еще немцами в начале нынешнего века, разбросало на довольно обширной площади, на несколько километров вдоль и поперек, одноэтажный глинобитный Кариаку. Именно этот район и отделялся раньше от остальной части города «санитарным кордоном». Сейчас африканские кварталы частично перестраиваются. Кое-где возникают новые жилые дома рациональной стандартной постройки, а кое-где прямо в город внедряется деревня со всем своим прадедовским укладом.

Местные жилища, так называемые дома-суахили,

представляют собой одноэтажные глинобитные строения, иногда побеленные снаружи, как украинская мазанка. Крыши покрыты всем, чем угодно — от пальмовых листьев до кустов жести самой разнообразной формы. Это — остатки больших старых бочек из-под бензина, бидонов. Кое-где попадаете шифер или рифленое железо. Внутри прямоугольного дома вы обязательно увидите сквозной коридор, по обеим сторонам которого располагаются небольшие комнатки. Коридор выходит во внутренний дворик с курятником и огородом. Если дома стоят близко один от другого и дворики малы, огородиком обзаводятся в пригородной зоне. Городской черты, отделяющей Дар-эс-Салам от деревни, практически не существует.

Наличие небольшого подсобного хозяйства характерно для многих африканских семей. Это объясняется тем, что большинство семей многодетно, а кормильцы их — зачастую низкооплачиваемые рабочие, выходцы из крестьян. Отец семьи, скажем садовник, сторож или домашний слуга, работает определенное число часов в день, получая за это зарплату. Остальное время он вместе с женой копается у себя на участке. Такой горожанин одновременно является и рабочим и крестьянином. Он тянется в город, который привлекает его лучшими условиями жизни, старается как-то закрепиться в нем, а земля властно зовет его назад, к себе. Иногда он открывает в городе свой небольшой «бизнес» — торговлю овощами и фруктами на городских рынках, вразнос, на велосипедах, а то и прямо на улицах, где-нибудь в центре, у дверей крупных магазинов.

Как-то в 1971 г. в газете появилось коротенькое интервью с уличным зеленщиком-разносчиком. Его месячная выручка составляет 300 танз. шиллингов*, из них двадцать уходит на жилье, в оплату за койку в доме-суахили. Он в общем-то доволен: его заработок выше, чем у садовника или сторожа, которые имеют до 180 шиллингов в месяц. Этим и объясняется некоторая тяга молодежи к «бизнесу». Во всяком случае, торговля вразнос среди выходцев из деревни — этого стихийно расту-

* В мае 1974 г. декретом правительства Танзании минимум заработной платы городских рабочих был повышен до 350 танз. шиллингов в месяц. Однако одновременно и позднее были повышены цены на целый ряд товаров, в том числе продукты питания. — *Прим. авт.*

С ночного лова

щего населения внутригородских «агрогородков» — считается более предпочтительным занятием, чем тяжелый физический труд.

Совершенно особое место занимают в городе рынки. Побывать хотя бы на одном из них — рыбном — нужно обязательно. У входа в порт на прибрежном песке по утрам разрастается шумная, суматошная толкучка. На пирогах, парусниках и моторных баркасах к берегу подходят рыбаки со свежим уловом. Здесь можно увидеть все, чем богат океан. Большие неуклюжие лобстеры еще шевелятся и подергивают клешнями, креветки, устрицы, толстые полутораметровые скаты, акулы, тунцы и множество мелкой рыбешки самой причудливой формы и окраски ждут своих покупателей. Все это вываливается на песок, тут же чистится, режется на куски или раскладывается на кучки и продается. Лобстер — это в общем-то обыкновенный речной рак, такой же пучеглазый и самодовольный, пока не попадет в кастрюлю и не покроется нежно-розовой «краской стыда». Однако среди своих собратьев по родословной он великан и, должно быть, поэтому в отличие от всяких там пресноводных носит такое звучное заморское имя. Креветки креветкам тоже рознь. Среди них встречаются особи величиной с доброго озерного окуня. Эти лежат отдельно, и их название — «королевские» — дает хозяину право набросить лишних пять шиллингов на

килограмм. Под рыночным «увеличительным стеклом» меняются не только размеры, но и цены.

Впрочем, рыбак не очень любит торговаться, он ценит свое время: нужно немного отдохнуть — и снова на уютной пироге под парусом отправиться в голубые просторы океана. Сказал — значит, столько и стоит, уж кому лучше знать! Иное дело перекупщики. Те оптом забирают товар, устраивая шумный аукцион, отчаянно, до хрипоты торгуясь, и потом не спеша продают свой «улов» подороже.

На лицах рыбаков спокойная, даже какая-то почти торжественная усталость.

— Сколько стоят эти крабьи клешни?

Как бы невзначай бросает на вас оценивающий взгляд: европеец, с этого можно запросить и побольше...

— За пять шиллингов бери всю кучу. Лучших все равно не найдешь! — Лениво, как бы нехотя отвернется, почешет плечо сквозь дырку в рубаше с каким-то истинно рыбацким достоинством, оставляя на темной просоленной коже белые следы ногтей.

Африканские женщины, кто в черных мусульманских накидках, кто в красочной канге или китенге — куске расписанного узорами полотна, виртуозно обмотанного вокруг тела, сидя на корточках, помогают мужьям потрошить рыбу и тайком поглядывают на покупателей.

Этот рынок не единственный в Дар-эс-Саламе. На других царит та же живописность и сутолока: меж фруктово-овощных гор и холмов расхаживает какой-нибудь парень со связками — чего бы, вы думали? — цыплят в руках. Несколько цыплят, связанных лапками в один «пучок», висят вниз головой. Тут же на жаровнях

Танзанийский рыбак

пекут корнеплоды кассавы, по вкусу похожие на сладковатую, слегка подмороженную картошку, а настоящую картошку почему-то не пекут: у каждого народа свои традиции.

Вы пробовали, например, пирожки с бананами? Некоторым нравится. А в конце апреля, когда здесь начинается дождливый сезон, что-то вроде местной осени, на дар-эс-саламских рынках появляются грибы лисички, которые ни по виду, ни по вкусу ничем не отличаются от наших.

Несколько лет назад самый большой рынок в кварталах Кариаку был снесен. Его сломали, чтобы построить новый, более вместительный, чистый и благоустроенный.

...Под сенью кокосовых пальм на самом берегу океана высятся круглые конусообразные крыши из пальмовых листьев. Издали — ни дать ни взять рыбацкая деревушка, где течет обычная, тихая патриархальная жизнь. Я уверен, что мне и в голову не пришло бы ничего другого, если бы не знать заранее, что строительство этой небольшой «деревушки» обошлось в 8,5 миллиона танзанийских шиллингов. Началось оно в августе 1969 г., а уже в декабре следующего был открыт один из самых оригинальных отелей в Дар-эс-Саламе, который в шутку можно назвать «инвалютные избы Бахари».

Отель целиком и полностью рассчитан на иностранных туристов. В нем сто номеров. В каждом установка для охлаждения воздуха и свой балкон с видом на океан. Двухэтажные «избы» сложены из грубоотесанного кораллового известняка. Ресторан и бар находятся на открытой веранде под огромной подвесной крышей из пальмовых листьев, которая держится на специальной конструкции из толстых стальных тросов. Внизу в скале — кафетерий в виде грота, а на каменной площадке — плавательный бассейн.

Туристам нравится «Бахари» с его нарочитым примитивизмом, современными удобствами и хорошим пляжем. Это, конечно, дело вкуса. Мне могут возразить, что этот отель не самое лучшее место для отдыха: те же удобства есть и в соседнем — «Африкана». Здесь и бассейн, и даже сонный лев в клетке, и одинокий жираф, и две зебры за плетнем, и — что самое привлекатель-

ное — в «Африкане» попадаешь в пекий идиллический мир больше нигде не существующего «безвалютного» обмена: вместо денег там в ходу пластмассовые бусинки, внешне очень напоминающие те, которые можно увидеть за стеклом Национального музея в Дар-эс-Саламе. Когда-то именно такие шарики, правда, не пластмассовые, а стеклянные, были здесь в ходу вместо денег.

Эти искусственные бусинки, как и псевдоафриканские крыши «Бахари», имеют для туриста особую притягательную силу. Их можно купить: белый шарик — пятьдесят центов, желтый — шиллинг, синий — два шиллинга. Бутылка пива — три синеньких. Снял с шеи — и пей себе на здоровье. Не хватило — купил еще. Все очень просто. В бусах даже можно купаться, если, конечно, есть деньги на подобное ожерелье.

Между «Бахари» и «Африканой» полоса пляжа занята еще одним отелем. Это для тех, кто в душе сочувствует бывшим сказочным восточным тиранам и монархам.

Отель «Кундучи» расположен неподалеку от развалин древнего мусульманского городка, напоминает дворец из «Тысячи и одной ночи». Такому позавидовал бы сам Гарун ар-Рашид. Все бы хорошо, но каждая ночь в этом дворце стоит 150 шиллингов, номер на двоих — 240, а в месяц соответственно — 7200. Между прочим, это больше зарплаты президента страны. Кто же может позволить себе послушать в этом дворце сказки Шахразады? Весь этот рай рассчитан исключительно на выкачивание валюты из богатых заморских туристов. А валюта все больше и больше нужна стране...

Белый, желтый, черный, три или шесть — сколько же их, городов в одном городе? Так было, так кое в чем остается до сих пор, но танзанийцы считают, что так не должно быть. И структура старого города рушится. Президент Ньерере в своих выступлениях не раз подчеркивал, что в Танзании нет ни белых, ни желтых, ни черных. Есть один народ — танзанийцы, и среди них пока еще есть эксплуататоры, с которыми нужно бороться, какого бы цвета кожи они ни были. В этом основной смысл новой политики. И эту политику понимает и одобряет народ.

«Окно» в Африку

Мохамед Абдулла преподает историю в Дар-эс-Саламском университете. Сам он учился в Советском Союзе и отлично говорит по-русски.

— Мало кто у нас в Танзании пока еще по-настоящему понимает историю, мало кто ею интересуется, — сетует Абдулла. — А ведь это очень важно. Пренебрежительное отношение к истории сложилось у нас потому, что своей-то истории мы толком не знали. У нас привыкли понимать под историей биографии отдельных завоевателей или не наших, чужих героев. Нам нужно не это. И за последнее время трудами наших ученых начинает восстанавливаться новая историческая правда. Это очень важно и очень увлекательно. Приходите к нам, посмотрите интересные материалы.

Абдулла безусловно прав. Чтобы лучше понять сегодняшний Дар-эс-Салам, не мешает заглянуть в его прошлое. Вот некоторые странички из истории города.

«Сэр,

имею честь доложить о возвращении султана после десятидневного пребывания в Дхар-Салааме, предполагаемом месте строительства нового города на побережье материка, к югу от Занзибара, откуда до него несколько часов плавания на пароходе.

Султан затрачивает крупные суммы на перевозку строительных материалов к этому месту, где в настоящее время он воздвигает дворец, крепость и жилье для своих чиновников...»

Так начинается одно из сохранившихся в архивах донесений английского консула на Занзибаре Дж. Эдварда Сьюарда, датированное 10 ноября 1866 г. Как видите, документ рассказывает о самом начале строительства Дар-эс-Салама. Это одно из наиболее ранних свидетельств истории города. Мы еще вернемся к нему, как и к тому вопросу, почему консул именуется город несколько иначе, чем это принято сейчас. А пока отметим лишь один факт: Дар-эс-Саламу повезло. В Африке (да и не только в Африке) не так уже много городов, в «метрике» которых можно записать год, месяц и даже день рождения. Сохранились документы, воспоминания, дневники, относящиеся к этому периоду.

Своим основанием и развитием в начальный период

город обязан султану Занзибара, рабам и паровому двигателю, который на флоте сменил паруса.

Обстоятельства становления и развития Дар-эс-Салама весьма своеобразны. Его короткая история, па-считывающая всего каких-нибудь сто лет, богата собы-гиями и состоит, если можно так выразиться, из не-скольких археологических пластов. Дар-эс-Салам про-шел через три периода колониального господства, кото-рые наслаивались один на другой и оставляли свой характерный отпечаток на застройке города, размеще-нии кварталов и социально-этнических отношениях на-селения.

Первый из них — владычество занзибарского султа-на, время быстрого строительства города и его столь же быстрого упадка. Второй и третий — германский и английский колониализм. И наконец, последние годы развития города в условиях независимости — это новый, четвертый период.

Рождение Дар-эс-Салама едва ли в какой-то степе-ни можно связывать (как это делают иногда) с древ-ним африканским селением Мзизима, некогда распо-ложенным на берегу Индийского океана, к северу от закрытой пустынной бухты. Город возник в другом ме-сте, в глубине этой бухты и, разрастаясь, со временем поглотил Мзизиму и остальные мелкие рыбацкие дере-вушки на побережье, населенные африканцами из пле-мени шомви, а также ряд селений племени зарамо.

История строительства Дар-эс-Салама во многом напоминает строительство Петербурга. Конечно, маш-штабы были разные, но и там и здесь идея создания города принадлежала одному человеку. Дар-эс-Салам был основан в середине XIX в. занзибарским султаном Сейидом Маджидом как новая столица на материке, как «окно» в Африку, в глубинные, еще мало известные районы, откуда на побережье доставляли невольников, слоновую кость и золото. Петербург строили крепост-ные, Дар-эс-Салам — рабы.

Доподлинно неизвестно, сам ли султан решил воз-двигнуть себе новую резиденцию на побережье или эта идея была подсказана ему кем-то из иностранных ди-пломатов или миссионеров, неважно — английских, фран-цузских ли, так как все они в равной степени стреми-лись распространить свое влияние в глубь Восточной

Африки и наверняка не колеблясь использовали бы в этих целях честолюбие султана. Имеются, например, свидетельства о том, что идея постройки города была подсказана Маджиду французскими миссионерами. Известно также, что сам Маджид проявлял большой личный интерес к строительству Дар-эс-Салама. Любопытную мысль по этому поводу высказал сотрудник тогдашнего английского консульства на Занзибаре Джон Кирк, а за ним повторил ее епископ Эдвард Стир: Маджид якобы считал, что перенесение столицы на материк обезопасит его от всякого иностранного вмешательства. Весьма любопытное утверждение, особенно если учесть, что оно исходит от иностранцев!

Так или иначе, но в течение нескольких лет Маджид подбирал на материке подходящее место для строительства новой столицы. Предшественник Сьюарда, английский консул на Занзибаре подполковник Льюис Пелли в письме от 11 мая 1862 г., в частности, рассказывает: «Султан попросил сопровождать его на одном из военных судов к побережью материка с целью осмотра места, которое он считает подходящим для будущей гавани и пакгауза».

Но вернемся к донесению Сьюарда. В 1866 г. он писал уже не о пакгаузе, а о городе, который в основном был готов и даже получил свое имя: «Его высочество надеется заложить торговый порт, откуда караванные пути в радиальных направлениях будут расходиться внутрь материка. Дороги вдоль побережья свяжут его с Килвой и Ламу».

На побережье, кроме деревушек, уже существовали небольшие города. Один из них — Багамойо — был оплотом занзибарского влияния на африканские племена, центром процветавшей тогда работорговли. Почему же Маджид искал новое место для столицы? Причин было много, но одна из них, пожалуй главная, состояла в том, что в отличие от мелководного прибрежья Багамойо гавань Дар-эс-Салама могла принимать не только утлые парусники, но и крупные паровые суда. И в этом отношении нельзя отказать султану в дальновидности. Прекрасные условия гавани Дар-эс-Салама для судоходства отмечались почти всеми ранними информаторами, в том числе и Сьюардом, хотя в его донесении сквозят заметные нотки пессимизма. И вот по какой

причине: «Сам замысел хорош, но одна только нехватка рабочей силы губительно скажется на его осуществлении».

Консул поясняет: «Там невозможно держать сразу достаточное количество рабов. Сообщают, что только за время короткого пребывания в этих краях его высочества их удрало сорок человек». Рабы-африканцы, привезенные в родные края с окруженного водами Занзибара, бежали в глубь континента.

И еще одна короткая выдержка из донесения Сьюарда, рассказывающая о раннем периоде колонизации: «Чтобы привлечь поселенцев, султан предлагает сколько угодно земли каждому, кто хочет заняться сельским хозяйством в окрестностях нового города, ставя единственное условие: эта земля должна обрабатываться и давать урожай».

Так возникал новый город. Население его состояло из африканцев племени шомви и зарамо, арабов, переселившихся с Занзибара, и индийских купцов, открывавших свои фактории.

В сентябре 1867 г. султан Маджид пригласил английского, французского, немецкого и американского консулов посетить его в новой резиденции и отобедать с ним, как он выразился, «по-европейски». Практически состоялась официальная церемония «открытия» Дар-эс-Салама.

Но сентябрь 1867 г. едва ли стоит считать датой рождения города. Ведь город уже существовал. Обед «по-европейски» скорее походил на крестины. Известна другая дата, более ранняя, которую можно поставить в «метрике». 16 октября 1866 г. епископ Стир сделал следующую запись в своем дневнике: «Сейид Маджид направился в Мзизиму, ныне — Дасалаам». И если вспомнить к тому же, что примерно месяц спустя английский консул Сьюард тоже пишет о Дар-эс-Саламе как об уже существующем городе, то предполагаемая нами дата его рождения представляется оправданной.

Бухта, дом или «знойный город»?

Но почему в первоисточниках город именуется то Дхар-Салаамом, то Дасалаамом, то Дарра-Салаамом?

Если с днем рождения городу повезло, то происхо-

ждение его названия до сих пор остается неясным. Обычно принято считать, что Дар-эс-Салам — это «гавань мира». Так, во всяком случае, трактует его объемный справочник «Танзания сегодня», выпущенный местным министерством информации в 1968 г. «Гавань мира» на арабско-персидском наречии звучит как Бандар-ул-Салаам. Действительно, одно время город так назывался. Но не с самого начала. Скорее всего Маджид, подбирая название будущего города, имел в виду не собственно гавань, а свою резиденцию — «приют мира, спокойствия, отдохновения души». И если вспомнить указания на то, что у султана, когда он перебирался на материк, были какие-то неясные тревоги, намерения обезопасить себя, держаться подальше от иностранных «друзей», то тогда последний вариант может показаться вполне логичным.

Судьба Дар-эс-Салама складывалась нелегко. За первыми годами расцвета последовали два десятилетия упадка. «Строители покинули наполовину недостроенные дома, деревянные части зданий источены муравьями, стены превратились в уродливые руины. Торговцы бежали из города, словно спасаясь от чумы. Караваны снова направлялись старыми путями в Багамойо, и кругом царило запустение. Улицы заросли травой. Покинутые дома стали убежищем для летучих мышей, сов, ящериц и змей, и на всем вокруг лежал отпечаток старого, разрушенного и заброшенного города, отнюдь не нового, только что пробудившегося к жизни. Пройдет, вероятно, много лет, прежде чем спадет этот латаргический сон...» Так писал английский путешественник Джозеф Томпсон, посетивший Дар-эс-Салам в 1879 г.

Что же случилось?

В 1870 г. Маджид скоропостижно скончался — якобы после нечаянного падения в своем новом дворце. Его преемник султан Баргаш возненавидел все, что было связано с именем Маджида, в том числе и Дар-эс-Салам. Дворец оказался «несчастливым». Строительство новой столицы было приостановлено. Но, как и следовало ожидать, город, покинутый сынами Аллаха, привлек внимание энергичных христиан. В 1877 г. англичане, оценившие преимущества дар-эс-саламской бухты, приступили к строительству дороги в глубинные районы

страны, заселенные племенем зарамо. Но это оказалось им не под силу, и в 1881 г. на 83 миле строительство было прекращено. В 1885 г. немцы «приобрели» Дар-эс-Салам в концессию у занзибарского султана и стали использовать город как базу для распространения своего влияния на континенте. В 1891 г. город становится центром так называемой Германской Восточной Африки, просуществовавшей до Версальского договора 1919 г., после чего страна перешла в руки англичан. Начался период английской колонизации. На месте руин стал постепенно складываться новый город, который во многом сохранился до наших дней.

Но вернемся к его названию. Кроме приведенных выше вариантов есть и еще один — Дари-Салама. Так в 1886 г. называет город французский католический священник Лерой, проживший много лет в миссии «Святого духа и Святого сердца Марии» на Занзибаре и в Багамойо. Лерой интересно объясняет и все другие варианты названия города: «Сейид начал с того, что дал имя будущему городу: Дари-Салам, два слова арабского происхождения в языке суахили, которые можно перевести как „надежная крыша, безопасное убежище, где нечего больше опасаться...“ Один старый танзаниец, у которого я учусь, рассказал недавно, что Дари-Салама является одним из названий Рая Небесного и должно употребляться только в этом значении. Такое кощунство не должно было остаться безнаказанным, и господь покарал богохульника.

Тем не менее город называется Дари-Салама, а европейцы, не желая произносить это слово, как „туземные дикари“, переделали его в Дар-эс-Салам. Это название обозначено на картах, приводится в книгах, повторяется в газетах, вносится в дипломатические документы...

Как бы там ни было, камни быстро складывались и вырастали дома.

После смерти Сейида Маджида его преемник Сейид Баргаш немедленно заменил название Дари-Салам, „безопасная крыша“, на Бандари-Салам, „гавань“. Увы, название слишком правильное! Старые крыши уже рушатся, но гавань все еще на своем месте, такая же прекрасная, мирная, безопасная, но до сих пор не используемая!»

Долгие годы колонизации наложили на Дар-эс-Салам специфический отпечаток. Вот здание центрального почтамта. Оно построено при колониальном режиме Германии

В наши дни название города продолжает привлекать внимание людей, среди которых находятся охотники сделать его еще более «правильным».

Как-то в газете «Стандарт» в отделе писем появилась такая реплика читателя: Дар-эс-Салам — название, мол, иностранное, колониального происхождения. Почему бы не назвать его на суахили, скажем, «Мджи ва джото» — «Знойный город». Это отвечало бы климатическим условиям и имело бы определенный, так сказать, местный колорит.

Однако другой читатель в заметке, помещенной в той

же газете, возразил первому: «Что за скучное название „Мджи ва джото“? Не следует менять названия ради того, чтобы только сменить их!» На этом дело и кончилось. Дискуссия не получилась. Город остался Дар-эс-Саламом.

Загадка анонимного аскари

«Аскари» — солдат, слово, заимствованное суахили из арабского языка. На центральной площади Дар-эс-Салама, разделяющей авеню Независимости на два примерно равных отрезка, окруженный высокими современными зданиями стоит монумент, одна из наиболее известных достопримечательностей города. Называется он «аскари-монумент», иными словами, — памятник неизвестному солдату.

На небольшом прямоугольном гранитном постаменте, украшенном двумя батальными барельефами, — бронзовая фигура африканского стрелка в атакующей позе: в руках у него винтовка со штыком наперевес. Аскари стоит в центре площади, движение здесь довольно интенсивное, и туристы обычно осматривают монумент с тротуара. Редко кто подходит ближе, чтобы прочитать табличку с надписью на постаменте. А она весьма своеобразна и, по-моему, заслуживает внимания:

«В память туземных африканских войск, которые сражались с врагом; носильщиков, которые были руками и ногами армии; и всех других, кто служил и погиб за своего короля и страну в Восточной Африке в великой войне 1914—1918 годов». Прочитав ее, я не сразу понял, в чем дело.

Кажется, ясно: это памятник воинам павшим во время первой мировой войны. Но каким воинам? О каком короле идет речь? Здесь начинаются загадки.

Во время первой мировой войны на территории Танганьики велись бои между немцами, владевшими тогда страной, и англичанами, базировавшимися в соседней Кении. У африканцев не было короля. Кто же имеется в виду: немецкий кайзер Вильгельм II или тогдашний английский король Георг V? И с той и с другой стороны «руки и ноги» армии были африканскими... Надпись на английском языке. Дублирована на арабском и суа-

хили. Всмотриваюсь пристальнее: сзади в самом низу едва заметные, потемневшие от времени буквы: «Лондон, 1927 год» и имя скульптора — Мирандер.

Значит памятник, по существу, поставлен завоевателям и к танганьикским аскари не имеет никакого отношения.

Позднее мне удалось выяснить еще кое-какие любопытные детали создания этого памятника. Они описаны английским путешественником Эриком Маспраттом в автобиографической повести «Огонь юности: история сорока пяти лет скитаний», вышедшей в Лондоне в 1948 году. Настоящее имя скульптора — Джеймс Стивенсон (1881—1937). Э. Маспратт утверждает, что Стивенсону позировал он сам и не только для африканского аскари, но и для барельефов на постаменте. Правда, при моделировании фигуры на пьедестале, а также фигур барельефов он пользовался и фотографиями африканцев. К моему телу приделали головы туземцев, — сообщает Маспратт. — Памятник в конце концов был поставлен в Дар-эс-Саламе. И из Африки кто-то привез историю о том, что одна пожилая местная женщина, потерявшая на войне сына, обвинила британское правительство в том, что его превратили в бронзу. Она клялась, что моя фигура на пьедестале — это и есть ее сын». До того, как статуя была привезена в Дар-эс-Салам, ее экспонировали на летней выставке Британской Королевской академии художеств в 1929 году, где она получила высокую оценку.

И еще одна, пожалуй, наиболее интересная деталь: текст надписи к памятнику составлен не кем иным, как Редьярдом Киплингом, неутомимым бардом английской колониальной политики и идеологии.

Я рассказал историю моих поисков одному из старожил Дар-эс-Салама, в прошлом известному бизнесмену, Валли. Мы сидели на открытой веранде его особняка, выходящей прямо на берег Индийского океана. Был отлив, и в песчаной лагуне, обнажившейся на несколько сот метров, суетились и зычно кричали птицы, подбирая мелкую рыбешку. В синей, отступившей полосе океана играло солнце...

— Вы, наверное, помните, как открывали памятник аскари?

— Как же, великолепно помню, я в то время как

Памятник аскари

раз начинал свой бизнес. Но знаете, есть еще одна деталь, о которой вам, видимо, неизвестно: на месте аскари раньше стоял другой памятник, не помню какой. Его снесли англичане сразу после прихода в Дар-эс-Салам, я был еще мальчишкой. Но там совершенно точно стоял другой памятник...

Старик оказался прав. До британской оккупации Дар-эс-Салама в 1916 г. на месте аскари стоял другой монумент — фигура Германа фон Виссмана, под руководством которого немецкие войска подавили восстание местного населения в 1888—1889 гг. Позднее Герман фон Виссман был губернатором Германской Восточной Африки.

Англичане убрали памятник Виссману и впоследствии заменили его абстрактным, анонимным аскари, который, если не читать надпись Кипплинга, может иметь сейчас совсем иной, новый смысл. Это, конечно, ни больше ни меньше как случайное совпадение, но статую поставили так, что штык аскари направлен на юг, в сторону расистских режимов Родезии и ЮАР. Поэтому сейчас в столице государства, на территории которого находится Комитет освобождения ОАЕ и штаб-квартиры национально-освободительных движений юга континента, аскари можно рассматривать как символ борющейся Африки с острием штыка, направленным против колониализма и апартхейда.

А табличка, которую мало кто читает, может быть, со временем попадет в городской музей и представит некоторый интерес для тех, кто занимается творчеством Кипплинга.

Город изнутри

Безусловно, у Дар-эс-Салама есть и более сложные загадки и проблемы, чем название города или происхождение и смысл отдельных исторических памятников. Вот одна из них, пожалуй, самая главная. По последней переписи, в 1967 г. в столице насчитывалось 272 515 жителей, а все население страны составляло 12 231 тыс. человек. Демографы подсчитали, что за последнее время общий прирост населения в Танзании в среднем составляет 2,7%, в то время как в Дар-эс-Саламе количество жителей увеличивается на 10% в год.

Дар-эс-Салам. Здание кооперативного центра

Это представляет довольно значительную диспропорцию к общему росту населения страны, и если так будет продолжаться, то где-то в середине восьмидесятых годов каждый десятый танзаниец станет жителем Дар-эс-Салама.

Возможно ли это? Теоретически, видимо, да. Но как это будет выглядеть на практике, пока трудно себе представить. Прежде всего такой рост противоречит курсу правительства Ньерере, направленному в настоящее время на преимущественное развитие сельской общины на принципах деревень «уджамаа». Основные силы и средства брошены сейчас на преобразование натуральной африканской деревни в коллективное товарное хозяйство. Это понятно в условиях аграрной страны, которая пытается изыскать внутренние ресурсы и возможности для своего дальнейшего развития.

Однако происходит обратный процесс: какая-то часть

населения деревни, главным образом молодежь, стихийно старается оторваться от земли, уйти на заработки в город. Именно за счет притока сельской неквалифицированной рабочей силы и создается высокий процент роста населения Дар-эс-Салама. В городе пока не ощущается острой проблемы безработицы. Тем не менее бурный приток деревенской молодежи уже начинает оформляться в определенную социальную проблему. Вместе со стихийным ростом столицы увеличивается, например, преступность, главным образом мелкое воровство, ограбления частных квартир, небольших лавчонок, магазинов и т. п. Инспектор уголовной полиции Акилимали сказал мне как-то, между прочим, что у него на расследовании скапливается по тридцать-сорок дел одновременно.

Кто же эти лица, охочие до чужого добра? В управлении уголовной полиции листаю толстые альбомы в потертых дерматиновых переплетах. На каждой странице шесть-восемь фотокарточек. Это разыскиваемые преступники или лица, имевшие неоднократные судимости. У каждого на груди белая табличка с именем и номером уголовного дела. Возраст можно не указывать: в основном молодежь...

Позади здания городского суда, которое фасадом выходит на красивую набережную порта, есть небольшой открытый дворик. В 8.30 утра отворяется дверь и у входа появляется пожилой «Геркулес» в полицейской форме с пышными усами. В руках у него большая связка наручников — этакие никелированные бублики на цепочках. За ним в дверях — толпа юнцов. Они испуганно озираются по сторонам, жмурятся от яркого утреннего солнца и смиренно ждут своей очереди. Их скрепляют по двое и отпускают во двор немного поразмяться перед судом. Суд начнется через полчаса, в 9.00. Их пропустят первыми, с ними все ясно: это шпана, мелкие воры, бродяги, хулиганы, все, что набралось за прошедшие сутки, — несколько десятков молодых парней в возрасте примерно 18—20 лет, может, чуть старше. Они гуляют практически без охраны, стеснительно позвякивая «бубликами», по виду многие попались впервые.

Министр финансов Танзании, выступая на сессии Национальной ассамблеи с проектом бюджета на 1971/72 финансовый год, предложил, в частности, увели-

читать импортную пошлину на различные механизмы для поднятия и транспортировки тяжестей до 30% их стоимости, обосновав свое предложение так: «Было бы нереалистично полагать, что такая мера поможет намного увеличить занятость рабочих, но если она заставит управляющих компаниями лишней раз задуматься над выбором между местной рабочей силой и ввозимой техникой для определенных транспортных и складских операций, то уже это пойдет на пользу».

Разумеется, такой путь частичного ограничения механизации производства за счет более широкого привлечения дешевой местной рабочей силы может рассматриваться лишь как временное явление, до некоторой степени тормозящее рост безработицы. Тем не менее оно свидетельствует о том, что проблемы перенаселения города и занятости рабочей силы начинают уже вызывать определенные опасения в правительственных кругах.

Это явление не представляет собой нечто специфическое только для Дар-эс-Салама. Скорее наоборот: проблема урбанизации и роста городских низов в Дар-эс-Саламе ощущается гораздо меньше, чем, например, в столице соседней Кении — Найроби, где преступность достигла поистине угрожающих размеров и уже переросла в формы организованного гангстеризма.

Необходимо также отметить, что муниципалитет Дар-эс-Салама и городские организации партии ТАНУ проявляют немалую заботу о социальном благоустройстве города. На моих глазах в Дар-эс-Саламе исчезли нищие. Министр внутренних дел Танзании, выступая на одной из пресс-конференций, подчеркнул, что в задачи правосудия входит не только наказание преступника, но и в первую очередь его перевоспитание. Руководство Молодежной лиги ТАНУ поставило вопрос об организации службы общественного порядка, по сути своей напоминающей наши народные дружины.

Не сдается внаем

Другое явление представляет собой нечто весьма специфическое именно для Дар-эс-Салама. Оно тоже раскрывалось у меня на глазах, и я стал не только свиде-

телем, но и лицом, непосредственно заинтересованным в развивающихся событиях.

В самом начале главы я писал, что первые слова, услышанные мною на русском языке в аэропорту Дар-эс-Салама, были несколько обескураживающими. Речь шла о трудностях с жильем. И вот после нескольких дней в отеле, после того как идиллическое восхищение первозданной красотой природы несколько спало, я вплотную занялся поисками подходящего помещения для жилья. Эти поиски заняли у меня несколько месяцев. Вот тут-то я не раз вспомнил своего приятеля. Оказалось, что в Дар-эс-Саламе ничто не сдается внаем. Вы можете купить домик или квартиру, но не арендовать. Не то, чтобы правительство запрещало сдавать внаймы, так сказать, излишки площади, нет. Просто, пытаясь обойти высокий налог на ренту, домовладельцы предпочитали заключать фиктивные контракты о купле-продаже и тем самым получать бо́льший доход с капитала, вложенного в строительство жилых домов, и на него строить все новые и новые дома. Надо сказать, что «излишки» у некоторых были довольно крупные, измерявшиеся тысячами квадратных метров. Отдельные многоэтажные дома целиком и полностью принадлежали одному хозяину. Другому — сразу несколько одно-двухэтажных домов. Короче говоря, на одну ренту можно было бы жить припеваючи. Сами хозяева во многих случаях ютились где-нибудь в скромной малометражной квартирке в районе Ухиндини, единственным украшением которой служила солидная чековая книжка, а свои дома, скажем, на Ойстер-Бэй они видели не чаще чем раз в неделю, приезжая по воскресеньям на берег океана подышать свежим воздухом. Что поделать? Таковы неумолимые законы бизнеса: содержание виллы на берегу океана связано с довольно значительными расходами, если в ней живешь сам, но если там живут другие, неважно кто, и платят за это бешеную ренту, оформленную как взносы за мнимую покупку в рассрочку, то через три-четыре года расходы на строительство полностью окупаются.

Так размножались особняки в районе Ойстер-Бэй, и этот «бизнес» стал одним из видов наиболее выгодного вложения капитала в Дар-эс-Саламе еще в колониальные времена. Отсутствие крупных промышленных пред-

приятый, монополизация производства экспортных сельскохозяйственных культур в руках европейцев толкали на этот путь в основном буржуазные элементы среди лиц индо-пакистанского происхождения, которые, занимаясь торговлей, сколачивали определенный капитал, и часть его вкладывали в строительство доходных домов.

Постепенно домовладельцы-рантье стали не только стричь купоны, но и диктовать свои условия. У них появились вассалы — шустрые, пронырливые брокеры, у которых тоже кое-что откладывалось на счет в банке. Сдается дом — с хозяина мзда и с жильца магарыч размером в месячную, а то и двухмесячную ренту.

В мае 1971 г. кенийская газета «Дейли нейшн» под рубрикой «О чем писалось десять лет назад» вспомнила о том спекулятивно-домостроительном буме, который царил в Дар-эс-Саламе накануне независимости. Дельцы пытались скупить как можно больше земельных участков у берегов океана, чтобы потом вместе с вновь построенными домами продать втридорога под будущие иностранные посольства, миссии, резиденции.

Я знаю всех брокеров Дар-эс-Салама. Только с одним из них, мистером Говой, не познакомился лично, хоть и говорил несколько раз по телефону. Его убили в кустах при каких-то, так до конца и не выясненных обстоятельствах — вытащили из собственного автомобиля и проломили затылок. Когда труп был обнаружен, мотор машины еще работал... Прочитав в газете короткое сообщение об этом инциденте, я подумал: «Кажется, я его все-таки видел».

Как-то в одном ювелирном магазине я попросил показать мне настоящий танзанит — драгоценный камень лилового цвета, который в хорошей огранке ценится наравне с сапфиром и даже бриллиантом. Любопытно было поглядеть на этот камень, представляющий собой большую редкость и получивший название по имени страны, где он добывается. Хозяин магазина сказал, что танзанита у него нет и, видимо, решив похвастаться и, так сказать, поддержать фирму, вытащил из сейфа большой бриллиант желтоватой воды.

— Всего двадцать тысяч фунтов, — сказал он с неподдельной гордостью. — Правда, его уже купили.

Я для приличия повертел камушек в руках, сказал

«спасибо» и направился к выходу. В это время в магазин вошел покупатель. Хозяин бросился к нему навстречу с подобострастной улыбочкой:

— Добрый вечер, мистер Гова! Вот и ваш бриллиант!

Мне было интересно, кто же покупает такие вещи. Но я успел увидеть только затылок. Возможно, тот самый...

Кстати, настоящим танзанитом я полюбовался через несколько месяцев в Додоме. Мне показал его руководитель группы советских геологов в Танзании А. Г. Новиков: голубовато-лиловый, искрящийся огонек в куске породы.

Когда полиция обнаружила труп Говы, в кармане его брюк оказалось около шестисот шиллингов наличными. Убийц не привлекла эта сумма. Видимо, дело было в чем-то другом.

Знакомство с брокерами не оставило в памяти ничего особо интересного, если не считать, что оно помогло встретиться с теми жителями Дар-эс-Салама, с которыми в иной обстановке вроде и говорить было бы не о чем. Тем не менее эти встречи по-своему примечательны: они помогли мне узнать кое-что новое о социальной структуре Дар-эс-Салама.

Как-то раз мне позвонили из посольства и сказали, что меня разыскивают два африканца. Их имена были мне неизвестны. Передали, что они якобы хотят помочь мне в поисках квартиры и имеют одно предложение на сей счет. Они пытались найти меня в городе, но не сумели, поэтому и обратились в посольство. Действительно, отыскать меня было трудновато: как заправский гангстер, уходящий от преследования полиции, я чуть ли не каждую неделю менял адрес. То отель, то комнатка в общей квартире при посольстве, то... Когда позвонили, я жил временно в квартире у советника посольства чехословацких друзей. Квартира пустовала, и друзья любезно предоставили ее мне до приезда замены: на месяц ли, на два — никто не знал. Такой вариант меня вполне устраивал.

На следующий день я встретился с искавшими меня африканцами. Они представились как «первые африканские брокеры» в Дар-эс-Саламе.

— Вы, конечно, знаете мистера Чату?

— Знаю.

Последовало несколько довольно крепких эпитетов, метафор и вполне понятных гипербола по поводу того, что «азиаты» монополизировали брокерский бизнес в Дар-эс-Саламе. Чату — один из них. И наконец, довольно неожиданное завершение:

— Вы, мистер, как представитель социалистической страны должны помочь нам разделаться с этим...

Я вспомнил Найроби, Джамалья и Прайса и сказал, что «это» не входит в мои обязанности.

— Это ваши внутренние дела. А мне нужна жилплощадь, дом или квартира, и я слышал, что уважаемые джентльмены собирались помочь мне, а вовсе не рассчитывали на какую-то мою помощь!

— Да, у нас есть предложение. Мы знаем, что вы ведете переговоры с Чату о доме бваны * К., расположенном на Ойстер-Бэй. Так ли?

— Так.

— Мы, а не Чату, являемся непосредственными представителями бваны К.

— Но мистер Чату показывал мне письмо с полномочиями, подписанное лично бваной К...

— Чату заморочил ему голову, и бвана К. больше не хочет иметь с ним дело. Вот этот мистер (один показывает на другого) его родственник, племянник. Если хотите, привезем сюда самого бвану К. Кстати, он любит русскую водку. У вас есть водка?

Я встретился с хозяином дома. Это было интересно, так как брокеры обычно тщательно оберегают эту категорию лиц от непосредственного общения с клиентами. Оказалось, что бвана К., в прошлом ответственный государственный служащий, несколько лет назад был уволен и перешел в сферу частного бизнеса. Его дом, построенный на государственные средства, на невыплаченную ссуду, находился под залогом и поэтому, по местным законам, не мог быть сдан в аренду. Продавать его бване К. было «жалко», а против незаконного варианта, предложенного «первыми брокерами», — выплаты ренты, весьма солидной, да еще за два года вперед, не нашлось возражений ни у кого, кроме меня. На этом

* Б в а н а — господин (суахили).

закончились переговоры как с бваной К., так и с его брокерами.

Сейчас на флагштоке этого дома развевается иностранный флаг. Приведен в порядок участок. Из-за забора выглядывают недавно посаженные кустики бугенвиллеи. Здесь поселился консул одной западноевропейской страны. Я не знаю, каким образом они договорились с бваной К., но часто, проезжая мимо этого дома, я вспоминаю управляющего филиалом итальянской фирмы «Фиат» в Дар-эс-Саламе, который до этого занимал особняк на берегу океана. Чату откровенно рассказывал мне, что тому быстро пришлось покинуть «арендованную жилплощадь», а денежки, уплаченные за два года вперед, кажется, «сгорели»...

Подбирая квартиру, я встретился в Дар-эс-Саламе с одной любопытной дамой. Когда речь заходит о женщинах, обычно не упоминают их возраста. Но если я скажу, что миссис Гавин видела Петербург, то, наверное, не трудно догадаться, что ей уже за семьдесят. Миссис Гавин рассказывала мне, что ее дед был британским послом в Петербурге. В детстве она приезжала к нему из Англии на каникулы. Это было ужасно давно, прямо-таки «до нашей эры»! Англия как колониальная империя все еще входила в силу. Правил Эдуард VII, и еще, конечно, никто не знал, что через четверть века следующий Эдуард, восьмой, после сорока шести недель, проведенных на престоле, как актер Гарин в кинофильме «Золушка», скинет с себя корону, пылая страстью к одной ничем не примечательной американке, и удалится от государственных дел, так и не успев толком заняться ими. Впрочем, редкие монеты с дыркой и его именем, выпущенные для Восточной Африки, пробыли в обращении еще целую четверть века, прежде чем все окончательно изменилось, и в Восточной Африке настала новая эра.

У дочери миссис Гавин был модный дамский салон в центре города.

— Дела идут неважно, — вздыхала старушка, энергично затягиваясь сигаретой, — перед Рождеством дочь написала из Швейцарии и Парижа дорогие, модные безделушки, а разрешение на их ввоз пришло из Эс-Ти-Си только в марте. Кому они теперь нужны, кто их купит?

Для миссис Гавин, которая еще помнит Петербург и не совсем четко представляет, что такое Ленинград, не очень понятно и многое другое, в частности все то, что происходит в Танзании сегодня. Она продавала свой дом, и разговор с ней показался мне в какой-то степени символическим: меняется социальная структура города, и часть бывшего Дар-эс-Салама на глазах становится прошлым вместе с людьми и их привычным укладом жизни.

Позднее я узнал, что миссис Гавин продала свой дом, а салон, принадлежавший дочери, был национализирован.

Сингх и Сингх

— Да поймите же, я не могу купить ни ваш дом, ни какой-либо другой. Я хочу только снять дом или квартиру, или все что угодно, где только можно жить, но снять, арендовать!

— А я вам и не предлагаю покупать. Кто знает, обстановка может еще измениться... Зачем же я буду продавать?

— Да ведь вы сами сказали, что собираетесь продавать.

— Я сказал, что мы заключим договор о продаже. Есть еще один вариант. Вы можете платить аренду не здесь, а где-нибудь за границей, скажем, в Швейцарии...

Этот разговор, который начался и не кончился, произошел однажды утром у обочины дороги, у ворот дома, закрытых на замок. Владельца, который хотел бы получать деньги в Швейцарии, в дом даже не пустили. Англичанин, мистер Липскоум, управляющий компании «Пан-электрик», снимавший его и собиравшийся вскоре куда-то уезжать, совершенно откровенно не хотел лицезреть владельца. Чем уж он так провинился перед мистером Липскоумом — не знаю. Хозяин дома, Сингх, индеец, беженец из Южной Африки, выдававший себя за жертву апартхейда, был не очень доволен и порядками в Танзании. Ему нужно было как-то временно отделаться от этого дома, чтобы закончить строительство нового. Об этом он говорил не стесняясь: дом ему был не нужен.

Проблема решилась неожиданно и просто. Это было похоже на удар грома, грянувшего в тишине тропически теплого апрельского вечера. У здания почты в несколько секунд возникло что-то похожее на драку. Люди лезли один на другого. Что происходило — понять было нельзя. Потом я увидел, что в центре толпы находился мальчик, чудом уцелевший маленький разносчик газет. Потирая ушибы, он улыбался: экстренный выпуск правительственной газеты «Стандард» расхватали весь, до единого номера. В этот вечер купить газету было невозможно. Я подошел к уличному фонарю, у которого столпилось несколько любопытных. Сенсация! Принят декрет о национализации домовладений, стоимость которых превышает сто тысяч шиллингов, то есть практически не только крупных многоэтажных зданий, но и отдельных жилых домов. Один за другим в газетах стали появляться длинные списки с указанием адресов бывших владельцев и места расположения их национализированной собственности. В одном из таких списков я встретил уже знакомое имя Сингха.

Брокеры развели руками: в буквальном смысле хоть «переквалифицируйся в управдомы». Что делать, куда бежать? Может, в Кению? Может, в Австралию или Канаду? Бизнес лопнул. Вернее, лопнуло терпение у танзанийского правительства, и все новые и новые списки национализированных домовладений стали красноречивым некрологом брокерской профессии.

Здесь я позволю себе немного отвлечься и рассказать о дальнейшей судьбе одного из брокеров — мистера М., с которым мне приходилось иметь дело. Мы встретились в отеле «Килиманджаро» в январе 1974 г. несколько лет спустя после декрета и сразу узнали друг друга. У мистера М. сохранилась профессиональная память на имена бывших клиентов, даже тех, с которыми не удалось сговориться.

— Мистер Савельев!

— А я думал, вы давно за границей. Кажется, у вас были какие-то позитивные планы насчет продажи мужских сорочек в Канаде?

— До Канады не добрался. Был в Кувейте. Вот, вернулся домой. Есть здесь кое-какие дела. Помните большой дом на Оушен-роуд, который я предлагал румынскому посольству?

— Как же, знаю. Там и сейчас живут его сотрудники...

— Живут да не платят! Я же добился им контракта на этот дом. По условиям они должны выплатить мне комиссионные — сорок тысяч шиллингов.

— Но ведь дом был национализирован до того, как они туда переехали.

— Дело действительно сложное. Я советовался с адвокатами, и мне сказали, что у меня все же есть шанс. А сотрудники посольства даже не хотят говорить об этом. Я написал письмо Чаушеску и жду ответа.

— Ну и чем же вы пока занимаетесь?

— Научкой.

— Чем, чем?

— А вы разве не читали мое письмо в «Дейли ньюс» от 21 января?

— Признаться, как-то пропустил...

— У меня есть с собой вырезка.

Мистер М. посмотрел на меня с некоторой авторской укоризной: как, мол, можно пропустить такое? Достал из кармана аккуратно сложенный лист бумаги с наклеенной на него небольшой газетной вырезкой. Я уже собрался было пробежать ее глазами, но споткнулся на первом же абзаце. В письме под названием «Недостающее звено» говорилось:

«... Мое чувство восприятия подсказывает, что обезьяны: шимпанзе, гибоны, гориллы и орангутанги в то или иное время были прогрессивными людьми, как и мы с вами, а выродились в свои нынешние формы лишь потому, что находились в изоляции от человеческого окружения».

Чувство восприятия! Я зримо представил себе, как Чарльз Дарвин переворачивается в гробу! А дальше в письме шло такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Оказывается, процесс продолжается: орангутанги постепенно превращаются в мартышек, прежде чем совершенно исчезнуть с лица земли.

Я почувствовал, как мороз пробежал у меня по коже. Я даже не спросил мистера М., почему рядом с его фамилией стоит приписка — факультет естественных наук Дар-эс-Саламского университета.

Мистер М. понимающе заглянул мне в глаза:

— Ну, мы еще вернемся к этой теме, подумайте как

следует. Между прочим, я доказал это путем математических вычислений. Еще увидимся!

Я не переставал удивляться, как вся эта чушь попала в газету. Стал внимательно просматривать отдел писем. И вот 7 февраля наконец появилось то, чего и следовало ожидать. «Антинаучно» — под таким заголовком было опубликовано письмо преподавателя зоологии университета Д. М. Пирсона. Оно начиналось с того, что мистер М. не является студентом, ни тем более сотрудником университета.

Ниже декан факультета естественных наук Ф. Ньяхо за для пушей убедительности еще раз отмежевался от кустаря-самоучки.

Я вспомнил, как мистер М. в былое время как-то вскользь обронил мне, что однажды его самого лишили «человеческого окружения», поместив в психиатрическую больницу. Это было вскоре после государственного декрета о национализации земель, а у него были большие участки в Дар-эс-Саламе.

Но вернемся к апрелю 1971 г. Как раз накануне выхода в свет декрета о национализации жилых домов в газете «Нэшнелист» — бывшем органе правящей партии ТАНУ — на первой полосе появилась статья, разоблачающая различные махинации вокруг «купли-продажи» домов. Газета доказывала, что путем всяких незаконных сделок ловкие дельцы грабят государственную казну на миллионы шиллингов, и прямо называла этих людей врагами социалистического общества.

С домовладельцами обошлись довольно мягко: один из домов, если живешь в нем сам, своей семьей и, разумеется, если это не дом из нескольких квартир, можешь оставить себе. Остальные отдай. Если твой дом простоял не более десяти лет, то со временем получишь компенсацию. Казалось бы, куда мягче? Попользовался рентой — и хватит, свое получил сполна; не успел получить — подожди компенсацию.

Однако рантье сразу встали в позу обиженных. Национализации домов отдельные горячие головы сразу же пытались придать расовую подоплеку. Мол, в стране начинается некий «черный террор», чуть ли не апартейд наизнанку! Бежим, мол, все отсюда за границу, здесь нам больше нечего делать.

Действительно, кое-кому, кто привык жить за чужой

счет, национализация встала поперек горла. Как раз от них-то и стал исходить если не расовый, то по крайней мере кастовый душок. Началась нездоровая агитация внутри отдельных религиозных и национальных землячеств.

Приведу только один пример. Я получил дом от правительства, тот самый, который показывал мне Сингх. Хозяин, уходя вместе с люстрами и абажурами, которые входили в «домовое оборудование», оборвал и электропроводку. Пришлось чинить. Чинил тоже Сингх, но другой — рабочий человек, электрик, не тому чета. Хороший парень, мастер на все руки. Разговорились мы с ним. Тоже, говорит, хочу за границу податься. Тебе-то, спрашиваю, зачем? У тебя что, дома отобрали или другую собственность? Пожимает плечами: вроде бы ничего не отобрали, и отбирать-то нечего. Все равно, говорит, нужно отсюда уезжать, и не куда-нибудь — а в Англию! Это в страну-то, где проблема азиатских беженцев стоит настолько остро, что введены самые строгие ограничения на въезд эмигрантов из стран Содружества наций. Его это мало интересует. Я говорит, устойчивый, прорвусь. Слышал, говорит, в одном Лондоне двести тысяч сингхов, — не пропаду!..

Все это выглядело бы не так уж серьезно, если бы призывы бежать за границу не сопровождались антиправительственной пропагандой. В одном районе местная организация ТАНУ поймала подпольного шептуна-агитатора. Созвали митинг, выставили его на общественный позор. Как писали в газетах, этим на первый раз ограничились, но строго предупредили других, подобных ему собственничков из бывших, которые втихую пытались придать общегосударственной кампании по национализации частной собственности некую расовую подоплеку.

Национализация пробуждает определенные бунтарские настроения и в среде городских низов. Эти рассуждают примерно так: национализировать, так уже все до конца! Почему затронули только богатых? Я вот, мол, снимаю койку в одном из домов-суахили. Хозяин дома — тоже эксплуататор! Почему не национализировали его дом?

Подобные настроения свойственны какой-то части недавних выходцев из деревни, не нашедших своего места

в городе. Кому-то из них, видимо, суждено вернуться назад, где их ждут вновь создаваемые коллективные деревни «уджамаа». Может быть, именно там им улыбнется счастье. Кому-то со временем и в городе удастся устроиться и найти подходящее жилье. Перед национальной корпорацией домостроения поставлена задача — уделять все больше внимания строительству педорогих квартир для низкооплачиваемой категории трудящихся. Одновременно введены определенные ограничения на строительство зданий для государственных учреждений, а также для компаний со смешанным, государственно-частным капиталом: стоимость их не должна превышать 75 тысяч шиллингов. Предусмотрена и такого рода форма строительства, несколько напоминающая наши кооперативы: государственная корпорация готовит участок для будущего дома и закладывает фундамент, все же остальное делается силами и средствами будущих хозяев дома.

Бурный рост населения Дар-эс-Салама уже не первый год привлекает внимание правительства Танзании, которое рассматривает различные пути решения этой проблемы. Еще в мае 1969 г., выступая на Национальной конференции ТАНУ, президент страны Джулиус Ньерере сказал: «Народ тянется из деревень в города в поисках работы и других доступных там благ, и в настоящее время Дар-эс-Салам стал величайшей притягательной силой. В результате этого в городе скопилось много людей, ищущих места, но не сумевших найти для себя никакой работы, и немало других, не имеющих жилья. Хорошо бы распространить эту притягательную силу, сконцентрированную сейчас в одном месте, и на другие районы страны».

Речь идет о создании благоприятных условий для равномерного процесса урбанизации в масштабах всей республики. Эта мысль нашла отражение во втором пятилетнем плане экономического и социального развития Танзании на 1969—1974 гг. Одно из его положений гласит: «Дар-эс-Салам по своим размерам далеко превосходит другие города Танзании и растет быстрее любого из них... Если правительство не примет специальных мер, Дар-эс-Салам будет расти все быстрее и быстрее. От этого рост других городов только замедлится или вообще приостановится».

Правительство считает весьма важным стимулировать быстрый рост других городов в стране».

Исходя из этих соображений пятилетним планом предусмотрено преимущественное развитие следующих девяти городов: Танга, Аруша, Моши, Мванза, Тabora, Додома, Морогоро, Мбейя и Мтвара. Расположенные в различных частях страны, они рассматриваются как наиболее перспективные для будущего развития Танзании, новые центры «притягательной силы».

А в сентябре 1973 г. на съезде ТАНУ было принято решение о переносе столицы республики из Дар-эс-Салама в Додому в течение ближайших десяти лет. В 1974 г. туда переехало первое крупное государственное учреждение — канцелярия премьер-министра страны Рашиди Кававы.

* * *

Вечером порт Дар-эс-Салам представляет собой феерическое зрелище. Огни, огни и огни. Разноцветные огоньки на мачтах и палубах океанских кораблей, которые стоят в желтом зареве, как громадный пирог, утыканный свечками, и торжественно сияют, словно в ожидании именинника. Многие горожане приезжают сюда каждый вечер, чтобы отдохнуть от жары, полюбоваться на это всегда праздничное зрелище, подышать свежим океанским бризом. Вереницы машин выстраиваются вдоль набережной. У входа в бухту перемигиваются маяки.

Улицы не пустеют допоздна. И ближе к полуночи из переулков выныривают маленькие энергичные разносчики со свежими кипами газет, датированных уже завтрашним числом. Будущее рождается сегодня.

КОКОСОВЫЙ ОСТРОВ

На Занзибаре

Все это выглядело совершенно неправдоподобно. Оказаться в канадском военно-транспортном самолете пристегнутым ремнями к парусиновому сидению, да еще над Индийским океаном! Согласитесь, такое бывает не часто. Гул моторов мешает говорить. Парусиновые сидения тянутся вдоль самолета. Напротив пристегнут бородатый американец из ЮСИС с французской фамилией Ласор. Он жестами просит о чем-то, показывая на стенку позади меня. Оборачиваюсь: над головой тянется круглая рейка, за которую, видимо, десантники цепляют фалы своих парашютов при прыжке. На рейке висит красная жестяная кружка. Она-то и нужна американцу как пепельница.

Рядом со мной сидит англичанин Алан Томас, бывший корреспондент агентства Рейтер в Москве. Он любезно протягивает утренние сводки сообщений своего агентства о неудавшемся покушении на президента Кении — Джомо Кениату.

На парусиновых сидениях покачиваются африканцы из Танзании, Кении, Нигерии, корреспондент Московского радио и телевидения Юрий Фонарев, представитель ГДР, югослав, араб, пресс-атташе верховного комиссариата Индии в Дар-эс-Саламе. Двухмоторный самолет танзанийских военно-воздушных сил «Карибу», купленный у Канады, переправляет на остров своеобразный «десант» — двадцать восемь местных и иностранных журналистов, приглашенных Революционным советом Занзибара. Посматривая вниз на акварельные, малахитовые разводы отмелей и белые бурунчики океана,

наверное, не только я, но и все сидящие в самолете думают об одном и том же: о Занзибаре.

С 1964 г. Занзибар вместе с островом Пемба входит в состав Объединенной Республики Танзании. Однако он сохраняет и автономию: имеет свой флаг, свою правящую партию Афро-Ширази, свой бюджет и самостоятельность в развитии внешнеэкономических связей. Глава Революционного совета Занзибара одновременно является первым вице-президентом Танзании. До апреля 1972 г. этот пост бессменно занимал видный занзибарский политический деятель, один из основателей партии Афро-Ширази Абейд Каруме.

Впервые мне довелось побывать на Занзибаре несколько месяцев назад, как раз в день похорон А. Каруме. Естественно, остров показался мне тогда хмурым, суровым. В тот приезд мне не удалось даже осмотреть город, носящий то же название, что и остров. Сразу после церемонии похорон пришлось вернуться в Дар-эс-Салам.

Поэтому мое представление о Занзибаре складывалось в основном из разговоров с танзанийцами и вырезок из местных газет. Многие трудно было понять. Известно, например, что Занзибар и Пемба, несмотря на чисто аграрный характер экономики, сравнительно богаты. Экспорт гвоздики и копры приносит им сотни миллионов шиллингов. В то же время увлечение экспортными культурами, сложившееся еще в колониальные времена, привело к тому, что острова не могут обеспечить себя продовольствием, хотя их население составляет немногим более трехсот пятидесяти тысяч человек. В танзанийскую прессу просачивались сообщения о недостатке продовольствия на Занзибаре, о распределении продуктов государством, по существу — карточной системе на рис, сахар, муку. О создавшемся положении можно было судить, например, по письму, опубликованному в танзанийской правительственной газете «Стандард» от 28 июля 1971 г. Его автор Комбе Шаали, занзибарец из поселка Кикваджуни, писал: «С введением системы продовольственных лайков на наших несчастных островах положение стало хуже, чем в дни второй мировой войны. Мы, юноши моложе 21 года, должны получать паек в полфунта риса, полфунта сахара и три четверти фунта муки на неделю...»

С подобными сообщениями было трудно сопоставить решение правительства Занзибара о строительстве своего телевизионного центра, тем более что лидеры центрального правительства ОРТ не раз высказывались против этого мероприятия, считая телевидение преждевременной роскошью.

Было трудно также понять, почему на материковой части Танзании строительство деревень «уджамаа» разворачивается повсеместно, а на островах не следует этому примеру. В то же время партия Афро-Ширази проводит свою, весьма своеобразную программу строительства бесплатных квартир для крестьян в домах городского типа. Такие же дома со всеми удобствами сооружаются и в городе. Там это вполне объяснимо. Но как представить себе крестьянина-единоличника, живущего в одной из квартир, скажем, пятиэтажного дома?

Эти мысли занимали меня, когда легкий толчок вернул нашу интернациональную компанию в буквальном смысле этого слова на землю. Рядом со мной в самом хвосте самолета автоматически раскрылись створки огромного люка, в который без труда могла бы въехать автомашина типа нашего «газика». Из отверстия подул свежим ветром, стремительно промчалась назад ровная бетонная лента посадочной полосы. Вот она вместе с лесом кокосовых пальм замедляет свой бег, словно вытянувшись до предела, и в люке появляется уже знакомое мне двухэтажное здание занзибарского аэропорта.

И опять на Занзибаре не пахнет гвоздикой. В прошлый мой приезд здесь скорее пахло порохом, и я тогда не задавал вопросов. Но сейчас обстановка спокойная, и, постоянно читая в газетах о том, что Занзибар — «гвоздичный» остров, я не выдержал и спросил первого попавшегося мне занзибарца, где же плантации столь знаменитой на весь мир занзибарской гвоздики.

— А у нас их нет, — сказал он весьма равнодушно.

Такой ответ вызвал у меня недоумение. Неужто вся вывелась? Нет, думаю, он просто не понял, о чем я спрашиваю.

— Гвоздика, понимаете? Такая.. бутонами, цветочками, растет на деревьях, пахнет...

— Да-да, гвоздика! Плантации гвоздики на острове Пемба, а на Занзибаре ее почти нет. Пемба дает при-

мерно 75% всего экспорта гвоздики, а здесь в основном плантации кокосовых пальм. Мякоть кокосовых орехов — копра — тоже ценное экспортное сырье. Посмотрите, сколько их вокруг...

Кокосовые пальмы действительно встречаются на Занзибаре на каждом шагу. Итак, мой второй визит начался с небольшого неожиданного открытия: это кокосовый остров, а не гвоздичный.

Узкие улочки в старой, арабской части города напоминают средневековый Таллин. Окна противоположных домов расположены так близко, что утром соседи, открывая ставни, могут здороваться за руку через улицу. Если, конечно, они еще не надоели друг другу. Удивительно, что по этим улочкам еще ухитряются пробираться современные автомашины.

Я зашел в антикварную лавку. В маленьком узком помещении стоял специфический запах, так сказать, пыль веков. Бронзовая посуда: подносы, чашки и чайники, кофейники и замысловатые сосуды покрыты изящной чеканкой и кажутся прямо-таки современниками халифатов. Тяжелые кованые сундуки из резного дерева тоже украшены великолепной бронзовой чеканкой. Рядом стоят еще свеженькие их копии, которые, несмотря на весь свой внешний блеск и лоск, в два-три раза дешевле. Приятно видеть, что традиции продолжают.

Вместе с изделиями из черного дерева и слоновой кости красуются настоящие дары природы: огромные черепаши панцири и причудливые океанские ракушки весом в полпуда. Я с удовольствием порылся в монетных «кладах»: здесь еще встречаются большие серебряные индийские рупии времен английской королевы Виктории, рупии с изображением Эдуарда VII и Георга V. Но из старых занзибарских монет можно найти только два типа медных песа. Знаменитый серебряный риал, полуриал и четвертириал Занзибара давно уже стали редкостью даже на самом острове.

За короткую прогулку по городу я, конечно, увидел не так уж много. Но одна картина меня поразила больше всего. У входа в старый мусульманский дворец на двух столбиках возвышался деревянный двускатный навес, издали похожий на наш деревенский колодец. Под навесом находилась выдолбленная деревянная люлька:

Мне объяснили, что этот дворец отдан под сиротский приют, а в люльку матери кладут своих младенцев, если не хотят или не могут их вырастить сами. Подкидышей воспитывает государство. Сейчас правительство Занзибара проявляет заботу не только о малолетних. Старики получают пенсию; образование и медицинское обслуживание на Занзибаре и Пембе бесплатные.

Красивы стрельчатые арки города Занзибара и тяжелые резные деревянные двери с рядами блестящих латунных шипов. На острове своеобразный культ дверей: даже в сравнительно бедных домах с облупившейся штукатуркой двери — настоящее произведение искусства, а латунные шипы везде начищены до блеска.

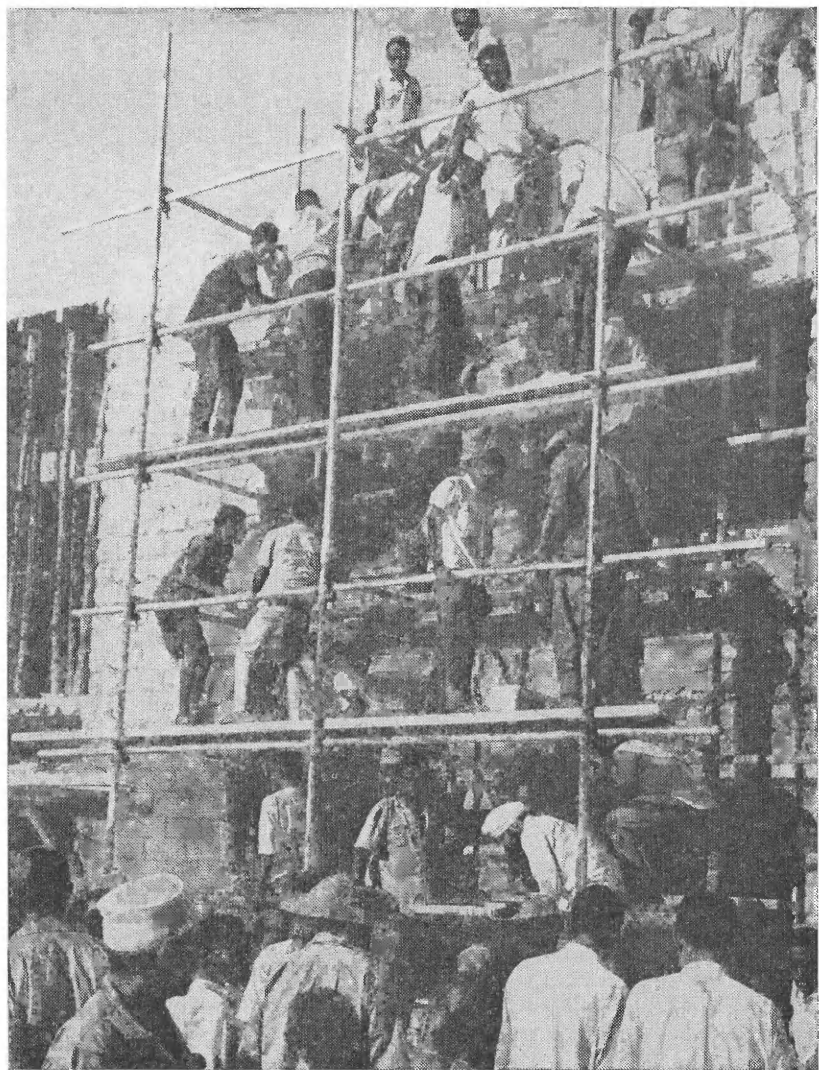
Но это все в старой части города, сохранившей прежний вид. Есть на Занзибаре и другие кварталы, которые тоже не назовешь современными. Это глинобитно-лачужный город, совершенно справедливо и безжалостно обреченный на слом. На месте разрушенных допотопных хибар возводятся современные многоэтажные дома со всеми удобствами. Они, по замыслу руководства партии Афро-Ширази, в ближайшие годы должны стать основной достопримечательностью Занзибара.

Вокруг штаб-квартиры партии уже возникли новые жилые кварталы. Я заглянул в одну из квартир: четыре комнаты, чисто, просторно, удобно. Мэр Занзибара, Мторо Рехани, он же вице-председатель партии Афро-Ширази, рассказал, что строительство обходится недорого, так как жители города принимают в нем активное участие. Они строят для себя. Каждый получит бесплатную квартиру, даже часть мебели и будет платить только за электричество и воду, а в сельской местности для крестьян бесплатны даже коммунальные услуги.

Занзибарские агрогородки

Как же выглядят необычные занзибарские агрогородки? Этот вопрос, пожалуй, интересовал меня больше всего.

Дорога разрывает густую зеленую массу деревьев надвое. Сплошная многоярусная зелень, почти смыкающаяся высоко над асфальтом, оставляет иногда лишь маленькие промежутки для неба. На самом верху ца-

Строительство дома во время одного из воскресников

рят кроны бесконечных кокосовых пальм. Как бы соревнуясь с ними, кое-где тянутся к небу великолепные пламенные деревья в огромных пурпурно-оранжевых цветах. Эти цветы, словно аккумуляторы солнечного света, даже в пасмурную погоду удивительно яркие. Таких высоких пламенных деревьев, как на Занзибаре, я больше нигде не встречал. В нижнем ярусе растет манго, потом бананы, еще ниже кассава, ямс. Среди бананов — отдельные хижины из прутьев, обмазанных глиной, будто бы часть самой земли. У хижин крестьяне сушат груды кокосовых орехов. Так выглядит сельская местность Занзибара. Пока это кокосовый лес, отдельные поля и отдельные хижины. Агрогородки еще не стали реальностью, скорее они — только наметки на будущее. В ближайшее время планируется построить шесть поселков городского типа на Занзибаре и пять на Пембе.

Нам показали строительные площадки одного из таких городков — Килимани. Видимо, единственный, более или менее законченный городок такого типа на Занзибаре — это Бамби. Правда, и он еще строится. Но в нем уже живут. Городок рассчитан на 10 тысяч крестьян из округи в радиусе примерно 10 километров. Население Бамби пока состоит в основном из единоличников, которые будут продолжать обработку своих индивидуальных наделов. Как нам объяснили, смысл таких городков заключается в том, чтобы дать крестьянам электричество, свежую питьевую воду, школы и медицинское обслуживание.

Бамби — подтверждение того, что правительство Занзибара уделяет большое внимание модернизации быта крестьян, пытается, насколько это возможно, в кратчайший срок приблизить условия их жизни к уровню XX в. Однако я никак не мог понять, почему при этом не говорится о кооперации крестьянства, почему занзибарец остается в своей массе единоличником.

На эти вопросы ответил председатель Революционного совета Занзибара, первый вице-президент Танзании Абуд Джумбе. Смысл его объяснения сводится к следующему. До независимости положение с землей на Занзибаре и Пембе складывалось совсем иначе, нежели на материковой части Танзании, где не было недостатка в земле. На островах земля принадлежала поме-

щикам-феодалам, к которым крестьяне нанимались батраками. Поэтому вопрос о распределении земли был наиболее важным для крестьян — основной движущей силы занзибарской революции. Придя к власти, партия Афро-Ширази объявила землю государственной собственностью. Крестьяне впервые получили свои наделы. Это очень важный момент, раскрывающий психологию островного крестьянина: он боролся за землю, впервые стал мелким собственником и самостоятельно осваивает свой участок земли. Он не готов к объединению в кооперативы; на данном этапе ему не понять, почему только что предоставленную землю снова вроде бы станут «отбирать». А. Джумбе подчеркнул, что в перспективе крестьянин Занзибара и Пембы придет в кооператив, но для этого потребуется время.

Для того чтобы лучше понять слова А. Джумбе, взглянем в историю.

На Занзибаре и Пембе до конца XIX в. официально существовало рабовладельческое общество, причем разделение на рабов и рабовладельцев носило исторически сложившийся, ярко выраженный расовый характер: класс рабовладельцев в основном составляли арабы, в то время как рабами были африканцы, привозимые на острова с континента.

Только в 1897 г. появился так называемый декрет об эмансипации рабов. Однако и он практически не положил конец работорговле. Согласно декрету, раб имел право требовать освобождения при условии, если его хозяин взамен получал денежную компенсацию. В начале XX в. была создана специальная ассоциация бывших рабовладельцев, следившая за тем, чтобы каждый хозяин получал компенсацию сполна. «Бывшие рабы обычно не находили свободной земли и вынуждены были селиться в черте арабских поместий на условиях, которые по существу оставались рабскими, хоть так их больше не называли», — написано в справочнике «Танзания сегодня», изданном министерством информации страны в 1968 г.

Декрет 1897 г. не устранил кабальную зависимость, а лишь создал некоторые предпосылки для постепенного изменения ее формы: от рабской к феодально-батрацкой. На плантациях по-прежнему оставалась низкая производительность труда, и занзибарский крестьянин

не был заинтересован в ее повышении, так как земля все еще была для него чужой.

Такая «реформа» не могла удовлетворить занзибарских крестьян. И если бы они умели читать, то, наверное, горько посмеялись бы над излияниями одной миссионерской газеты, выступившей тогда с восторженным панегириком по поводу якобы состоявшейся «эмансипации». Газетка писала: «Ликуйте и воздавайте хвалы, ибо люди теперь не просто предметы, а все дети адамовы, одного происхождения, даже слабоумные и убогие имеют свое достоинство... У каждого есть свои права, свое состояние, своя жена, свое достоинство, на которые никто не может покушаться без причины — у Африки тоже будет свой день!»

Таким образом, в недавнем прошлом, которое еще сохранилось в памяти старшего поколения, Занзибар испытал бурное развитие не только классовых, но и расовых взаимоотношений и вместе с тем все тяготы иностранной зависимости. О каких правах африканца в то время могла идти речь? Со времени «эмансипации» прошло еще более полувека развития на Занзибаре самого махрового феодализма, прежде чем настал долгожданный день антифеодальной крестьянской революции.

После революции 12 января 1964 г., в результате которой была свергнута власть султана, землю получили около десяти тысяч семей на Занзибаре и более 8 тысяч на острове Пемба. В среднем размеры крестьянских наделов не превышают трех акров, хотя в отдельных случаях для многодетных семей они могут быть несколько увеличены. Крестьяне выращивают на своих участках продукты для семьи и частично экспортные культуры, урожай которых за деньги сдается государству.

Кое-где на островах уже имеются общественные угодья, где крестьяне работают сообща. В этих районах создаются наиболее благоприятные условия для перехода к кооперативному хозяйству.

Партия Афро-Ширази придает особо важное значение проведению в жизнь политики максимального экономического самообеспечения островов. Выступая на пресс-конференции, устроенной для группы посетивших Занзибар журналистов, А. Джумбе подчеркнул, что самообеспечение является основой экономической полити-

ки партии. Монокультурный характер сельского хозяйства островов порождает постоянную зависимость от цен на мировом рынке. Одновременно острова постоянно вынуждены ввозить из-за границы промышленное оборудование, товары широкого потребления, продовольствие. Как отметил А. Джумбе, пока Занзибару приходится муку и сахар импортировать из Западной Германии, рис — из КНР, бобы и горох — из соседней Кении. Ввоз продовольствия связан с большими затратами иностранной валюты. Временные перебои в снабжении сразу же вызывают рост спекуляции дефицитными товарами. В последнее время правительство Занзибара принимает необходимые меры к тому, чтобы наладить бесперебойное снабжение населения продовольствием и потребительскими товарами.

Оно стремится к тому, чтобы по возможности наладить производство необходимых продуктов питания и товаров широкого потребления у себя на островах. В марте 1972 г. занзибарцы приступили к строительству своего сахарного завода в местечке Махонда, рядом с которым осваиваются новые площади под государственную плантацию сахарного тростника. Нам показали государственное хозяйство Упенджа, где выращивают рис и имеется своя птицеферма. На Занзибаре построена небольшая табачная фабрика. Налаживается производство обуви на кожевенном заводе. Недавно открытый технический колледж уже выпускает своих собственных специалистов. Заработала мастерская по сборке и ремонту тракторов.

С группой журналистов я посетил эти новостройки и первые небольшие предприятия Занзибара. И тут мне вспомнился белый мраморный столбик, сохранившийся в центре города. На нем высечено: «До Лондона 8064 мили». Когда-то для Занзибара эта надпись имела глубокий смысл, а сейчас столб стал обыкновенным верстовым или чем-то вроде музейной реликвии. У Занзибара есть и будет еще много различных проблем, но слова А. Джумбе, сказанные им на пресс-конференции, о том, что все, сделанное самими занзибарцами, вызывает у них гордость, особенно понятны. Впервые судьба Занзибара оказалась в руках самих занзибарцев.

Стремление к национальному самоутверждению охватывает широкий круг вопросов и касается самых раз-

нообразных сторон жизни. Так, в начале 1973 г. на Занзибаре был принят специальный декрет, строго определяющий форму одежды, а также длину волос и фасон прически.

Вот что по этому поводу писала танзанийская газета «Дейли ньюс»: «Наказание от шести месяцев тюремного заключения до пожизненной изоляции в колониях особого типа ожидает каждого на Занзибаре и Пембе, включая тех приезжих, кто после 1 мая будет неприлично одет или появится с длинными волосами». Декрет, в частности, предусматривает, чтобы женщины носили платья ниже колена, будь то «в положении стоя, сидя, нагнувшись или даже во время сна». На платье не должно быть никаких вырезов, обнажающих тело. Они не должны быть узкими, не должны стеснять движения или плотно облегать фигуру. Запрещается носить прозрачные ткани, парики и применять косметику, придающую женщине «кукольный вид».

В отношении мужчин запреты несколько лаконичнее: нельзя появляться в шортах, слишком узких брюках, а также в прозрачных тканях, обнажающих «секретные» части тела, в том числе... спину и грудь. Длина волос у мужчин не должна превышать двух дюймов, то есть примерно пяти сантиметров, запрещаются парики.

В порядке исключения носить шорты разрешается спортсменам и детям не старше десяти лет.

Нарушителей доставляют в ближайшее отделение народного суда и в течение 48 часов выносят им приговор. На первый раз местные или приезжие франты могут отделаться строгим предупреждением или принудительной стрижкой волос. Попавшимся во второй раз грозит тюремное заключение на полгода, в третий — на год, в четвертый — на два года, ну а самых закоренелых «рецидивистов» будет исправлять пожизненная каторга. Приговор суда обжалованию не подлежит. Корреспондент «Дейли ньюс» на Занзибаре Р. Мхандо писал: «Правительство продолжительное время с беспокойством наблюдает падение нравов, особенно среди местной молодежи, которая копирует декадентский стиль, распространенный за рубежом и не имеющий ничего общего с африканской культурой...».

Парикмахеры на Занзибаре с удовольствием потирают руки. В их салонах снова по-весеннему весело

зажужжали начавшие уже ржаветь машинки. Правда, декрет может иметь и некоторую отрицательную сторону, скажем, в плане развития туризма. Как раз накануне принятия декрета администрация Занзибара объявила о своем стремлении всячески развивать эту приносящую большие доходы отрасль экономики. Прочитав о декрете, турист глянет в зеркало, приложит линейку к своей шевелюре и сменит... Что, прическу или авиабилет?

Впрочем, кто его знает — моды изменчивы.

В отделении авиакомпании «Ист-Африкэн эйрвейз» в Дар-эс-Саламе, где продаются билеты на Занзибар, на конторке под стеклом лежит копия декрета, напоминающая на всякий случай о том, как и во что одеться перед поездкой на остров. А особо забывчивым индивидуумам обоего пола в аэропорту Занзибара временно выдаются штаны.

Кроме мод, у занзибарцев, конечно, есть много других проблем. Вот одна из них, пожалуй, наиболее серьезная: на мировом рынке растут цены на промышленную продукцию, в том числе на тракторы и строительные краны, а цены на сельскохозяйственное сырье колеблются. Поэтому правительство Занзибара треть своих фондов, получаемых от экспорта гвоздики и копры, откладывает на «черный день», создавая неприкосновенный запас валюты, который превышает уже 550 миллионов шиллингов. На фоне этой цифры решение о создании своего телецентра, может быть, и не выглядит особенно удивительным. Строительство телецентра обошлось островам в 21 миллион шиллингов. Между прочим, это первое в Африке цветное телевидение. Планируется его широкое использование для передачи общеобразовательных программ...

По вечерам на Занзибаре стоит такая тишина, что ушам больно. Обманчивая тишина. Во время первой поездки на остров я видел там очень много оружия, видел настороженность занзибарцев. Во вторую поездку я старался понять внутреннюю логику развития Занзибара. Все, что происходит там, можно, пожалуй, объяснить одним стремлением: поскорее и как можно дальше уйти от темного феодального прошлого, от иностранной зависимости и сделать все возможное для того, чтобы ни то, ни другое никогда не повторилось.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВСЛЕД ЗА ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ

При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад
вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды
увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит...

Эпос о Гильгамеше

Этими словами древнейший письменный памятник — «Эпос о Гильгамеше» повествует, как Утнапиштим, прообраз легендарного библейского Ноя, наконец вышел из своего ковчега, приставшего к таинственной горе Нисир, и встретил утро седьмого дня после потопа, следы которого действительно обнаружены археологами в долине рек Тигра и Евфрата. Эпос рассказывает, что, кроме птиц, Утнапиштим взял с собой в ковчег «скот степной и зверье».

Начиная с этого величайшего поэтического произведения, лежащего у самой колыбели человечества, и до наших дней в жизни, в легендах и сказках нас постоянно сопровождают животные. Люди одухотворяли, обожествляли их, наделяли сверхъестественными качествами, украшали их мир неповторимой, волшебной красотой и в то же время обрекали на «зверское» уничтожение и вымирание. Средневековые арабские поэты писали свои чувственные касыды на выделанных кожах.

«Не удивительно, что в тропических странах, где ящерицы, змеи и лягушки достигают необыкновенных размеров, что там и болотные птицы, отчасти питающиеся этими гадами, так же очень велики. Колоссальный марабу в Африке и Индии заступает место американского ябиру. Наружность марабу отвратительна до смешного.

Голова и шея его почти совершенно голы. Голова, только местами покрытая редким пухом, как будто бы облезла вследствие болезни; шея еще более обезображена толстым мясистым наростом, который, как колбаса, висит над грудью. Огромный, в 1,5 фута длиною, клюв имеет при основании 16 дюймов в окружности. Этот клюв придает особенно комическое выражение взгляду марабу. Когда он стоит на болоте на своих трехфутовых ногах, в своем сером платье и белом жилете, вобрав шею и склонив голову, как будто погруженный в самые глубокие философские соображения, то можно подумать, что имеешь перед собой первого схоласта из всех тварей». Это описание одной из самых распространенных птиц Африки взято из книги немецкого ученого Гартвига «Тропический мир», вышедшей в переводе на русский язык в 1862 г.

Птицам марабу повезло. За прошедшие сто с лишним лет их судьба в общем-то не изменилась. Я видел многочисленные стаи марабу у низменных болотистых берегов речушки Ати, милях в четырнадцати к югу от Найроби, недалеко от «Кения мит комишн» — предприятия по производству мясных продуктов. Марабу питается не только лягушками, но и всякими отбросами. Эта птица не вызывает поэтического восхищения, и потому никто не покушается на ее схоластически-задумчивое, медленное, размеренное существование.

Другое дело страусы. Опахала из страусовых перьев и подушечки из страусового пуха украшали быт знаменитого арабского халифа Харуна ар-Рашида, героя «Тысячи и одной ночи». Трудно представить себе любой аристократический салон XIX в. без веера из страусовых перьев. Тот же Гартвиг писал, что эти перья дорого стоили не только людям, но и самим страусам: «Известно, что белые и черные перья крыльев страуса составляют предмет немаловажной торговли. На Капе (Капская область в Южной Африке.— В. С.) фунт страусовых перьев стоит от 2 до 12 гиней. Чем тоньше стержень и чем больше и шелковистее лопасть пера, тем дороже оно ценится. На фунт приходится от 70 до 90 перьев, тогда как каждая птица может дать едва ли более дюжины, потому что не все перья идут в дело».

Диковинный, экзотический животный мир Африки начал заметно исчезать еще задолго до XIX в. с появ-

лением на континенте иноземных пришельцев-завоевателей. Вместе с ними в древности в Африке появились некоторые полезные животные: корова, лошадь, верблюд. Но это вовсе не оправдывает хищнического истребления редчайших видов фауны, которое, особенно в XIX в. приняло угрожающие размеры. Было подсчитано, например, что для добычи слоновой кости, поступившей на мировой рынок в 1885 г., пришлось убить 65 тысяч слонов.

Любопытно, что именно в XIX в. вместо некогда ввозимых полезных животных в Африку с колонизаторами прибыли «нежелательные эмигранты». Явились они почти классическим контрабандным путем. Речь идет о переселении в Африку так называемой песочной блохи. Самка блохи для откладывания яиц проникает под кожу человека или животного и вызывает сильный зуд, а в отдельных случаях — и заражение крови. «Вероятно, — пишет немецкий географ профессор Ф. Ган, — в 1872 году она перебралась вместе с песочным балластом из Южной Америки в португальскую провинцию Анголу, сперва медленно, а затем вследствие новейших войн и народных передвижений все быстрее подвигалась внутрь материка, и в 1898 году, заканчивая нежелательное путешествие поперек Африки, достигла берега Германской Восточной Африки (нынешней Танзании. — В. С.) на Индийском океане».

К этому времени из Африки вывозили все, что только можно было увезти оттуда, начиная со скульптур древних священных египетских животных и кончая слоновой костью, львиными шкурами и перьями страуса. Удивительно, как уцелел знаменитый Сфинкс, этот полулев-получеловек, вечный страж пирамид в Гизе. Видимо, решающую роль сыграли его колоссальные размеры. Говорят, Наполеон, раздраженный величием Сфинкса, приказал бомбардировать его ядрами из пушки, но сумел отбить только кончик носа.

В наши дни вопрос об охране животных приобретает все большее значение. Четвероногие друзья стали для человека объектом самого тщательного научного исследования. Люди учатся охранять природу.

Как-то на досуге решил я заняться арифметикой. Получились любопытные цифры. В начале 70-х годов в 38 африканских странах охрана природы стала госу-

дарственным делом. В разное время в различных государствах были приняты соответствующие законы. В Алжире закон об организации национальных парков действует с 1912 г., а в Сенегале кодекс законов об охоте и охране фауны принят в 1967 г. В настоящее время в Африке насчитывается свыше тысячи охраняемых территорий и объектов. Из них более 130 — крупные национальные парки и заповедники, в которых сохраняются редкие и исчезающие виды животных. Общая площадь охраняемых территорий приближается к миллиону квадратных километров, или тридцатой части всего Африканского континента. Чтобы лучше представить себе эту цифру, достаточно сказать, что она примерно равна площади одного из таких крупных государств Африки, как Арабская Республика Египет, Танзания или Нигерия.

Причудлив и разнообразен животный мир Восточной Африки. В проспектах Найробийского заповедника среди львов, зебр, жирафов и десятков других исчезающих животных можно встретить, например, белого носорога. Это поистине редкость.

Однажды, проезжая по этому заповеднику, я подумал: кого же здесь больше, животных или туристов? Животных, во всяком случае, великое множество. «Наше золото», — как-то заметил вскользь один знакомый кениец. Известно «голубое», «белое», «черное» золото. Придумали, кажется, и «пушистое» — меха. «Золото» Восточной Африки сохраняется в живом, естественном виде. В статях дохода туризм занимает в Кении одно из первых мест.

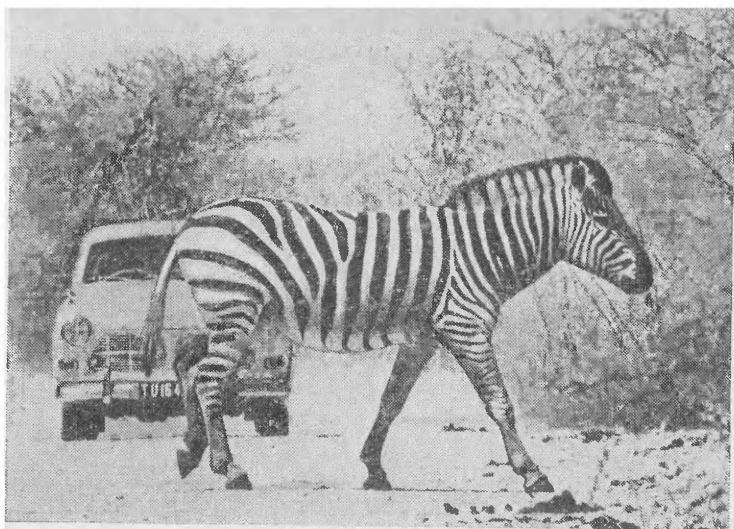
Но вернемся к тем временам, когда еще не было найдено столь удачного компромиссного решения. Эффектный спектакль «Животные на воле» еще не давал должных сборов, и в золото превращались только шкуры, меха и клыки. Именно в это время возник весьма оригинальный способ сохранения животных, о котором стоит рассказать поподробнее. В начале века в Кении, которая еще не имела своего собственного имени и вместе с Угандой входила в состав Британской Восточной Африки, появился человек с крупнокалиберным ружьем. Цель его прихода звучала по меньшей мере парадоксально: убивать для того, чтобы сохранить. Это был американец Карл Экли (1866—1926), изобретатель, скульптор, неутомимый исследователь. Можно было

ожидать, что сын фермера, немецкого эмигранта, всю жизнь проживет дома, недалеко от Нью-Йорка, занимаясь сельским хозяйством. Но Экли, по его собственным словам, почему-то с раннего детства интересовался охотой, птицами и мелкими животными больше, чем посевами и скотом. Маленький Карл вымачивал шкурки в уксусе и набивал их опилками и соломой. У него не было денег на книги, и случайно найденное старое руководство по набивке чучел он выучил почти наизусть. Едва ли он сам тогда подозревал, что детская игра перерастет в деятельность, имеющую большое научное значение. Случай свел молодого фермера с ученым-натуралистом. Для совершенствования своего мастерства Экли принялся изучать зоологию, анатомию и искусство скульптуры. Вместо грубых каркасов и шкур, набитых сеном и сшитых буквально «белыми нитками», Экли впервые применил глину, гипс, бетон, и шкуры ожили, обрели «плоть и кровь». Крупные естественноисторические музеи мира украшены панорамными группами животных Карла Экли.

Экли был исключительно работоспособен. За тридцать лет он изготовил сотни чучел, среди которых десятки таких гигантов, как слоны и носороги. Материал для своих панорамных групп он добывал сам в странах Центральной и Восточной Африки, совершив туда пять длительных экспедиций.

«Сам по себе процесс убийства разного рода животных,— пишет Экли,— доставлял мне, должен признаться, небольшое удовольствие. И лишь во время охоты на слонов и на львов мне случалось, при известных условиях, испытывать спортивное удовлетворение от борьбы с хорошо вооруженным противником. Убивать мне приходилось много, иначе я не мог бы выбрать подходящие для музейных коллекций экземпляры, но от бойни у меня на душе всегда оставался дурной осадок».

Сейчас метод «сохранения» Экли может показаться немного наивным. Но тогда других методов не было. Животный мир исчезал на глазах, и Экли был одним из первых, кто забил тревогу. В наши дни этой проблемой занята целая армия ученых-натуралистов, несущих вахту в многочисленных заповедниках. Хочется верить, что за их кропотливый, нелегкий труд по сохранению волшебного мира люди будущего скажут спасибо.

Зебры не обращают
никакого внимания на автомобили,
а дорогу перебегают там, где им вздумается

Полвека спустя — по следам Экли

В те времена, когда работал Экли, в Восточной Африке еще не было заповедников. Охотиться сюда приезжали американский президент Теодор Рузвельт, позднее — Эрнест Хемингуэй. Книга Карла Экли «В сердце Африки»* рассказывает о встрече натуралиста с животными, которые уже тогда становились «последними из могикан». Мне же, в свою очередь, захотелось пройти по его следам, чтобы попытаться сравнить свои впечатления о животных Африки с зарисовками этого крупного ученого.

Итак, рассказывает Карл Экли:

* К. Экли, В сердце Африки, М., 1930.

Следы на песке — какое-то животное протащило тушу гиены вдоль поляны. Пройдя несколько шагов по этому следу, я услышал в кустах легкий шорох, а затем увидел в стороне неясный силуэт какого-то зверя. Зверь скользнул за ближайший куст.

Тут я сделал глупость, непростительную для опытного охотника. Я выстрелил в куст, не думая о том, в кого стреляю. В ответ послышалось рычание леопарда, и тут только я понял, с кем свел меня случай. Леопард — животное из породы кошек — обладает живучестью, увековеченной в известной легенде о том, что в кошке сидят «девять жизней». Бить леопарда можно только сразу, без промаха. Кроме того, леопард, в отличие от льва, немедленно сам переходит в нападение. Будучи раненным, леопард борется до конца, хотя бы путь к отступлению и был открыт. Если же леопарду удастся вцепиться зубами и когтями в противника, он уже не выпустит его живым. Все это пронеслось у меня в голове, и я решил, что лучше всего будет убираться восвояси. Мне вовсе не хотелось на собственной шкуре убедиться в том, насколько опасен раненый леопард. К тому же было уже настолько темно, что я не мог поручиться за точность прицела.

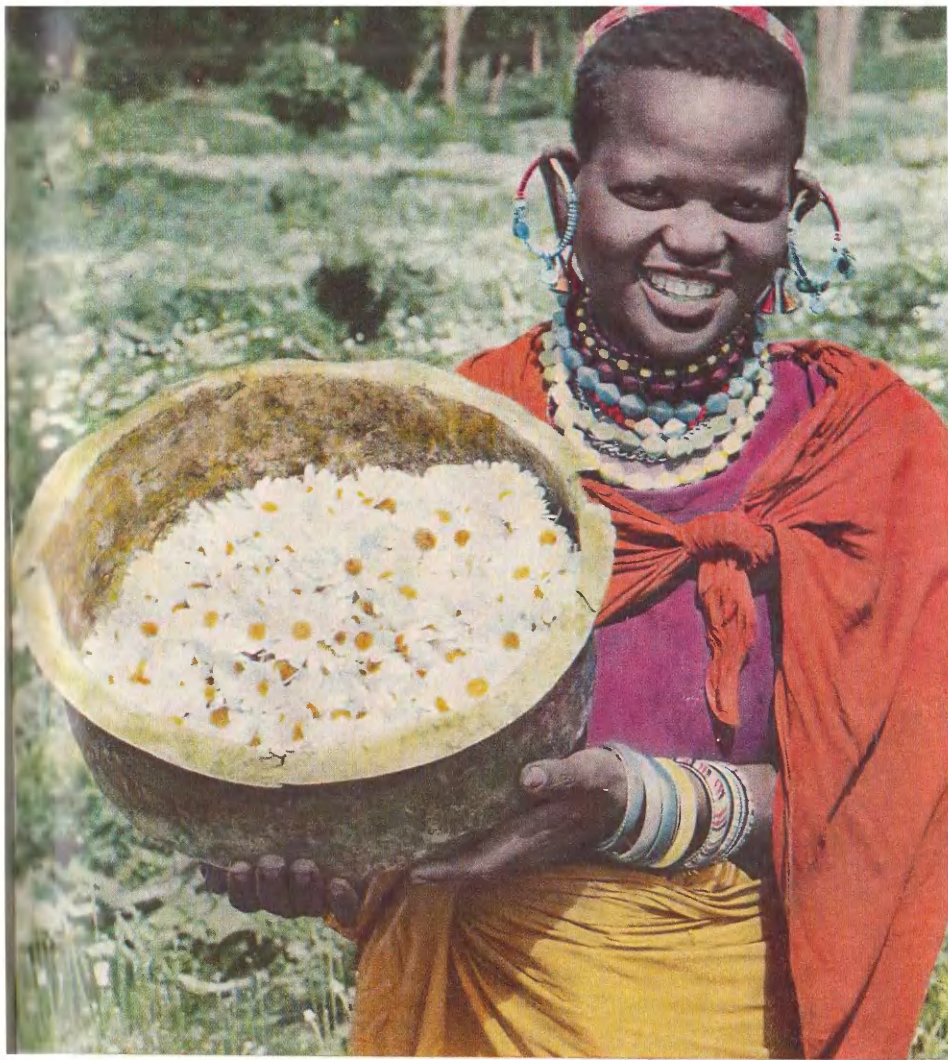
Я решил отложить расправу с леопардом до утра. Если мне удалось его ранить, то найти его снова будет не трудно.

Я повернул налево от куста, за которым сидел леопард. Я तोпился перейти через лежавшее рядом глубокое, совершенно сухое русло ручья и подняться на противоположный его берег. Пройдя несколько шагов по песчаному дну, я очутился на островке, разделенном ручей на два рукава. Мне показалось, что если пройти вдоль острова к верхнему его краю, то удастся издали заглянуть за куст, скрывавший леопарда. Но тут я увидел, что зверь тоже переходит через русло метрах в двадцати выше меня. Я снова выстрелил, хотя целиться в темноте было трудно. Пуля зарылась в песок позади леопарда. Однако третья пуля все же попала в цель. Леопард остановился, и я было подумал, что ему конец. Мой негритенок разразился даже победным кличем, но клич его был в ту же минуту заглушен тем странным ревом, который издает приведенный в бешенство леопард в момент нападения. На секунду я был парализован страхом, но быстро опомнился, и решил действовать. Я взялся за ружье, но тут же вспомнил, что патроны расстреляны без остатка и что обойма пуста. Одновременно с этой мыслью я ощутил в руке еще один патрон. Помнится, я хотел зарядить им ружье, когда мы подходили к месту, где должна была лежать гиена.

— Хоть бы мне успеть зарядить ружье, прежде чем леопард кинется на меня!

Леопард уже подходил к берегу.

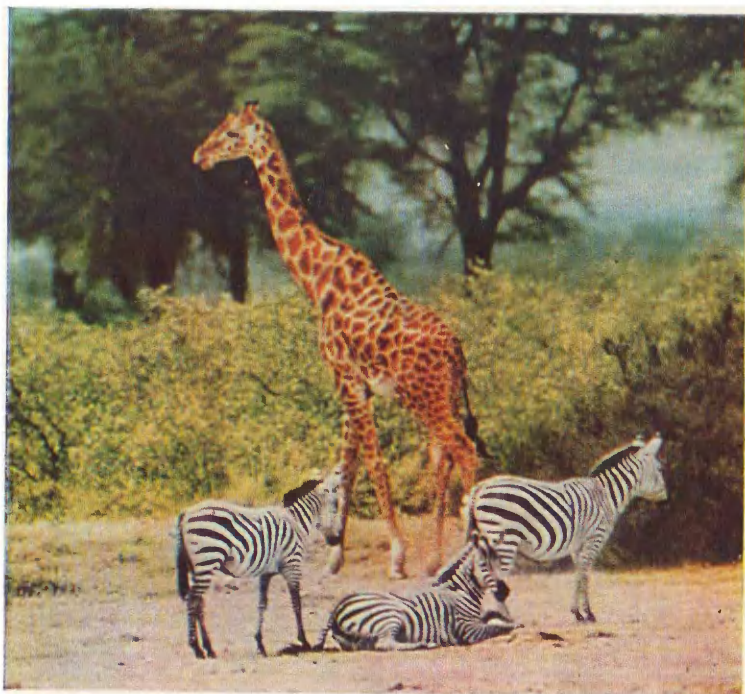
Тогда я отбежал на несколько метров к другому берегу. Вогнав патрон в зарядник, я повернулся — леопард был передо мной, он прыгнул еще раньше, чем я обернулся. Ружье вылетело у меня из рук и на месте ружейного приклада на плече повисла тяжелая — около тридцати пяти килограммов весом — разъяренная кошка. Она намеревалась вцепиться зубами мне в горло, а передними лапами удерживалась на весу. Леопардам свойственна очень «приятная» манера — раздирать когтями задних лап живот противника и нижнюю половину его тела. На мое счастье леопард промахнулся и не вцепился мне в горло, а повис на груди и стал грызть правое предплечье. Благодаря этому, с одной стороны, уцелела моя глотка, а с

Сборщица цветов пиретрума

Дикие животные заповедников Кении и Танзании

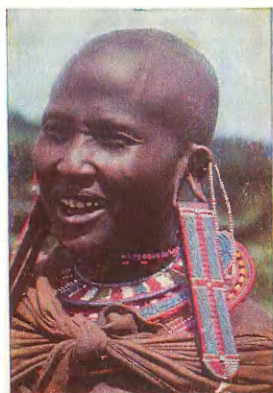

Масайские юноши
готовятся к празднику

Девушка из племе-
ни масаи

Масайские женщины в праздничных
национальных одеждах

Замужняя женщина
масаи в праздничном
наряде.
Бритая голова — при-
знак старшей жены

шелохнулся, только нервным движением слегка растопырил уши.

Справа и слева кустарник, так называемый африканский буш. Это не совсем наш кустарник. Среди зарослей и колючек трудно пробраться пешком, а на машине — даже нечего и пытаться. Сзади каменистый пригорок. Камни — настоящий горох. Взберешься ли назад? Я заглушил мотор и стал ждать. Слон не собирался уступать нам дорогу, время от времени продолжая подергивать ушами.

Вчера днем, где-то в этих местах мы встретили крупного носорога. Он стоял совсем близко, но не был настроен агрессивно. Мы остановились, снимали его и двинулись дальше. Было солнце, и мысль об опасности просто не приходила на ум.

Этот слон наверняка здесь не один, а с семьей, которая спряталась в кустарнике. Он охраняет их. Поэтому сразу же пришлось отказаться от попытки прорваться через столь неожиданный кордон. Можно попасть в западню. Я вспомнил историю о том, как однажды в кенийском заповеднике Цаво группа туристов остановилась поблизости от стада слонов, чтобы их сфотографировать. Две легковые машины спрятались в тени баобаба. Водители подняли капоты, чтобы немного остыла вода в радиаторах. Слоны вели себя мирно и вроде бы не обращали внимания на туристов. Один из них подошел совсем близко и случайно задел хоботом горячий мотор. Тут началось! Как потом рассказывали, слоны вмяли в землю эту машину, а вместе с ней трех или четырех пассажиров...

Мы продолжали тихо ждать. Я сделал несколько кадров из кабины, пока слон не отошел немного в сторону. Как оказалось, с ним действительно были и другие слоны по крайней мере — штук шесть. Среди них самки с детенышами.

Не позавидуешь питекантропам, которые ходили на мамонтов с камнями и палками! Зато у слонов есть все основания завидовать своим далеким предкам. Тогда охота напоминала дуэль. Потом, с усовершенствованием оружия, животных стали истреблять в таких количествах, что их дальнейшее существование оказалось под угрозой. Правда, вместе с животными стало исчезать и славное племя охотников, потомки которого перешли

на работу в заповедники или просто выродились в туристов, ведущих прицельный огонь из телеобъективов. От того, что стало меньше охотников, никто не пострадал, разве что охотничьи рассказы потеряли свой былой аромат и стали слишком уж правдоподобными.

* * *

Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как Экли охотился в Восточной Африке. За это время многое изменилось.

— Простите, сэр, что пришлось вас побеспокоить. Мы хотели бы заглянуть в багажник вашей автомашины,— настоячиво, хоть и вежливо, сказал молодой загорелый англичанин, одетый в куртку и шорты цвета хаки. Двое африканцев стояли поодаль.

Этого я не ожидал. Когда увидел человека с поднятой, как семафор рукой, то решил, что он, видимо, просит подвезти до города.

— С удовольствием,— ответил я,— если вы сначала представитесь и, кстати, объясните причину вашего любопытства.

— Мы из управления национальных парков министерства природных ресурсов,— сказал англичанин, вынимая из кармана куртки свои документы.— Еще раз извините нас, сэр, но это входит в наши обязанности. Взгляните вон туда...

У обочины дороги, там, где были его сослуживцы, что-то лежало. Присмотревшись, я увидел шкуры и рога антилоп. Все стало понятно: борьба с браконьерством.

Лучшие, живописнейшие уголки Кении отведены сейчас под национальные парки и заповедники. Это район горы Кения, озеро Накуру с розовыми фламинго, окрестности Найроби, Цаво, Амбосели и другие места. Как-то ночью львы из Найробийского заповедника забрались на ферму одного европейца и задрали нескольких коров. Шум разбудил фермера, и он пристрелил непрошенных гостей. Разразился скандал. Многие требовали отдать его под суд или вообще лишить кенийского гражданства. Вот как рассматривается теперь вопрос об охране животных в Кении. Их не только оберегают, но пытаются распространить в тех областях, которые они поки-

нули по различным причинам или где вообще никогда не водились.

«Килагуни лодж» — небольшой пансионат для туристов в заповеднике Цаво. За цементным барьером широкая открытая веранда. Внизу водопой слонов. Почти прямая, утоптанная ими тропа уходит далеко в глубь африканского буша, над которым на горизонте возвышается огромный снежный шатер Килиманджаро. В этот день собралось много туристов. Одновременно примчались несколько легковых автомобилей и крытый брезентовый грузовик, который выкатил прямо на поляну и остановился под большой раскидистой акацией метрах в пятидесяти от веранды. Двое выпрыгнули из кабины, к ним подошли другие в куртках и шортах цвета хаки. Они быстро подняли задний брезентовый полог кузова, под которым оказался плетеный заслон клетки. Кто-то с веревкой взобрался на крышу грузовика и, привязав один конец к заслону, перекинул другой через толстую ветвь акации, так что тот повис прямо над кабиной.

Рядом со мной появился седой старичок с кинокамерой. Лицо его торжественно сияло.

— Не знаете, что там происходит? — спросил я.

— Вам очень повезло, вы увидите, как будут выпускать леопарда на волю! Великолепный экземпляр! — заговорил старичок, не спуская глаз с грузовика. — Пойман в лесу на склонах горы Кения. Уже второй оттуда. Здесь, в Цаво, давно нет леопардов. Эти два будут неплохим началом...

Старичок как-то по-особому прицелился своей кинокамерой, расставил ноги, словно приготовился стрелять из ружья. Возможно, он в прошлом был охотником. Внизу люди отбежали в укрытие. Из кабины грузовика потянули веревку, и заслон приподнялся. Выше, выше... Наконец выход открылся.

Внутри клетки темно и не заметно никакого движения. Все та же напряженная тишина. Прошла минута, другая. Один из сидевших в кабине не выдержал и, высунув руку, стал постукивать палкой о кузов. Никаких признаков жизни, как будто клетка была пуста. Рядом со мной тяжело дышал старичок, не отрывая взгляда от видеоискателя.

И вдруг (я даже не успел понять, как это произошло) под брезентовым пологом что-то мелькнуло, и

прямо на нас пулей вылетела огромная темно-желтая пятнистая кошка, вытягиваясь в траекториях прыжков. Перед самой верандой леопард резко свернул в сторону и исчез в кустах. Никто даже не шевельнулся.

Старик с сожалением опустил кинокамеру — едва ли он успел что-либо снять, — достал большой носовой платок и вытер им шею. Оцепенение понемногу спадало. Зазвенел нестройный хор возбужденных голосов, На ушастых гигантов, осыпающих себя красной пылью и игриво брызгающих из хобота водой, никто не обращал внимания. Люди в униформе снова собрались под акацией. Один из них не спеша сматывал веревку.

Вернемся к книге К. Экли:

Он долго уклонялся от борьбы, хотя я помешал ему охотиться. Но в конце концов, несмотря на тяжелые раны, лев перешел в наступление против двух белых и тридцати туземцев, хотя у него осталась полная возможность спастись от них бегством.

Я охотился за антилопами на плоскогорье Мау. Это плато расположено на высоте 2438 метров над уровнем моря, и я был уверен, что не встречу здесь львов. Однажды в небольшой долине, сжатой невысокими холмами, я видел двух антилоп. Я стал осторожно взбираться на один из холмов и вдруг услышал какое-то движение на противоположном склоне ущелья. Сначала я подумал, что там бродит еще одна антилопа, однако, поднявшись выше, обнаружил, что антилопы, которых я выслеживал, почему-то беспокойно приглядываются к отдаленному краю холма. Я стал тоже приглядываться и увидел старого льва, медленно взбиравшегося на противоположный холм. Он обернулся ко мне и вдруг прижался к земле. Он, подобно мне, выбрал на холме удобную и возвышенную точку, с которой можно было свободно обозреть всю долину. Нас разделяло только ущелье. Расстояние между нами было не более четырехсот метров. Антилопы перебежали с места на место в разделявшей нас долине. Там же внизу, как я теперь мог видеть, лежала мертвая зебра. Видимо, лев отдыхал поблизости от затравленной минувшей ночью добычи, и я побеспокоил его. Бой-оруженосцы с запасным оружием и с лошастью, которую они вели под уздцы, несколько отстали, в бывшей со мной двустволке оставался только один патрон. Учтявая это, я решил, что правильное всего будет временно отступить и вооружиться более основательно. Я боялся, что лев за это время уйдет. Это не была обычная охотничья жадность. Я боялся лишиться именно этого льва. У него была замечательная густая черная грива. Кроме того, в этой части Африки никто никогда не встречал черногривых львов.

Когда я с запасом патронов и в сопровождении оруженосцев возвратился на прежнее место, льва там не было. Мы тщательно обыскали окрестности, но нашли только остатки съеденных им в разное время животных. Однако я крепко надеялся на то, что старый разбойник не расстанется так легко со столь богатыми дичью угодами. Я решил, что правильное всего будет остаться здесь на ночь, а на следующий день продолжить охоту на льва, призвав на помощь моего спутника Кеннеди и тридцать туземцев.

Недалеко от того места, где я впервые увидел льва, начиналось ущелье, упирающееся концом своим в небольшой, но густой лесок. Склоны ущелья кое-где поросли частым кустарником. Были все основания думать, что лев, отступая, скрылся в этом кустарнике. Без особой надобности он вряд ли стал бы перебираться в лес. Поэтому у меня сложился следующий план: наутро начать наступление со стороны лесной опушки и гнать льва по ущелью в открытую долину.

Загонщики с шумом и криком оцепили ближайшие к краю ущелья кустарники. Пространство, поросшее ими, было не более ста метров в длину и пятидесяти метров в ширину. Как всегда, прежде чем войти в подозрительные заросли, загонщики стали особенно громко шуметь. Сквозь этот шум мне почудилось негромкое львиное ворчанье, но так как затем все смолкло, я решил, что ошибся, приняв за ворчанье звук, изданный кем-то из боев.

Кустарники были переплетены колючками, крапивой и какими-то растениями, усаженными длинными шипами. Пробираться через них было очень неприятно. Загонщики лишь очень медленно продвигались вперед. Я шел рядом с ними, чтобы придать им энергии. Но уже на середине пути я до такой степени исцарапался о шипы и колючки, что решил оставить загонщиков и спуститься на дно ущелья. Борьба с колючками несколько расколодила мой пыл и поколебала убеждение в том, что лев скрывается именно в ущелье. Я уселся на вершину покинутого муравьями термитника и стал поглядывать по сторонам. Вдруг Кеннеди выстрелил. Лев, неожиданно выпрыгнувший из зарослей прямо против Кеннеди, быстро кинулся в другую сторону. Он наискосок перебежал через ущелье и стал подниматься по противоположному склону. Теперь пришла моя очередь стрелять. Лев упал, но тотчас же собрался с силами и заполз в кустарник, разросшийся по краям глубокой впадины метров около пятидесяти в поперечнике. Кеннеди стал по одну сторону впадины, я — по другую, так, что оба выхода из нее оказались под огнем. Загонщики стали кидать камни и дреколье. Но лев не подавал признаков жизни. Возможно, что он околел, но еще правдоподобнее, что он притаился совсем рядом с нами и готовится к бою.

Нам очень хотелось знать, что он там делает, но любознательность эта была все же не настолько велика, чтобы заставить кого-нибудь подползти к кустам и заглянуть в них. Наконец мой оруженосец Дудо предложил разложить костер и выкурить зверя. Когда огонь разгорелся, Дудо бросил горящую головню в ту часть зарослей, где, по его мнению, залег лев. Головня провалилась в кусты, послышался рев, кусты закачались. Таким образом нам удалось точно определить убежище льва. Град пылающих головней посыпался в его сторону. Однако лев не отзывался. Бои снова взялись за камни, но и это не помогло. Тогда Дудо стал стрелять из малокалиберного ружья — не для того, чтобы убить зверя, а для того чтобы поднять его из логова. Расчет его оказался правильным. Кусты снова зашевелились, и лев выполз из засады. Путь к отступлению был свободен, но лев не захотел им воспользоваться. По движению кустов мы видели, что он крадется к краю впадины. Мало-помалу он подошел к нам почти вплотную, и, хотя мы его не видели, он нас, наверное, прекрасно видел. Он стоял неподвижно на виду двух белых и тридцати негров, враждебной толпой обступивших огромный костер. А тыл его по-прежнему оставался неоцепленным. Он глядел на нас

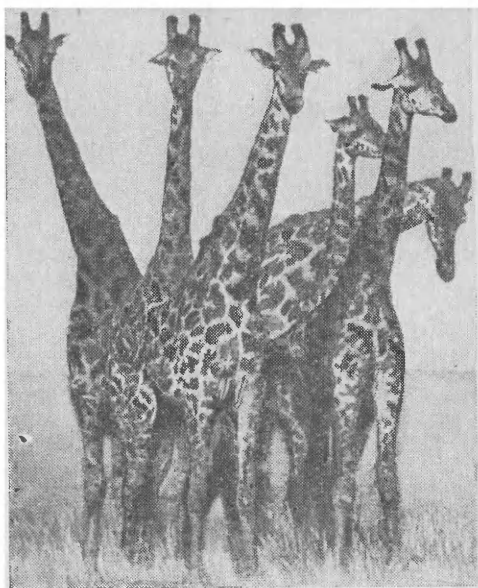
минут пять, затем грозно зарычал и кинулся из кустов. Так встретил он пулю, несшую ему гибель. Он пал в борьбе с врагом, без единой мысли о бегстве — первый черногривый лев, убитый в британских владениях Восточной Африки. Он был стар. Шкуру его испещряли рубцы от ран. Одну из лап он когда-то сломал, но она благополучно срослась. Кончик хвоста был оторван. Однако, несмотря на все эти повреждения, это был превосходный экземпляр черногривого льва.

Четверо в общем-то нормальных и уже не совсем молодых людей давятся от смеха, ерзая на сиденьях автомашины, то и дело поворачиваются в разные стороны, шумят, жестикулируют. Один из них я. Про трех моих спутников я могу с полнейшей уверенностью сказать, что таких бурных и восторженных восклицаний от них не слышали лет двадцать-двадцать пять. Они и сами не подозревали, что еще способны на столь непосредственное выражение чувств. Мы ехали с закрытыми окнами. Жара давала себя знать, я опустил стекло и высунул локоть наружу. «Лев!» — крикнул кто-то, и я отдернул руку, больно ударившись о дверцу, вызвав очередной приступ хохота... Такой запомнилась мне первая поездка в заповедник Найроби.

Заповедник начинается прямо у южной окраины города. Рядом большой открытый кинотеатр, так называемый «драйв-ин». Смотреть фильмы приезжают сюда на машинах, останавливаются, где кому удобно: пожилые и одинокие — поближе к бару, молодые — к интимной дальней стенке, постоянному месту авторандеву, а дети бегают по всему «драйв-ину», пока не утомятся и не уснут на заднем сиденье на радость утомленным родителям. Близость животных здесь ни у кого не вызывает эмоций. Бетонные стены «драйв-ина» сверху на всякий случай посыпаны битым стеклом. Бесплатными зрителями могут быть только жирафы.

Чугунные ворота заповедника украшены силуэтами львов в знак того, что за ними начинается львиная держава. Заповедник Найроби — первый в Кении — был образован в 1946 г. на площади в 11,4 тыс. гектаров. Он раскинулся на возвышенном лавовом плато с небольшими холмами и оврагами, поросшими густой высокой травой, кустарником, кое-где лесом. Днем здесь царят спокойствие и всеобщее согласие, вечером — лвы.

Едва ли со времен Экли что-нибудь изменилось в

Бесплатные зрители

повадках животных, разве что они привыкли к туристам. На капот развязно прыгают попрошайки-бабуины и протягивают ладошку к открытому ветровому стеклу: авось что-нибудь перепадет. Часами катаются непрошеные пассажиры, скалят свои собачьи морды, нетерпеливо колотят кулаками в стекло, перепрыгивают на другие машины. Разморенный шакал лакает воду по соседству с парочкой мечтательных марабу. Страус-самец, нервно распахивая веера крыльев, тренируется в строевой ходьбе. Вспоминаешь объявление в «Вечерней Москве»: «Театр купит перья страуса...». Перья — редкость, зато не редкость сам страус. Стадо зебр, похожих на толстых полосатых осликов; жирафы, какие-то эклектические существа: ноги и шея; антилопы, еще антилопы, газели... Весь этот феерический спектакль трудно представить себе, не увидев.

Но главное — это хищники, а самый главный из них — лев, который полностью властвует здесь, диктует свои законы, хочет милует, хочет — казнит, один из

наиболее мощных представителей звериного племени диктаторов, царь зверей.

Некогда распространенные по всему Африканскому континенту, в Азии и даже в Греции и Македонии, в наши дни львы почти перевелись, и Восточная Африка стала одним из очень немногих мест, где их еще можно наблюдать в естественных условиях. Вполне понятно, что каждый турист, приезжающий в заповедник Найроби, мечтает увидеть живого льва...

Оставляя за собой широкие хвосты пыли, машины с разных сторон мчатся к одному и тому же месту: маленькой роще на берегу каменистого ручья. В траве мелькает что-то желтое и лохматое.

Один за другим восемь львов! Они выходят из-за машин и ложатся на лысом пригорке. Последним пришел гривастый ветеран, мудрый, неторопливый, обремененный какими-то мыслями, заботами, а может, властью. Остальные с подобострастием поглядывают на него. Машины, которые буквально лезут одна на другую, чтобы подъехать поближе ко львам, их совершенно не интересуют. Солнце стоит низко. Оно зажигает траву и плоские кроны акаций. Скоро наступит время охоты.

На языке суахили лев — «симба». Мы привыкли к тому, что львы должны быть за решеткой. Симба свободен. Львы всегда сыты, они послушно прыгают сквозь пылающие обручи под аплодисменты зрителей. Симбе незнаком щелчок циркового хлыста, ему никто не сует куски мяса в клетку. Симба поджар, в «спортивной форме», даже худощав. Но только ему подчиняется животный мир, только такие, как он, могут удержаться здесь у власти.

Машины застыли в оцепенении. Никто не хочет трогаться с места: так бы и стояли часами. Воздух прозрачен и неколебим. В тишине мерно жужжат кинокамеры... Наконец гривастый поднимает свое семейство и ведет его в каком-нибудь метре от моей машины в степной простор. Львы помоложе крутят мордами и, нервно зевая, поглядывают на туристов, потом прыжками догоняют авангард.

Солнце коснулось горизонта и уже захлебывается в собственном зареве. Степь совершенно пуста, только львы удаляются куда-то, а за ними прямо по траве

осторожно движется несколько самых отчаянных туристов. Остальные повернули назад, туда, где на воротах красуются силуэты чугунных львов. Включили подфарники. Вереница машин почтительно замедляет ход у стада атлетических буйволов на опушке леса. Вдали в рамке разноцветных лампочек засветился бледно-голубой экран «драйв-ина». Скоро начнется первый сеанс.

А мы с вами вновь обратимся к книге знаменитого путешественника.

Мы только спустились с ледников горы Кения, лежащих на высоте пяти километров над богатейшими по количеству зверья областями Восточной Африки. Лагерь наш был раскинут в давно знакомых местах на высоте полутора-двух километров над уровнем моря. Мы стояли на том же месте пять лет назад и прожили, не снимаясь, целый год. Мы выбрали место со здоровым и умеренным климатом, так как жена моя очень устала, и ей необходимы были покой и относительный комфорт, возможные только в условиях длительной стоянки. Я же решил использовать время, пока будут доставлены необходимые для устройства постоянного лагеря материалы, чтобы всласть поохотиться в бамбуковых лесах с ружьем и с фотографическим аппаратом.

Вокруг нашего лагеря расстилалось подлинное слоновье царство. Но я поднялся выше, к местам, где кончается лес и начинаются бамбуковые заросли. Мне необходимо было тщательно изучить бамбук, так как именно этим ландшафтом я хотел окружить задуманную мною группу слонов. Запасов я взял с собою всего на четыре дня. Со мною шли пятнадцать носильщиков, бои-оруженосцы и служители, приученные к обращению с фотографическим аппаратом.

После двух дней пути мы очутились на высоте около трех километров, на границе бамбукового леса. Мы продвигались по крепко утопанной слонами тропе. По старым — приблизительно четырехдневной давности — следам можно было установить, что по тропе прошли три слона. Следы эти были необычайно велики, и я решил отложить фотографирование бамбукового леса и попытаться разыскать слонов. Я предполагал, что они пасутся где-нибудь по соседству и что преследование их займет немного времени. Мы шли до вечера, не встретив их.

На следующий день с рассветом снова пустились вперед и шли, пока перед нами не открылась одна из тех полян, на которых любят пастись слоны. Они подолгу остаются на таких полянах и покидают их опустошенными, частью пожрав, частью вытоптав мелкую растительность. Но через полгода кусты и деревца вновь достигают двух — двух с половиной метров высоты, и слоны возвращаются, когда им вздумается, на облюбованные места.

Неожиданно я наткнулся на совершенно свежие кучи слоньего помета. От них еще шел пар. Слоны не могли уйти далеко — они были здесь, самое большее, час тому назад.

Я погнался за ними напрямик, через низкий кустарник, но вскоре возвратился к тому самому месту, где впервые попал на свежие следы. Я решил обойти поляну кругом, чтобы найти таким образом свежепроложенную тропу, по которой слоны ушли в лес.

Поляна была расположена среди гор, как раз в том месте, где лес граничил с бамбуковыми зарослями. На самом краю бамбуковой рощи, по ту сторону поляны, опять оказались свежие следы. Вскоре из бамбуковой чащи до меня донесся характерный треск — слоны находились на расстоянии не более двухсот метров. Я остановился. Один из туземцев-следопытов пошел вперед. Я следил за ним до тех пор, пока он не дошел до поворота. Тут он остановился и знаком показал мне, что слоны ушли в этом направлении.

Я несколько успокоился и, повернувшись к нему спиной, стал наблюдать за носильщиками. Они снимали с плеч багаж и укладывали его у корней тесно сросшейся группы деревьев, которая в случае нападения могла послужить нам прикрытием. Двое боев-оруженосцев подали мне ружья, так как я хотел проверить, все ли в порядке. Одно из ружей я оставил при себе. Осмотрев второе ружье, я отослал одного из боев к носильщикам, разбиравшим багаж. Было холодно, по зарослям стлался утренний туман, руки мои окоченели, и я стал растирать их, прислонив к себе ствол ружья. Пока я согревался таким образом, оставшийся со мной оруженосец взял в руки пояс с патронами и стал мне показывать патроны, извлекая их один за другим, — обычная предосторожность, благодаря которой охотник может быть уверен в том, что его ружье в порядке и заряжено стальными пулями — единственными, которые в состоянии пронзить черепную коробку слона.

И вдруг, — не успев прийти к себе и продолжая растирать окоченевшие руки, проверять патроны и опираться грудью на стоявшее на земле ружье, — я почувствовал, что за мною, вернее, надо мною, стоит слон.

Я никак не могу объяснить, как и отчего я это почувствовал. Я ничего не видел и ничего не слышал. Мальчик, стоявший лицом ко мне, должен был раньше увидеть слона, но он не подал мне никакого предостерегающего сигнала. Я схватился за ружье и стал тихонько оборачиваться, пытаюсь в то же время снять его с предохранителя, но тщетно. Помню, в эту минуту мне пришло в голову, что если очень резко дернуть за курок, то ружье все же выстрелит. Разумеется, это было бессмысленно, но я так твердо знал, что единственное мое спасение — выстрел, и притом немедленный, что эта идея не показалась мне дикой, и я очень отчетливо запомнил свое решение поступить именно так. Затем произошло что-то, в результате чего я был оглушен. Я даже не знаю, выстрелило ли в эту минуту мое ружье.

Следующее мое воспоминание — бивень, приставленный к самой моей груди. Я схватился левой рукой за угрожавший мне бивень, правой нащупал второй, с силой взметнулся вверх и, проскользнув между бивнями, кинулся навзничь на землю. Все эти движения были совершенно автоматическими.

Часто, преследуя слонов, пытался я себе представить, что буду делать, очутившись лицом к лицу с одним из них. Теперь эти умственные упражнения мне очень помогли. Я уверен в том, что человек, который отчетливо представляет себе такого рода нападение и много раз детально обдумывает, как его отразить, в минуту действительной опасности автоматически осуществит то, что в спокойную минуту ему подсказало воображение.

Слон с размаху вонзил оба бивня в землю. Его вытянутый во всю длину хобот приходился против верхней части моего тела. Мне

стало ясно, что пришла смерть, но окончательно уверился я в этом секундой позже, увидев буравящие меня сверху маленькие злые глазки. Слон с силой опустил на меня свой хобот. Я еще слышал хрюканье, смешанное с каким-то присвистом. Затем все померкло.

Слон только задел меня хоботом. Он в эту минуту подбирал его, чтобы затем снова развернуть во всю длину. У меня был сломан нос, разорвана щека, зубы торчали наружу, так как щека их не прикрывала. Если бы это был не случайный удар, если бы слон целился в меня хоботом, мне бы не остаться в живых. Кроме того, он ободрал мне все лицо внутренней поверхностью хобота, жесткая кожа которого покрыта колючей щетиной и грубыми складками.

Слон, по-видимому, не сразу извлек из земли свои огромные бивни. Что-то задержало их там — то ли корни, то ли случайный камень. Если бы не это обстоятельство, он превратил бы меня в лепешку, так как я, конечно, не мог оказать ему ни малейшего сопротивления.

Слон, видимо, решил, что я мертв, и кинулся сломя голову за убегающими неграми. На мое счастье, он не наступил на меня...

* * *

Когда в Танзании говорят о национальном парке Микуми, то обычно не употребляют превосходных степеней: огромный, интереснейший, наилучший. Будь Микуми в другой стране, скажем, в соседней Замбии, он имел бы все основания гордиться своим редким по богатству и разнообразию животным миром. Я встретил в Микуми англичанина с семьей, приехавшего из Замбии. Он был в восторге: в первый день увидел девять львов, во второй — восемь. Ему просто везло. Не знаю, сколько бы ему попало на третий день — мы оба уехали.

Мне-то удалось увидеть там только трех...

Итак, будь Микуми в соседней Замбии, он наверняка считался бы самым лучшим, но в Танзании есть еще Серенгети — один из крупнейших заповедников не только в Африке, но и во всем мире, есть Нгоронгоро — самый оригинальный из них. Достаточно спуститься на несколько сот метров в кратер огромного потухшего вулкана и перед вами предстает мир, каким он, наверное, был в доисторические времена. Конечно, в Нгоронгоро нет динозавров, но носороги, жирафы и слоны тоже имеют достаточно древнюю родословную...

Все это, между прочим, есть и в Микуми. Но когда говорят об этом заповеднике, то в лучшем случае можно услышать, что он — ближайший. По-моему, и

это не совсем справедливо, хотя, действительно, от столицы Танзании Дар-эс-Салама Микуми расположен ближе всех остальных заповедников: всего в каких-то трехстах с небольшим километрах хорошей шоссейной дороги. Туристские проспекты сообщают, что до Микуми «три часа езды от Дар-эс-Салама».

Удивительная вещь — средняя скорость. Когда я ехал в Микуми, то на отдельных участках магистрали спидометр показывал более 150 километров в час, однако добраться до заповедника за три часа все-таки не удалось.

В кемпинге для автотуристов, расположенном на территории Микуми, меня встретил мистер Норман Кенсетт, управляющий,— словоохотливый пожилой англичанин с очень старой трубкой в зубах.

— Так вы русский? Великолепно! На этой неделе у нас было много немцев, приезжали датчане, шведы, а если прибавить еще французов, уехавших два дня назад, то получится чуть ли не вся Европа!

Несмотря на приветливость мистера Кенсетта, его слова не вызвали у меня особого удовольствия. Сразу почему-то подумалось: должно быть, здесь много посетителей, чего доброго и мест нет.

— Что ж, предоставлю вам самое лучшее помещение — шале № 1,— сказал управляющий с лукавой улыбкой.— Вон то, ближайшее от бара. Ключей у нас нет, заходите, постели и все прочее готово.

Я принялся благодарить его, но управляющий охладил мой восторг. Оказалось, что в этот день в кемпинге не было ни души. Только к вечеру подъехал восторженный англичанин из Замбии и еще двое туристов.

Буквально в нескольких метрах от кемпинга в тени дерева стояли два огромных слона, чуть поодаль — еще несколько. А дальше, в долине с редкими деревьями, уходящей к расплывчатым контурам горных хребтов, в мутно-голубой дымке колеблющегося от жары воздуха я разглядел силуэты жирафов...

— Вижу, вам не терпится,— сказал мистер Кенсетт, попыхивая трубкой,— сейчас самая жара, животные прячутся кто где может. Часа через два здесь будет веселее, а ближе к закату — самое лучшее время для поездки по заповеднику, если не считать раннего утра. Возьмите с собой гида, это стоит всего пять шиллингов.

Когда вечером после поездки по заповеднику я зашел в бар, чтобы выпить бутылку холодного «Ндову», Кенсетт уже сидел за стойкой.

— Как съездили? Видели львов?

— Целых три! Одна львица валялась в траве у ручья, будто мертвая. Совершенно не реагирует на шум мотора, я нарочно несколько раз включал и выключал двигатель — она даже не шевельнулась. А по ручью идут какие-то густые красные пятна. Я думал, это кровь. Гид говорит — от краснозема...

— Возможно. А как другие?

— Еще одну львицу мы вспугнули, да так, что дело чуть плохо не кончилось. Она сидела в большой трубе для стока воды под дорогой. Когда мы проехали над трубой, она выскочила и замерла в выжидательной позе. Вид у нее был довольно хмурый. Я хотел подать немного назад, чтобы сфотографировать зверя вблизи, но гид сказал, что лучше этого не делать.

— Это не первый случай, когда львы забираются в трубы — днем там прохладно. И долго она так стояла?

— Пока мы не уехали.

— Ну а третий?

— Третьим был крупный гривастый лев. По-моему, довольно старый. Весь в рубцах и каких-то ссадинах, с бельмом на правом глазу. Нам его показал гид. Пришлось немного поколесить по бездорожью, кругом трава и мелкий кустарник. Боялся, что камнем пробьет бензобак. Но все обошлось. Без гида мы бы его не нашли. Лежит себе в траве, позевывает. Подпустил совсем близко, на метр, и никакой реакции, даже неинтересно.

Отблески газового фонаря, стоявшего на стойке бара, играли в глубине конусообразной крыши, сплетенной вокруг толстого ствола живого дерева. Бар похож на африканскую хижину, только вместо стен небольшой заборчик, чтобы днем было видно окружающую местность. Вечером из бара, конечно, ничего не видно, кроме белого черепа буффало с мощными рогами, прибитого на шпел за стойкой. Неровные отблески газового фонаря заставляют череп гримасничать. На стволе дерева в центре бара висит еще один такой череп, а рядом большой термометр с двумя шкалами — по Фаренгейту и по Цельсию. По Цельсию — тридцать градусов

жары. Этикетка на бутылке пива изображает «ндову» — африканского слона. По ней сползают искрясь капельки выступившей испарины.

— Я не видел в Микуми краснозема,— продолжаю я свой рассказ, вспоминая о ручье,— вот в Кении, в заповеднике Цаво, даже слоны какие-то кирпично-красные от пыли. Там действительно сплошной краснозем. А здесь почва темная и слоны другие, угольно-черные. В Цаво сразу можно узнать места, где обитают слоны, все деревья вокруг исковерканы и даже выворочены с корнем.

— Дело в том,— говорит Кенсетт,— что слоны в Микуми питаются травой, а не листьями деревьев. Поэтому и нрав у них более смирный, их размеры и особенно бивни гораздо меньше, чем в Цаво. Хотя некоторые особи достигают четырех и даже шести тонн.

Он вытряхивает пепел из трубки и снова набивает ее табаком.

— У здешних слонов есть одно лакомство. Вот на этом дереве, что в центре бара, растут плоды, похожие на сливы. На языке суахили оно называется «мнонго». Не путайте с манго, это совсем другое. Слоны обхватывают молодые деревья мнонго бивнями и, подняв хобот, трясут до тех пор, пока с них не начинают сыпаться спелые плоды. Говорят, что перезревшие плоды дерева мнонго, начавшие чуть-чуть закисать, опьяняют. Можете представить себе этих гигантов захмелевшими!..

— Как же они ведут себя?

— Совсем как люди,— смеется управляющий,— кто веселится, кто, наоборот, притихнет и ищет одиночества, а кто становится буйным... Но самое интересное у слонов — это уши. Вам никогда не приходило в голову сравнить уши африканских слонов и индийских? Присмотритесь повнимательнее: у индийских они напоминают карту Индии, а у местных, даже у малышей, ни дать ни взять — очертания африканского континента! Разумеется, это просто случайные совпадения...

Мистеру Кенсетту, видимо, скучновато тут в одиночестве, особенно по вечерам, и он готов продолжать беседу сколько угодно. Он любит птиц и называет их своими друзьями. А у меня перед глазами стоят два огромнейших стада буффало в несколько сот голов каж-

дое. Они смиренно пасутся в перелеске, как колхозные коровы. Одного из них я видел совсем близко, у берега грязного и мутного пруда, где коротают свое время бегемоты. Пруд скорее похож на большую лужу. Лежит буйвол-отшельник, покрытый толстой потрескавшейся коркой грязи, только рога и видны. Может, болен, а грязь защищает от укусов мухи цеце? Под баобабом мы натолкнулись на нору дикобраза. В траве валялись его колючки, сантиметров по тридцать длиной, острые и твердые. Дикобраз — ночное животное, и, сколько мы ни шевелили в норе палкой, он так и не вылез. Дети взяли с собой колючки в память о несостоявшейся встрече. Они не разочаровались, и, как оказалось позднее, на то была своя причина: почувствовали себя заметно храбрее — теперь есть чем биться со львом, пусть только выскочит из трубы!

— Ну, а носорогов не встречали? Здесь это редкость, всего несколько особей. Но меньше всего шансов — увидеть леопарда. Коварнейшее существо! Нет более хитрого и мстительного хищника. Сколько раз охота за ним кончалась гибелью для человека. Насколько я помню, в Восточной Африке был всего один случай, когда человек, попавший в лапы леопарда, остался жив и даже прикончил зверя. Об этом долго рассказывали как о чуде. А я сам видел этого человека: крепкого сложения... Он даже показывал мне страшные, глубокие шрамы на правой руке.

— Не помните, как его звали?

— Дело было давно... Не то Хартли, не то Экли...

— Американец?!

— Что вы! Конечно, англичанин. Такой же англичанин, как и Джон Буль! Он даже не был профессиональным охотником, а делал чучела зверей, прекрасные, просто как живые...

Мы налили виски в стаканы:

— Постарайтесь вспомнить еще что-нибудь о нем. Вы были близко знакомы?

— Я же вам говорю, видел его всего один раз. Его хорошо знали в Восточной Африке, да с тех пор много воды утекло. А время было, я вам скажу, интереснейшее. Вот, например, вы слышали о находке на современной территории Танзании — тогда это была Британская Восточная Африка — черепа самого древнего человека,

жившего что-то около двух миллионов лет назад? Его обнаружил профессор Лики, замечательный ученый. Это я хорошо знал... Сын Лики тоже антрополог, сейчас работает в Кении. И, знаете, что интересно: череп-то нашел не профессор Лики, а его жена. Конечно, они были вместе. Хотите послушать, как это было?

Мистер Кенсетт не спеша набивает свою выдавшую виды трубку. А я смотрю на часы: нет, пора спать, чтобы с рассветом снова отправиться в заповедник.

«Шале № 1» оказалось крохотной избушкой, где, кроме душа и таза для умывания, были еще железные кровати и керосиновая лампа.

Я проснулся ночью и посмотрел на часы. Было десять минут второго. От жары на лбу выступил пот, и, закурив, я вышел наружу. Немного прохладнее, но — ни дуновения ветерка, вокруг все как будто замерло. Только в траве неумолчный перезвон цикад, где-то басовито квакают лягушки, протрубил слон. Светло от полной луны, и редкие деревья в долине напоминают пейзажи Куинджи.

Больше я не мог заснуть. И не потому, что вокруг было так красиво, а просто, открыв дверь, я совершил непростительную ошибку. В наше великолепное «шале» набились полчища москитов, и, как я ни пытался укрыться от них под одеялом, ничего не помогало. На ощупь я отыскал отверстие в лампе, куда наливается керосин, отвернул пробку и побрызгал немного на пол. Потом плеснул на ладони, растер руки, плечи, даже шею и голову. Кажется, стало полегче. Я снова лег — ведь надо встать пораньше и обязательно снять крупным планом «очертания Африканского континента». Как это лучше сделать? Ведь обычно фотоснимки в заповеднике получаются довольно плохо: все они похожи на открытки. Не видно, что ты где-то рядом. Чтобы передать ощущение близости к животным, нужно нарушить правила и выйти из машины. Тогда хорошо получится, например, слон, переходящий дорогу у самого капота. Завтра поеду без гида. Они всегда против того, чтобы туристы выходили из машины.

И чтобы заставить себя заснуть, я стал считать: «Один слон и один слон — два слона, два слона и один слон — три слона, три слона...» Но сон так и не пришел...

Трапеза

Этому человеку явно хотелось заговорить со мной. У стойки бара, кроме нас, толпились еще люди, но он все время посматривал на меня. Не помню, что именно он пил, но пил со вкусом и не спешил на ленч, хотя прекрасно знал, что время ленча, по заведенному еще англичанами порядку, оканчивается здесь ровно в два часа.

Оставалось полчаса, и я торопился, так как с раннего утра колесил по пыльным дорогам Микуми и успел порядком проголодаться. Тем более, что некоторое время я был свидетелем довольно своеобразной трапезы.

Мой незнакомец все-таки не выдержал и заговорил:

— Это, кажется, вы взяли хвост буйвола?

— Да.

— Я тоже хотел взять его, но вы меня опередили.

Я уткнулся в кружку с пивом, а словоохотливый незнакомец придвинулся поближе ко мне.

— Я родился и вырос в Восточной Африке, но такое видел впервые. И моим друзьям раньше не приходилось наблюдать это своими глазами. Нам очень хотелось взять кончик хвоста на память. Но вы нас опередили. Вы, может, заметили нас, наша машина стояла рядом.

Даже ради приличия я не стал врать и сказал, что не могу припомнить его. Вокруг было столько разных машин, и люди смотрели не друг на друга, а только в одну сторону.

Я запомнил африканца, шофера «лендровера». У него что-то случилось с мотором, и он не мог сдвинуться с места. Африканец хотел выйти из машины, но не решился. Тогда он попросил меня подать немного вперед, встать между «лендровером» и львами и только потом, не закрывая дверцы, шофер выпрыгнул из кабины, поднял капот и торопливо, постоянно оглядываясь, стал проверять контакты аккумулятора.

Метрах в десяти от нас лежала туша буйвола, окруженная семью львами. Брюхо буйвола было вспорото, и рядом валялся большой ком плотно утрамбованной в желудке, еще зеленой травы. Трава была влажная, пропитанная желудочным соком. Голова животного как-то по-особому закинулась назад, словно львы просто иг-

рали с буйволом, щекотали его, а он ежился от удовольствия и кокетливо улыбался. Такое нелепое впечатление создавалось потому, что мягкие места с морды буйвола, в том числе верхняя и нижняя губы, были содраны, а обнажившиеся зубы и розовые десны застыли в подобии какой-то сатанинской улыбки.

Львы отгрызли ему хвост. Интересная деталь: все они вгрызались в тушу только сзади. Видимо, там кожа буйвола не так прочна, как на других частях тела.

Львы засовывали морды в образовавшееся широкое отверстие, и по тому, как напрягалась и играла их мускулатура, было видно, что они рвут там мясо кусок за куском. Когда морды с азартно блестящими глазами снова высовывались наружу, то, несмотря на жару, казалось, что из их полуоткрытых пастей шел пар еще не остывшей, опьяняющей хищников крови.

Ближе всех к туше был только старый гривастый самец и молоденькая львица. Остальные пятеро находились несколько поодаль. Судя по тому, как тяжело и часто раздувались их бока, все семейство уже успело плотно позавтракать, а старый лев и его прожорливая молодка были «на втором дыхании», вернее, заканчивали второй завтрак.

Львы по очереди жрали целый день, до иступления. Такая удачная охота (больше тонны свежего мяса!) бывает у них не часто, и природный инстинкт пробуждает жадность.

Несмотря на то что опасная и, видимо, продолжительная погоня за буйволом, а также разбухшие, набитые до отказа желудки клонили их ко сну, львы не забывали, что на поле брани они не одни. Где-то рядом стал скапливаться второй эшелон, претендующий на тушу буйвола: метрах в ста — ста пятидесяти появились первые разведчики — гиены. В их движениях чувствовалась подчеркнутая медлительность, деланное безразличие. Они приблизились, сели, глядя как будто куда-то в сторону. Только время от времени короткими перебежками гиены подтягивались поближе и залегали в траве. А там дальше мелькали все новые и новые их морды, тоже вроде бы выражавшие полное безразличие. Вот они уже заняли свои позиции и полукругом залегли в ожидании. Может быть, гиены окружили бы

львов плотным кольцом, но со стороны дороги им мешали автомашины.

Львы давно заметили гиен, но делали вид, что не видят их, ведь те держались пока на почтительном расстоянии. Наконец нахальство трусливых любителей падали явно перешло пределы дозволенного, и одна из львиц, встрепенувшись, вскочила, грозно поглядывая туда, где притаился замаскированный полукруг. Этого оказалось вполне достаточно. Гиены, стараясь не терять напускного безразличия, одна за другой тихо встали и, изредка оборачиваясь, медленно удалились. Только плотно поджатые хвосты выдавали их внутреннюю тревогу.

А метрах в трехстах от поля битвы скопились грифы, облепившие голые ветви двух стоящих рядом деревьев. Они спокойно ждали своей очереди. Я насчитал их больше пятидесяти.

Наконец гривастый лев окончательно впал в блаженное состояние. Сначала он ритмично, в такт дыханию слегка покачивал головой, словно про себя укоризненно повторял: «Ай-яй-яй!». Потом его глаза все больше тускнели, веки наливались свинцовой тяжестью. Собрав остатки сил, он отошел на несколько метров и повалился в траву. Его примеру последовали остальные.

Воцарилась тишина. Гиены, как ни странно, не подходили к туше. И грифы по-прежнему сидели на деревьях. Каким-то чутьем и те и другие понимали, что их время еще не настало. Это только начало трапезы.

И, видно, не только меня, но и многих свидетелей этой сцены подмывало озорное желание взять себе в качестве сувенира отгрызенный львами хвост буйвола с кисточкой жестких волос на конце.

— Вы заметили,— продолжает разговор незнакомец,— что рядом со львом все время находилась молодая львица? Я думаю, что это именно она прикончила буйвола.

— Как, разве не сам лев?

— Что вы! Львы сами никогда не охотятся, вернее, никогда не нападают на жертву. На это есть львица. Лев же только руководит охотой и первый терзает уже поверженную жертву. Правда, на старости лет эта избранная самими львами привилегия иногда оборачивается для них же самих трагически. Львицы покидают

старика, и он уже неспособен прокормиться. Так вот, львицы гонят облюбованное животное и, улучив момент, одна из них бросается на жертву и наносит ей смертельную рану. При охоте на буйвола это должно быть сделано с первого раза: львица должна разорвать кровеносную артерию у него на шее. Если она только ранит животное, то силы буйвола удесятерятся, и тогда ему не страшны даже семеро львов, поэтому они тут же бросают дальнейшее преследование и скрываются от нависшей над ними опасности.

Позднее я убедился, что мой собеседник был совершенно прав. В одном из номеров танзанийской газеты «Санди ньюс» за август 1973 г. были опубликованы выдержки из дневника главного смотрителя национального парка Микуми Дж. Стефенсона, в котором, в частности, есть такая запись: «В конце ноября (прошлого года.— В. С.) был найден молодой лев, в полном расцвете сил, убитый буйволом. Работник заповедника обнаружил его истекающим кровью в районе нижней Мгоды. Вернувшись через час, он увидел, как престарелый лев питался останками молодого...».

Когда я возвратился в Дар-эс-Салам, хвост буйвола, два дня пролежавший в багажнике, стал сильно пахнуть падалью; пришлось его выбросить. Но прежде я отрезал ножницами пучок жестких волос с самого кончика и положил на память в целлофановый пакетик.

Случилось так, что через неделю мне снова пришлось проезжать мимо Микуми. Я направлялся в небольшой танзанийский поселок Тундуму, расположенный на границе с Замбией, где должна была состояться торжественная церемония по случаю начала строительства совместной танзанийско-замбийской железной дороги «Танзам» на замбийской территории. На обратном пути я не мог удержаться от того, чтобы еще раз не заехать в заповедник. Легко отыскалось то самое место. Вокруг уже не было ни львов, ни гиен, ни грифов. Не было и туши буйвола. Я узнал только траву, сухую и плотно утрамбованную, да метрах в тридцати от дороги белел кусок позвоночника с неровными обломками ребер. Это все, что осталось от трапезы.

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Какой бы стороны жизни Танзании мы ни коснулись, все они пронизаны борьбой.

Борьба с эксплуатацией, борьба за социальное и расовое равенство, борьба с отсталостью, с болезнями и неграмотностью, борьба за укрепление политической независимости и экономического суверенитета... Каждый из аспектов этой в общем-то единой борьбы имеет свои более или менее сложные проблемы.

Вот, например, проблема здравоохранения. В стране очень мало врачей. Согласно заявлению заместителя министра здравоохранения М. Ньянганьи, по всей Танзании их насчитывается всего 556. На государственной службе находится всего 333 человека, 101 врач работает при различных религиозных миссиях и 122 заняты частной практикой. Если взять общее количество врачей по отношению к населению Танзании, то получится примерно один врач на каждые 23,5 тысячи человек! Но даже эта цифра не совсем отражает действительность, так как простое арифметическое деление здесь не подходит: 122 врача, занятые частной практикой, фактически недоступны широким слоям населения, так как за свои услуги требуют весьма высокой платы. М. Ньянганья заявил, что к 1980 г. количество врачей в стране планируется довести только до 800.

Взять другой вопрос — развитие просвещения. Казалось бы, все здесь более или менее ясно. Но и в этой области есть свои специфические проблемы. К примеру, вопрос о языке. Правда, в этом отношении Танзании «повезло» в сравнении с другими африканскими странами: у нее есть один общий язык — суахили. Тем не менее всеобщий переход на суахили тоже связан с целым рядом трудностей, хотя бы отсутствием научно-

технической литературы. Поэтому наряду с суахили в стране до сих пор сохраняется английский как второй государственный язык. Преподавание в Дар-эс-Саламском университете, например, ведется на английском языке.

Культура Танзании имеет глубокие традиции. Искусство ее художников, резчиков по дереву, скульпторов пользуется большой популярностью не только в стране, но и за рубежом. Особенно распространено народное искусство на юге страны у племени маконде.

Безымянные скульпторы маконде

Маконде — удивительно одаренный народ, прирожденные художники, талантливые резчики по дереву. Скульптура народных мастеров маконде — это не просто ремесло, а настоящее искусство. Штамп — естественная граница между искусством и ремеслом. И если искусство рождает новое, то ремесло — только более или менее удачный слепок посмертной маски.

Настоящей скульптуре маконде чужды всякие штампы. Богатая фантазия, мастерство исполнения, непосредственность восприятия окружающего мира — таковы характерные черты их творческой манеры. Традиции резьбы по дереву передавались из поколения в поколение, когда народ маконде еще не знал письменности. Кстати, и до сих пор многие скульпторы неграмотны.

Резьба по дереву для мастеров маконде естественная потребность. Может быть, поэтому в их творчестве столько искренности и неподдельной простоты. Сам процесс резьбы доставляет им удовольствие. Порою импровизация уводит маконде в фантастический мир, но действуют в этом мире реальные существа: люди, обезьяны, слоны, хищные звери, змеи, птицы.

Это могут быть небольшие скульптурки человека, животного, духа, головы, миниатюрные маски, грандиозные композиции. Они кажутся легкими, воздушными, но некоторые из них достигают размера до двух метров и больше. Даже взрослый человек с трудом может поднять такие глыбы из черного дерева. Неповторимые художественные произведения называют теперь по имени племени — «маконде».

Отсутствие штампа еще не означает, что искусство маконде лишено каких бы то ни было условностей. Но эти условности не есть что-то закосневшее, установленное раз и навсегда. Скорее они, как слова, в зависимости от контекста меняют свое звучание и смысловую окраску.

У скульптуры маконде много общего с народной сказкой: и той и другой одинаково присуща аллегория. Можно встретить скульптурные изображения духов, которые на первый взгляд далеки от реальности. Действительно, они не имеют точного прототипа среди живых существ. Но это не какой-то нарочитый абстракционизм. Скорее, наоборот,— попытки скульптора объяснить для себя и окружающих свой внутренний мир. Отправным пунктом для таких импровизаций, как правило, служит реальное, жизненное начало.

В этом отношении интересен рассказ Ильи Эренбурга о его встрече с известным французским художником Матиссом. «Он показал мне негритянскую скульптуру,— пишет Эренбург,— которая ему очень понравилась. Это был разъяренный слон. Матисс рассказал: „Приехал европеец и начал учить негра: „Почему у слона подняты вверх бивни? Хобот слон может поднять, а бивни это зубы, они не двигаются“. Негр послушался. Вот вам другая скульптура, жалкая, беспомощная — зубы на месте, но искусство кончилось...».

Импровизации маконде подчинены определенным традициям и в то же время являются результатом неповторимого творческого наития, носят отпечаток яркой индивидуальности. Поэтому каждая их скульптура столь привлекательна и своеобразна.

Излюбленным материалом для резчиков является черное дерево. Срубленный ствол разделяется на поленца, которые зарывают на несколько дней в мокрый песок. После этого дерево приобретает характерную темную окраску и как бы каменеет: становится тяжелым и твердым. Материал готов. Можно приступать к работе. Иногда сама форма поленца подсказывает скульптору тему. Часто можно увидеть, например, человеческое лицо или фигуру, как бы возникающие из куска дерева. Обычно темнеет только сердцевина ствола. У коры остается более или менее широкое светлое кольцо. Эта светлая часть используется как фон для

барельефов, заставляющих вспомнить о камнях, только гораздо больших размеров.

Что же изображают эти «камни»? Вот молодой воин — гордый, слегка самоуверенный. Вот крестьянка с традиционной татуировкой на лице, толкущая в ступе зерно. Вот старик, присевший на минуту отдохнуть; натруженные руки покоятся на коленях, а мысли уносятся куда-то далеко, лицо становится сосредоточенным...

Искусство маконде — своеобразный эпос в деревне. Основные герои его — крестьяне, их тяжелый труд. Приземистые, сутулые фигуры, морщинистые лица. Среди фигур «маконде» не встретишь зажиточных толстяков. Это труженики, полные внутренней силы, одухотворенности, которая передается в неповторимой ритмической пластике скульптуры. О «маконде» нельзя сказать, что они близки к природе, они просто составляют ее неотъемлемую часть.

В своей работе резчик маконде следует натуре, но не связывает себя необходимостью ее копировать. На руке может быть, например, шесть пальцев, на два существа один рот, глаза опираются прямо на руки... Педантичный покупатель нет-нет да и попросит сократить количество пальцев. Фигурка станет правильной, но где-то утратит свой художественный стиль. К глазам можно приделать лицо, но это будет уже не лицо «маконде». Такие подсказки, безусловно, только вредят. Искусство маконде достаточно самобытно, чтобы переварить столь бесцеремонное вмешательство со стороны. Гораздо серьезнее опасность его перерождения в ремесло в результате массового развития коммерческого спроса.

«Лет через двадцать африканское искусство потеряет свое уникальное обаяние и, возможно, даже перестанет пользоваться спросом», — так говорит известный танзанийский резчик по дереву Мварико Омари.

Казалось бы, должно быть наоборот: именно сейчас, в условиях самостоятельного развития африканских стран, создаются благоприятные возможности для расцвета их национальной культуры. Народ тянется к знаниям, ширится круг его интересов, растут духовные потребности. Сотни тысяч взрослых танзанийцев садятся за парты, чтобы научиться читать и писать. Впер-

вые становятся известными имена художников. Бывший безымянный резчик по дереву начинает понимать, что его естественная душевная потребность выразить себя в образе называется искусством. Тем не менее тревога Омари не лишена основания. «Мы сейчас всячески поощряем развитие искусства,— говорит он.— Но посмотрите, что получается. Все наши лучшие работы похищаются из страны, чтобы украсить галереи Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Рима».

Действительно, искусство местных резчиков по дереву приобретает международную известность. Трудно представить себе туриста, побывавшего в Танзании, который не увез бы с собой хотя бы одну, пусть совсем маленькую фигурку «маконде».

Столь широкое признание должно радовать резчиков.

— А что мы получаем за это? — спрашивает Омари. И сам же отвечает:

— Самую мизерную плату.

Этот вопрос беспокоит его даже не потому, что скульптуры «маконде» ценятся несправедливо дешево, а главным образом по другой причине: такие условия вынуждают местных резчиков работать не по вдохновению, а — на рынок.

Подобные мысли стали особенно тревожить Омари после поездки в Лондон, где была устроена выставка его произведений: «Визит в Англию открыл мне глаза на эксплуатацию наших резчиков,— говорит он.— Если и дальше они будут работать в таком ускоренном темпе, то я даже боюсь себе представить, что станет с ними и с их произведениями через десять-двадцать лет. Какое может быть вдохновение у художника, вырезающего за день десять львов или двадцать слонов?»

Возникновение коммерческих отношений между резчиками маконде и их заморскими меценатами имеет и другую отрицательную сторону. Художник то и дело вынужден намеренно отходить от личных представлений в угоду вкусам заказчика. Теряется основное достоинство скульптуры «маконде» — ее самобытность.

Явления, подмеченные Омари, относятся не только к искусству резчиков маконде, но имеют, пожалуй, общеафриканское значение. «Деньги убивают африканскую скульптуру», — говорит художник, и в его словах звучит оправданная тревога. Действительно, за последнее вре-

Мя в африканском искусстве заметны определенные тенденции к отходу от своей первоизданной, ранее ничем не нарушаемой самобытности. Но можно ли предсказать его скорую гибель?

Правительство Танзании уделяет большое внимание развитию народного творчества. В Дар-эс-Саламе открыт художественный салон, в котором разместились постоянная выставка работ местных скульпторов и живописцев. Среди ее экспонатов можно встретить произведения, подписанные автором. Так становятся известными имена народных художников.

Известны пока единицы. А вдоль танзанийских дорог, в тени навесов из пальмовых листьев, трудятся сотни и сотни безымянных резчиков по дереву. Очень довольные, когда что-нибудь удастся продать проезжему туристу, они со смехом обсуждают между собой, кому из них повезло и досталось больше денег. Они думают, будто перехитрили покупателя, не подозревая о том, что их работа — подлинное искусство.

Не исключено, что со временем искусство маконде в какой-то степени утратит свой первоизданный облик вместе с изменениями условий жизни нынешних безымянных скульпторов. Но едва ли это можно будет рассматривать как его гибель — скорее оно перейдет на новый более совершенный этап развития.

Мир Тингатинги

Несколько лет назад у торгового центра, растянувшегося анфиладой небольших магазинчиков в самом зеленом районе танзанийской столицы Дар-эс-Салама — Ойстер-Бэя, вдруг появилась, прямо на тротуаре, под витринами продуктовой лавки, очень странная выставка картин, написанных ярчайшими красками. Прохожие, в шлепанцах на босу ногу, с корзинами овощей и фруктов, пакетами молока и батонами хлеба, прячась от солнца, погруженные в свои повседневные заботы, как обычно, спешили куда-то, и мало кто обратил внимание на эти ослепительно яркие куски картона в грубовато сколоченных деревянных рамках.

А из тех, кто обратил, многие, наверное, подумали про себя: «Что это еще такое? Так... ничего особенно-

го». Действительно, красками здесь никого не удивишь. Яркие, огненно-алые цветы зонтичных акаций, их сочные зеленые листья, ажурно сплетающиеся в какие-то нежные лапы, глубокого тона небо, солнце, океан — разве здесь и так недостаточно красок? Сюжеты картин были тоже довольно ординарные: звери и птицы. Может быть, чуть-чуть необычные, но это не сразу разглядишь. Манера письма — что-то вроде лубка по-африкански, какой-то нарочитый примитивизм или наивный реализм.

Рядом с картинами на тротуаре в независимой позе расположился африканец в попошенной рубаше. Его лицо с треугольными узорами татуировки безошибочно выдавало в нем выходца из южных районов страны, граничащих с Мозамбиком. Он, конечно, не имел никакого понятия об умудренной или наигранной простоте и наивности, о нарочитом примитивизме. Он просто рассказывал в самой неподдельной и искренней манере, вернее — без всяких манер, свои собственные видения, может быть, воспоминания, сны...

Своей искренностью, прямоотой, сложной и тонкой индивидуальностью, пластикой линий, суровой борьбой за существование его работы напоминают Модильяни. Видимо, на первый взгляд покажется нелепым проводить какую-то параллель между классиком французского модернизма и начинающим африканским художником-самоучкой.

Оставим этот вопрос на суд искусствоведов. Но, думаю, стоит вспомнить о том, что свои первые шаги в живописи Модильяни начинал как раз с кропотливого изучения африканского народного искусства, пытался в какой-то степени подражать ему, творчески вместить в свою большую индивидуальность.

Картины на тротуаре у торгового центра Ойстер-Бэй продавались за бесценок: какие-то двадцать шиллингов, а то и дешевле! Сейчас некоторые из них перешли в танзанийскую Национальную галерею искусств. С них делают цветные репродукции. Выставки этих картин устраиваются в Англии и ФРГ. Появились подражатели, последователи, ученики, в общем, — все то, что позволяет говорить о новом оригинальном направлении.

Как это началось?

В самой северной части Дар-эс-Салама на берегу бухты Индийского океана приютилась небольшая дере-

вушка Мсасани. Внешне она мало чем отличается от любой другой африканской деревни: те же приземистые глинобитные хижины, кое-где побеленные снаружи. Из-под красноватой глины, словно ребра, торчат узловатые тонкие жерди. Бананы, тяжелые тенистые манго, кокосовые пальмы. В пыли играют ребятишки, их игры похожи на танцы. Резкие, но пластичные движения, идущие от самой души, которую ничто не омрачает. Отсутствие всяких загоронок и заборов вокруг домов говорит только об одном: здесь не за что беспокоиться, нечего «охранять», здесь нет ничего, кроме самого-самого необходимого, да и последнее бывает не всегда.

Все это роднит Мсасани с любой другой африканской деревушкой. Но в то же время Мсасани в не меньшей мере отличается от обычного поселка в сельской местности. Она — часть города, часть столицы, органически связанная с ней. Взрослое население Мсасани, особенно мужчины, днем не работает на маисовых полях — они моют полы в квартирах тех, кто живет в других кварталах города, никак не похожих на деревню; они стирают белье, готовят обеды на разные вкусы: европейский, индийский, китайский; они подстригают траву и колючие кусты вокруг вилл, расположенных по соседству с Мсасани.

Таких деревень, как Мсасани, в Дар-эс-Саламе несколько. И все они похожи как две капли воды. Их обитатели работают на Ойстер-Бэй, на Упанге, в кварталах Сивью или служат в центральной, деловой части города. Днем они ходят в униформе посыльных, садовников или домашней прислуги. Вечером, возвращаясь к себе в «деревню», обматывают вокруг бедер наподобие юбки старенький кусок цветастой материи и чувствуют себя дома. Они отдыхают на улице — там, где просторнее, больше воздуха и света, где можно поговорить с соседями, вспомнить добрым словом настоящую деревню, посудачить о росте цен, о том, что молодые жены пошли не те, что от них иногда «голова болит», наконец, как и водится везде, выпить с приятелем чарку «помбы» — крепкого, присланного из настоящей деревни самогона, бражки из орехов кэшью, из «пальмового лыка» или, впрочем, какая разница из чего?

Все это, конечно, очень далеко от сельских пасторальных идиллий. Мсасани — это скорее рабочий посе-

лок. Здесь и горе, и праздники, и заботы, и любовь, свой неповторимый колорит и все те же мечты о прекрасном будущем.

Именно здесь, в Мсасани, жил Эдуардо Тингатинга, или Тинга Тинга, выходец из приграничного с Мозамбиком южного танзанийского района Тундуру. Видимо, он и сам толком не знал, как правильно пишется его имя — слитно или раздельно, так как на его родном языке, на языке его племени пока не существует ни одного учебника грамматики. Правда, в левом нижнем углу своих работ он аккуратно, латинскими буквами выводил: Э. С. Тингатинга, а иногда в правом нижнем углу ставил инициалы: Э. С. Т.

Многие в Мсасани помнят Эдуардо Тингатингу, но никто, даже его ученики, не могут рассказать о нем что-нибудь особенное. Хороший человек — что еще? Тингатинга — 1937 года рождения, из деревни Минду, район Тундуру, область Рувума, садовник... Рекомендации? Может, и не все безупречные. Ведь человек с ярко выраженным творческим складом ума и не мог быть во всем ровным, послушным слугой при садовых ножницах. Тем не менее до 1970 г. Эдуардо стриг траву и кусты, как и его односельчане, где-то на участке одного европейца на Ойстер-Бэй. Европейец уехал, и Тингатинга, как и многие другие, вдруг оказался без работы. Некоторое время он оставался без всяких средств к существованию. И вот тут-то его осенила шальная мысль: попробовать писать картины маслом, писать то, что приходит в голову. Так на улице у магазинов торгового центра появилась первая экспозиция его картин.

Именно так объяснял свою новую профессию сам Тингатинга: стало необходимо, вот и начал писать. «Я почувствовал себя в мире нужды, страха, забот и темноты, когда узнал, что хозяин навсегда уезжает в Европу, — говорил Тингатинга. — Тогда-то я вспомнил о своем старом увлечении, которому раньше я не придавал особого значения. Я решил серьезно заняться живописью».

18 июня 1971 г. в танзанийской Национальной галерее искусств были впервые выставлены работы Тингатинги. «Это начало долгой и успешной карьеры художника», — писала в то время танзанийская газета «Нэшнелист». Но, к сожалению, она ошиблась. Ее в общем-то

вполне обоснованное пророчество не сбылось или, вернее, — не полностью сбылось. Картины Тингатинги живут. Но его жизнь оказалась недолгой. В мае следующего года он погиб при каких-то таинственных, необъяснимых обстоятельствах. Говорят, это было убийство, — возможно с целью ограбления... Через два месяца, 10 июля 1972 г., его работы экспонировались на художественной выставке в Национальном музее Дар-эс-Салама.

«Рисую по наитию и основываясь на реальной натуре, Тингатинга сделал множество эскизов животных, людей, птиц. Его форте заключается в преувеличении: массивные носы, чрезмерно длинные клювы, большие уши; даже жираф у него с преувеличенно длинной шеей, не говоря уж о его льве с суперафриканской густейшей гривой, — так писала о манере Тингатинги танзанийская газета „Дейли ньюс“ после открытия выставки его работ в Национальном музее. — Тингатинге присущи дерзость и оригинальность, которые возвышают его до уровня наиболее выдающихся представителей народного искусства.

Выраженные им мысли, а также оттенки красок дают возможность получить глубокое представление об африканской культуре, о сочетании печали и радости с мимолетными „мазками“ деревенского юмора».

Газета назвала Тингатингу «пионером фольклорной живописи в Танзании». В этом направлении он был первым и остается наиболее выдающимся его представителем. Конечно, в Танзании были и есть другие художники, хотя их немного. Можно назвать имена Сэма Т. Нтиро, Элиаса Тенго и Э. Чалли. Их картины полны социальных идей и выполнены в реалистической манере. С. Нтиро и Э. Тенго известны советскому зрителю по выставке их произведений, состоявшейся в Москве в конце 1971 г. Э. Чалли — молодой художник, выпускник Дар-эс-Саламского университета. Первая выставка его работ была устроена в 1971 г. Одни названия картин говорят сами за себя: «Борьба продолжается», «Колонизатор», «Неоколониализм», «Народная милиция» и т. д. Но картины Эдуардо Тингатинги занимают совершенно особое место. Они как бы уходят своими корнями в мир представлений племени маконде, прирожденно талантливых резчиков по дереву. Под прикос-

повелием Тингатиинги традиционная скульптура маконде пережила интересную трансформацию: объемная пластика как бы сплюснулась, остались только два измерения; зато появились яркие, сочные краски, которые дали традиционным образам новую жизнь.

Тропинка из деревни Мсасани к торговому центру на Ойстер-Бэй не зарастает. На тротуаре у продуктовой лавки по-прежнему каждое утро можно увидеть с десятков новых картин. Это работы учеников Тингатиинги. Как и Эдуардо, они начинают на тротуаре, но и их картины уже находят дорогу в Национальную галерею искусств. Среди лучших его последователей можно назвать Аджаба Абдалу, Тедо, Мпату, Линду, Мруту, Адеуси, Амонде... Впрочем, этот список постоянно растет. И завтра на тротуаре обязательно появятся новые имена.

* * *

Большие трудности испытывает страна в подготовке своих научно-технических кадров. Поэтому в ряде отраслей она до сих пор вынуждена прибегать к помощи иностранных специалистов. Кадровую проблему развивающихся стран хорошо сформулировал известный ганский экономист, исполнительный секретарь Экономической комиссии ООН для Африки Роберт Гардинер в интервью газете «Таймс оф Индия». Его слова в полной мере относятся и к Танзании: «Парадокс положения в Африке, который применим и к другим частям развивающегося мира, заключается в том, что там имеется большое количество нуждающихся людей, труд которых не используется полностью или совсем не используется. Они лишены покупательной способности и с экономической точки зрения могли бы вовсе не существовать. В то же время есть тысячи вакансий, которые ожидают подготовленной, квалифицированной рабочей силы». Итак, с одной стороны, колоссальный резерв рабочей силы, с другой — огромная нехватка кадров.

В сегодняшней Танзании на повестку дня ставится вопрос о необходимости решительной борьбы против остатков колониализма и любых происков неоколониализма, а также против вековой отсталости и пережитков всех оттенков докапиталистических формаций.

В центральной части Танзании, в районах, располо-

женных между областями Сингида и Аруша, проживает племя вадзабе. Оно насчитывает всего от восьмисот до тысячи человек. «Сомнительно, чтобы вадзабе как-нибудь непосредственно пострадали от колониального грабежа: ни их достояние, ни их рабочая сила не были затронуты в связи с тем, что эта народность остается на первобытном уровне развития,— писал известный танзанийский журналист Ф. Очиенг.— С незапамятных времен они жили охотой на диких животных, сбором фруктов, меда, кореньев, весь их труд уходил на пропитание».

Ф. Очиенг посетил одну из трех деревень «уджамаа», созданных у вадзабе. Вот что он пишет: «Мы пробирались через лес и неожиданно вышли на открытую поляну с какими-то небольшими возвышениями, похожими на муравейники, среди которых находилось продолговатое здание капитальной постройки.

Заметив около него небольшую футбольную площадку и детей в форме, я понял, что это школа. И только приблизившись к „муравейникам“, окружавшим школу, мы увидели, что это и есть жилища крестьян деревни „уджамаа“ Мунгули. Они строятся из тонких жердей и покрываются соломой от основания до самой „крыши“, которая возвышается примерно на метр от земли. Дверей нет...

Вадзабе спят на высушенных шкурах животных, накрываясь неизвестно чем, в самых убогих условиях, которые только можно представить себе. Их общинные привычки заключаются в том, что все члены семьи едят из одной посуды...

Как мне показалось, их так называемая „деревня уджамаа“, которая должна бы перестроить жизнь вадзабе на социалистический лад, послужила лишь тому, что эти люди „покончили“ с бродяжничеством в лесу и теперь живут все вместе.

Я не заметил у них каких-либо существенных изменений ни в материальном, ни в моральном отношении. Правда, по крайней мере мне так сказали, они посеяли кукурузу и просо на общественных землях в 60 акров, с тем чтобы изменить рацион своей пищи, которая раньше состояла в основном из мяса диких животных.

Но из-за климатических условий и отсутствия навыков в выращивании урожайных культур эта попытка,

видимо, не удалась. Во всяком случае, во время моего посещения деревни там не было ни зернышка.

К сожалению, эти люди уже привыкли ожидать от правительства поставок риса, кукурузы, проса, бобов, и все это привозится им за сто километров, из областного центра Сингиды».

Проявления непроизвольного, наивного иждивенчества подобного рода у вадзабе наталкивают Ф. Очиенга на мысль о том, что речь здесь идет не о развитии, а скорее о деградации. Как отмечает журналист, многие вадзабе снова возвращаются к «лесной жизни».

Где же выход? Может быть, в самом деле, лучше оставить вадзабе «в покое», не трогать и не ломать их традиционный уклад жизни?

Ф. Очиенг возражает против такой постановки вопроса. Он совершенно справедливо считает, что этот уклад можно и обязательно нужно ломать, только для этого требуется терпение и время, свой особый подход, оправданная затрата капиталовложений и квалифицированные, преданные этому делу кадры.

Таковы лишь некоторые трудности и проблемы, с которыми приходится сталкиваться Танзании на пути современного развития. За годы, прошедшие со времени провозглашения Арушской декларации, ее положения шаг за шагом проводятся в жизнь. В статье «1973 год: нам нужен только социализм» один из ведущих танзанийских обозревателей Дж. Улимвенгу писал: «Мы действовали быстро, национализировав банки и образовав один гигантский Национальный коммерческий банк. Мы создали государственную торговую корпорацию, монополизировавшую оптовую торговлю в интересах народа. Мы укрепили национальную корпорацию развития, чтобы ускорить рост экономики страны, делая основной упор на создание промышленности.

Кроме того, мы создали различные компании или перестроили деятельность тех, которые раньше существовали, в целях ускорения промышленного развития. Больше того, мы взяли в свои руки управление концернами, ранее принадлежавшими иностранным капиталистам, и провозгласили, что отныне они будут служить интересам широких масс танзанийских рабочих и крестьян.

Это лишь немногие практические мероприятия, пред-

принятые нами для изменения характера экономики страны...

И, однако, не все в нашей стране проходит гладко. Где-то и в чем-то есть изъяны».

Какие же вопросы, возникающие в ходе практического строительства, больше всего беспокоят сейчас танзанийцев? «Начать хотя бы с того,— пишет Дж. Улимвенгу,— что те компании и корпорации, которые, как мы уже сказали, были переданы в руки народа, оказались в руках кого угодно, только не народа.

Они управляются группой бюрократов, деятельность которых не оставляет у здравомыслящего танзанийца надежды на то, что эти корпорации помогут строить социализм...»

Здесь нужно оговориться, что статья Дж. Улимвенгу рассчитана на местного читателя, поэтому отдельные обобщения, может быть, несколько гиперболически заострены, преподносятся с полемическим пафосом и задором, свойственными манере этого журналиста. Цитируемая статья была помещена в правительственном органе — газете «Дейли ньюс», что, видимо, свидетельствует о важности, которую правительство придает кадровым вопросам недавно созданных государственных компаний и корпораций. «Эти технократы,— продолжает Дж. Улимвенгу,— получили такое образование, которое заставляет их работать с оглядкой на западные капиталистические страны. Они настаивают на том, чтобы их подчиненные проходили подготовку на Западе. Они приглашают к себе по контрактам управляющих из западных фирм. Они образовали компании, которые являются партнерами пресловутых западных компаний. Даже по вопросу о том, как реорганизовать свои корпорации (для лучшего обслуживания народа, что ли?), они бегут за советом к западным агентствам.

Спросите их, почему они продолжают поддерживать контакты с капиталистическим миром, и они ответят вам вполне убедительно, что учиться деловым качествам можно где угодно и что навыки, заимствованные у западных стран, могут пригодиться в строительстве социализма.

Мы почти поверили бы им, не будь у нас другого источника перенять опыт, более полезный для претворения в жизнь наших социалистических устремлений.

Но факт остается фактом: сегодня у нас есть возможность учиться на опыте тех, кто сам приобрел его в процессе строительства социализма». Касаясь вопроса создания деревень «уджамаа», Дж. Улимвенгу отмечает достигнутые успехи, но вместе с тем замечает: «Взаимоотношения сил в деревне еще мало изменились, еще далеко не покончено с сельской буржуазией...» «Мы слишком много занимаемся революционной риторикой и в то же время маловато делаем для того, чтобы подкрепить ее революционной практикой,— пишет далее Дж. Улимвенгу.— Это вовсе не означает, что мы не добились ощутимых результатов со времени Аруши...»

В своей теоретической работе «Социализм — правильный выбор», появившейся в танзанийской печати в январе 1973 г., президент Джулиус Ньерере отвергает путь капиталистического развития: «На практике страны „третьего мира“ не могут создать у себя развитое капиталистическое общество, не отказавшись от завоеванной ими свободы и без допуска определенной степени неравенства между своими гражданами, что означало бы отказ от моральных достижений нашей борьбы за независимость... Наша бедность в настоящее время и наша национальная слабость побуждают нас сделать единственно правильный выбор... Впервые переход к социализму в общенациональном масштабе был осуществлен в 1917 г. в отсталой феодальной стране, разоренной войной и еще более пострадавшей от тут же разгоревшейся гражданской войны и международного конфликта. И тем не менее мало кто решится отрицать те важные преобразования, которые достигнуты в СССР за последние 55 лет... Нельзя отрицать, что любую страну „третьего мира“, решившую встать на путь социалистического развития, ожидают многие трудности. Но я убежден, что у стран „третьего мира“ достаточно сил для создания нового общества, в котором народы будут жить в согласии и сотрудничестве, в совместном труде на общее благо».

Это чувство уверенности в будущем разделяют все честные танзанийцы, прогрессивные силы Танзании, решающие ныне трудные и насущные проблемы обновления своей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Вступление	5
Кенийские перекрестки	10
Странная монета песа	10
Изумрудная земля кикую	13
Terra incognita	16
Политика и пули	17
Дорога на Запад	22
Кто контролирует промышленность	25
Два миллиона и два пророка	28
Многоликий Найроби	31
В ночь под Рождество	33
87 милями южнее экватора	39
Солнечная оранжерея	41
«Степь да степь кругом...»	42
«Белый, желтый и черный»	45
На Кениатта-авеню	49
«Хакуна кази»	51
Беспокойные будни Танзании	54
Неологизмы, пессимизм и реальность	54
Иллюзия спокойствия	59
«Пирог» по-танзанийски	63
Формирование нации	68
В валютно-экономических лабиринтах	73
Города и веси	78
Соль земли	81
Огни небольшого города	101
Два приветствия	102
Парадоксы Дар-эс-Салама	104
Калейдоскоп города	108
«Окно» в Африку	116
Бухта, дом или «знойный город»?	119
Загадка анонимного аскари	123
Город изнутри	126
Не сдается внаем	129
Сингх и Сингх	135

Кокосовый остров	142
На Занзибаре	142
Занзибарские агрогородки	146
Путешествие вслед за путешественником	154
Полвека спустя — по следам Экли	159
Трапеза	180
Между прошлым и будущим	184
Безымянные скульпторы маконде	185
Мир Тингатинги	189

Владимир Иванович Савельев

ПО ОБЕ СТОРОНЫ КИЛИМАНДЖАРО

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Путешествия
по странам Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. В. Ходакова*
Художник *А. К. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Т. А. Алаева*

Сдано в набор 31/XII 1975 г. Подписано к печати 25/VI 1976 г. А-06632.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 6,25+0,125 вкл. Усл. п. л. 10,71.
Уч.-изд. л. 11,07. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3715. Зак. № 2. Цена 43 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, д. 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва, Б-143, Открытое шоссе, д. 28

0-40

9-6
M

Цена 43 коп.

МАРТИН